

К 84(2Рос=Манс)
Ш 51

ЮВАН ШЕСТАЛОВ

**БОЛЬШАЯ
РЫБА**

21/5/1264

8319

ЮВАН ШЕСТАЛОВ

8319-2

БОЛЬШАЯ РЫБА

СЛОВО. ДЕЛО. ПЕСНЯ

МОСКВА
ПРОФИЗДАТ
1982

Красоведческий
ФОНД

63.3(253.3-6X)

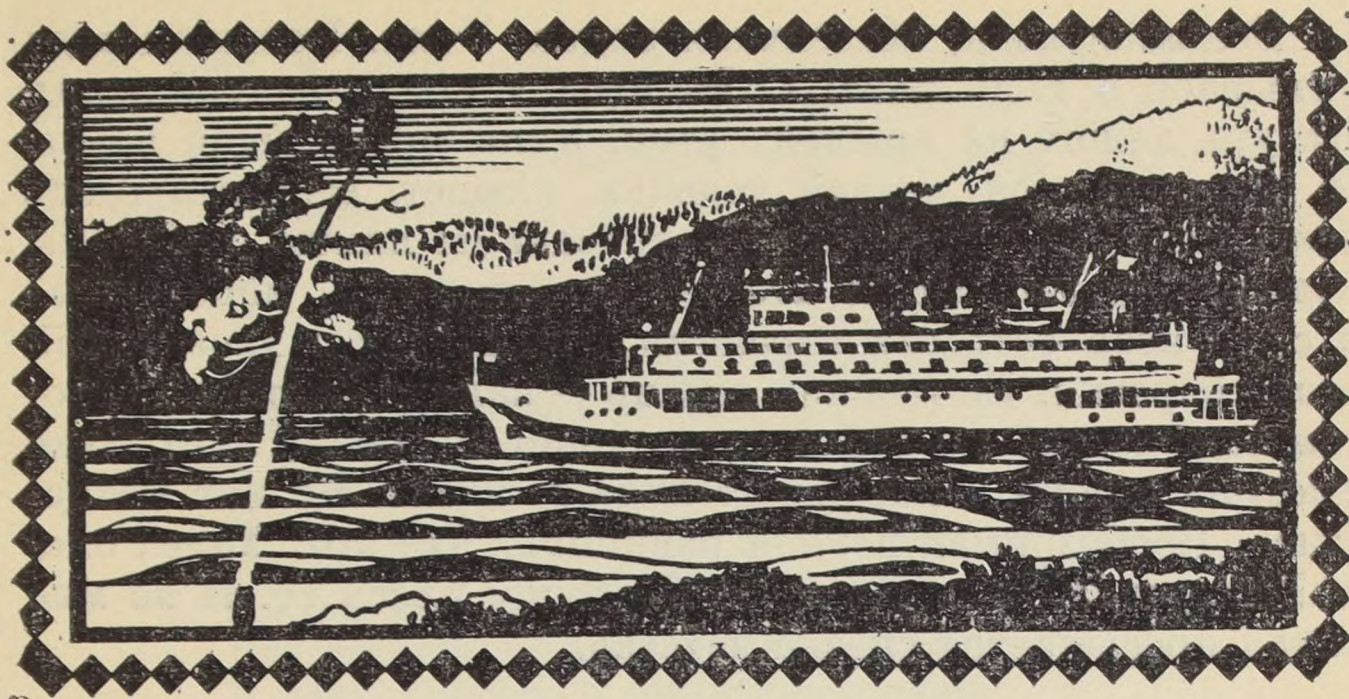
~~С (МАН)~~

K

ББК 84Ма
Ш 51

Ш $\frac{4702370000-362}{081(02)-82}$ 77-82

© Профиздат · 1982

БОЛЬШАЯ ВОДА

«Одна всех кормит, поит, носит...» —
так у нас на Севере говорят о воде.
«Рукой воду нехватишь,
И сеткой ее не зачерпнешь...
И все же: где опустятся два крыла,
Там водовороты кружатся...» —
так поют о весле.
«У четырехкрылой птицы
Следа не видно...» —
это загадка о лодке,
плывущей по большой воде.
«Быстрее всех плывет,
Дальше всех летит...» —
так говорят о мысли.

Бывают ли вещие сны? Не знаю. А вот цветные сны все же, наверно, бывают. Мне часто снится один и тот же сон.

Большая вода. Маленькая лодка. Утки. Большая вода уплывает в синь неба. Синь неба тонет в лазури воды. Лазурь лежит на крыльях уток. Утки манят меня вдаль. И калданка моя, легкая лодочка, плывет, разрезая гладь большой воды. На берегу — красавицы пихты, великаны кедры, напоминающие старцев, темные ели, нацеленные в синь неба острыми стрелами... Мелькает в хвое белый ствол березки. Ее нежная зелень — как орнамент на строгом платье тайги. Тайга тоже тонет в небе. Тайга тоже смотрит в реку. Река бежит куда-то вдаль. Ей нет конца-краю. Необозримая водная равнина... Что это? Море, океан? Большая, великая вода. Я слышу плеск ее. И во мне снова просыпается сказка детства.

Родился я в сказке под северной ночью
В лодчонке-калданке на плесе реки.
Струился у губ моих сумрак молочный,
На плес просочившийся сквозь тростники.
Бурлила вода за кормою калданки.
Баюкали волны — косматые няньки —
Под алчный напев косяков комарья.
Их жала как иглы, и плакал я в зыбке.
Плясали в ней рыбы, свиваясь в кольцо.
А чайки смеялись. Их крыльев улыбки
Падали тенями мне на лицо...

Сказка моего детства состояла не из одних улыбок. Тени мороза и комарья витали надо мной как духи зла. Мириады комаров кружатся в моем сне. Я пытаюсь их отогнать. Но их много-много. Они облепили мое лицо, тело, руки. Наконец, устав, я начинаю наблюдать за кровопийцами. Вот один летит, распластав тонкие крылья, жужжит, как камлает. Вот садится на мою руку. Водит хоботком, нащупывает поры. Впившись в тело, не торопясь начинает сосать кровь. Брюхо кровопийцы растет, становится красным, громадным. И рука моя покрывается красными пятнами, кажется, начинает пухнуть. И все тело мое зудит, ноет, невыносимо страдает. И я бегу, размахивая руками. Бегу навстречу ветру и воде. Вода сме-

ется, зовя в свою прохладу. Вода — спасение. И разгоряченное тело свое бросаю в прохладные струи. И эти прохладные струи возвращают еще детский слух мой к голосу многозвучного мира.

«Курлы-кур-лю-ли!» — выгортанивал лебедь.
И я повторял: «Кур-лю-ли!.. Кур-лю-ли!..»
Ушастые ветки, услышав мой лепет,
Качнулись, дивясь, и коснулись земли.
И ветер порывистый, синезыкий
Помчал мое слово в прибрежный тростник
И передал шепотом заросли зыбкой
Души лебединой уловленный крик.
Пропел это слово он сосенкам-струнам,
Что тянутся в небо над быстрой водой,
И лайке-собачке, и тоненьким струям
Студеных ключей у тропинки крутой...

Детство с кваканьем лягушек, с плеском уток у озер, с птичьим пением у опушек осталось где-то далеко-далеко... Порой даже кажется, что не было ни мороза, ни комарья, ни голода военного детства. Волны многоцветной, ликующей жизни захлестнули бывшее...

Лишь плеск воды будит цветные сны и, качнув колыбель, рождает новые чувства, где сказка сливается с былью...

Мне чудится сказка сияющей ночи,
Лодчонка-калданка, волна на лету,
Подхваченной пены шипящие клочья
Срываются с весел, текут по борту.
Так пусть меня вольные гребни бросают,
Как волны судьбы, что пока так добра...
Хочу, чтобы только не часто кусали
Меня длинноносые здесь комары,
Чтоб только допеть мне запев лебединый
До ночи, что черные крылья растит.
Пусть белая ночь мне вплетает седины,
Пусть чайкой смеется, кукушкой грустит.
Пусть рыбы мне пляшут в пути до причала,
И горе-печаль пусть не ставит мне сеть.
Реку не удержишь. Пусть ветер крепчает.
Пусть песню разносит — и я буду петь.

О чем моя песня? Есть такой распространенный взгляд, будто северный человек, охотник или рыбак, поет бездумно, поет о том, что видят его глаза, что слышат его уши.

Стоит ему только сесть в свою легкую лодочку, стоит только оттолкнуться от берега, как заплещется песнь его в лад игре струй, вырывая из уст детский восторг. Он поет о том, как скользит его лодка по гладкой воде, как меняются картины на поворотах реки, как дремлет лес, склонившись над плесом, как спит плес, кутаясь в тишину белой ночи. Он поет про все, воспевая себя, своих близких, знакомых, восхваляя в песне весло, лодку, собаку... Так ли это? Конечно же, нет! Песня человека северного сияния, складывающаяся в три слова — иду, вижу, пою, — не так уж поверхностна и неглубока. В ней струятся и свои глубинные чувства, плещутся мысли, рожденные не мгновением, играет слово, взлелеянное думой.

Нет, песня человека северного сияния — это не просто детский восторг или легкая импровизация чуткой к природе души. В ней нередко спрессованы века, боли сердец, думы человека, судьбы народа...

И все же я в моем повествовании хочу использовать именно этот ход — иду, вижу, пою. Только сажусь вместо лодки на теплоход. И плыву...

Наш теплоход только что отошел от пристани Тюмени.

Тюмень... Сегодня это слово известно всему миру. Тюмень это нефть. Тюмень — первый русский город в Сибири — стал «воротами» в край добычи нефти и газа.

Отсюда начинались нелегкие тропы геологов в тайгу и тундру, сюда пришел первый сибирский нефтепровод.

Тюмень — это мозг ударной стройки.

Тюмень — начало сибирского ускорения.

Шаги этого ускорения на моих глазах.

«Город Тюмень стоит при впадении речки Тюменки в реку Туру, по которой с сороковых годов развивалось пароходство, давшее местной торговой деятельности новые силы...

Сам по себе город вообще грязный и неряшливый, улицы немощеные, изрытые ямами, и не в диковинку встретить дом, перед которым расстилается громадная лужа и, свесив в нее голые ноги, сидит на крылечке мальчишка и беззаботно насвистывает песню... Дома преимущественно деревянные, почерневшие, но есть и оштукатуренные, приличные и даже красивые»¹. Так писал путешественник о первом городе Сибири в самом начале века. Наверно, немногим отличалась Тюмень от вышеописанного и в лето 1954 года, когда проездом на учебу я впервые увидел этот город.

Я стоял на палубе парохода и жадно глядел на приближающийся белокаменный город. Белокаменным показался он, может быть, из-за нескольких зданий с белыми колоннами, которые возвышались над высоким правым берегом реки. А может, купола церквей, парившие в сини тюменского неба то здесь, то там, создавали впечатление большого каменного города. Я впервые видел каменные дома. Мне, выросшему среди диких, девственных лесов, каменные строения чудились творениями особыми, возвышенными. Я ходил, глядел во все глаза, узнавал.

Здание музея, в котором я пробыл полдня, оказалось архитектурным памятником первой четверти XIX века, в стиле русского классицизма. Здесь до революции была городская дума. Это здание стояло на крутом берегу, в самом центре древней Тюмени, откуда открываются просторы левобережья. Вдали виднеются окружающие его села и деревни.

— Замечательный обзор окружающей местности, — говорил экскурсовод, — делает понятным то, что именно

---

¹ Азиатская Россия. М., 1903, с. 363.

здесь по следам Ермака Тимофеевича основали русские люди свой город как один из оплотов восточных границ Русского государства.

Я как-то незаметно для себя присоединился к группе людей, которые с вниманием слушали неторопливые, как тихие волны, слова экскурсовода.

— От музея на запад через реку Тюменку виден крутой въезд на ту часть правобережья Туры, которая считалась пригородом Тюмени — Ямской слободой. Спуск к реке Тюменке и въезд на холм завершается одним из красивейших зданий Тюмени — зданием Строительного института. За ним видны купола церквей бывшего Троицкого монастыря — одного из наиболее замечательных архитектурных памятников...

Купола церквей... В памяти цветной сон детства. Над Березовом колокольный звон и купола церквей. Березово казалось большим, каменным. Потом церкви разрушили. И мы, интернатские ребяташки, играли на обломках камней...

Березово сразу стало приземистым, деревянным, чуть больше нашей деревушки, над домами которой возвышались зеленокудрые кедры.

— За музеем, в южном направлении, открывается вид на так называемое «городище», — чеканные фразы экскурсовода возвращают меня из цветного сна в реальность. — Здесь когда-то и были развалины города Чинги-Тура — древней столицы Тюменского ханства.

От музея на юго-восток идут две главные многокилометровые магистрали — улицы Ленина и Республики — главные артерии города.

Я бродил по городу, по главным и неглавным улицам. К моему разочарованию, почти всюду были деревянные строения, чем-то напоминавшие старые дома моего Березова.

Мощные венцы стен, украшенные резьбой, оконные наличники, глухие ворота, металлические кружева узор-

ных решеток, окружая каменные строения, создавали что-то похожее на большой город.

Но стоило чуть-чуть отойти от центра, как город сразу терялся, а немощеные улицы, изрытые ямами, нередко сверкали лужами, как сто лет назад... И хотя на пути моем из тайги в большой мир Тюмень была первым крупным городом, он все же не поразил мое воображение, подобно Ленинграду или Москве.

Несколько десятков каменных домов с колоннами, купола церквей, возвышающиеся над деревянными особняками с резными ставнями, да железная дорога... И, кажется, все...

И вот прошло около двадцати пяти лет. Я снова вижу Тюмень с реки, теперь уже с палубы теплохода. Это небольшое по длительности время уже успело списать пароходы, а над берегами Туры возвести действительно белокаменный город с многоэтажными домами...

Город растет не только ввысь, но и вширь. Он раздвинул свои границы, сияя окнами новых жилых кварталов, Дворцов культуры, гостиниц, институтов, заводов.

Когда-то мой любопытный юношеский взгляд поразили купола церквей, возвышающихся над берегами Туры. Сегодня они, кажется, затерялись среди башенных кранов, господствующих в сини тюменского неба.

За бортом теплохода оставалась Тюмень — центр огромного края, превращавшийся на моих глазах из деревянного в каменный, индустриальный.

Четверть века... Срок большой или малый? Какое чудо-ускорение властвовало в этом крае, в корне изменяя жизнь?

Что видели мои глаза? Что слышали уши?

Я стою на палубе. Смотрю на берега, проплывающие мимо. Правый берег выше, левый ниже. А большей частью берега реки одинаково низменны, покрыты молодым лесом. То березки белоствольные, то осины, то тальничек, сбегаящий к самой воде.

Я стою на палубе, любуюсь все новым и новым плесом. Вон берег, покрытый елями, которые так и глядятся в воду острыми вершинами, вон дикий залив с цветущей черемухой, вот осинник, стоящий в воде...

Местами вода врезалась в берега. Весна. Половодье...

То тут, то там вспорхнет стая уток, с криком уносясь в синь. Пара гагар, сверкая белоснежной грудью, плывет так величаво, будто по воздуху.

В воздухе тишина. Вода как зеркало. Внизу и вверху голубая бездна. Так и чудится, что летишь по воздуху среди воздушного парка. И только волны, рожденные теплоходом, нарушают эту иллюзию.

Вода, кажется, до краев наполнила русло реки и никуда не торопилась. В зеркальной глади ее отражались берега, где все буйно росло, цвело, наливалось.

Каждое дерево, каждый куст, каждая травинка имели своего зеркального двойника...

А кто мой двойник? И есть ли он? Не знаю. А что такое сны? И почему мне снится один и тот же сон?

Мне снился детский сон: сверканье речушки,
И девичьим смешком плескалась в ней вода.
И снились утки мне — крылатые игрушки.
Качался в лодке я, как в давние года.
Зачем река течет, мне сердце обмывая?
Откуда этот смех девчоночий в ушах?
И тихий этот плеск? Откуда грусть такая?
И утки над рекой? И лодки на волнах?..
Мне снился детский сон. Неужто лучше сказок
Не будет у меня? Неужто небосклон
Померк и никогда не будет ярче красок?
Неужто детство — лишь один счастливый сон?

Нет, мне хочется верить, что будут не только счастливые сны, но сама реальная жизнь подарит светлые дни, наполненные яркими событиями...

Теплоход по-мансийски — огненная лодка. Мне снилась лодка. Выходит, я все же в лодке, в колыбели, которая снилась.

В воздухе тишина. Может, я стремился во сне и наяву к тишине души, к ее сокровенным тайникам? Вода как зеркало. Может, в этом первозданном зеркале я снова хотел увидеть мир, но уже не глазами детства, а с вершины прожитых лет?

Внизу и вверху голубая бездна. Так и кажется, что летишь по воздуху. Может, я еще раз хочу попарить в сказке родной колыбели, а потом, поняв всю иллюзорность мышления предков, стану на твердую землю с ее трезвой реальностью?

Я стою на палубе. Стою как заколдованный большой водой. Смотрю не насмотрюсь. Ночь уже, а светло, как днем. Откуда эта ясная светлынь? От раскрытого неба, или от водной глади, или от розового свечения на сияющих плесах и заливных лугах? Над заливным лугом летит белый лебедь. Что я слышу? Песню лебедя или плач я слышу? Если бы пара лебедей оживляла эту ясную светлынь белой ночи, то, возможно, я и услышал бы песною лебяжью. Над заливным лугом летел одинокий лебедь. Кто-то убил лебяжью песню. И я услышал плач:

Я в объятиях неба...
Подо мною земля
И озер камышовые гнезда...
Я выше деревьев.
Лучи моих глаз
Могут пощупать то,
Что скрыто за чертой горизонта.
Вы придумали, люди, что я пою,
Лепечу, как ребенок, от счастья...
Я давно уже плачу...

Небо застонало. Стон приближался, рос. Взглянув вверх, я увидел обыкновенный самолет. Он летел в сини белой ночи, оставляя за собой серебряный след. И, кажется, я снова услышал плач лебедя:

Высоко надо мной
Распласталась стальная

Незнакомая птица,
Громкий голос ее
Оглушает меня в полете.
А крылья
Вызывают солнечное затмение.
Люди стоят на земле, головы запрокинув,
И смотрят
За пределы неба,
Куда я заглянуть не могу,
И хмелеют от песни железной...
А когда-то
Манси трогали пальцами
Струны моей души
И называли свою деревянную птицу
Нежноголосым лебедем...
Что глазете вы, как в музее,
На мое одиночество?!
Из-за чьей-то одинокой жестокости
Я от стаи отстал...

Самолет утонул в пламени зари. Заря белой ночи повторяет путь солнца. Солнце ушло за горизонт на северо-запад. Теперь играет на северной стороне неба. И, чуть сдвинувшись на северо-восток, оно вскоре выкатится из-за горизонта огромным медно-красным шаром, и краски поблекнут, растворясь в солнечном свете. Все станет обычным. А пока сказка белой ночи машет крыльями лебзяжьими:

Сто кругов
Прочерчу я над озером,
Где прадеды мои вили гнезда,
Окунусь в белизну белой ночи,
А утром,
Когда в небе нас будет двое —
Я и солнце —
И не грянет железная песня,
Я рассыплю смех,
Вылеплю лепет
И, как след, оставлю
Старинный последний
Свой клич:
— Летите, люди, в космос,

Сверлите, люди, землю.
Смотрите туда,
Куда я заглянуть не могу.
Но берегите
Белые мои озера,
Ибо
Почервеет небо без белых лебедей,
Почернеют ночи без белых лебедей.
Под зеленой травой
Проступит черная пустошь.
Не топчите травы —
Я совью на них гнездо
И белой ночью
Высiju для вас белых лебедей...
А утром,
Впервые увидев солнце,
Они рассыпят смех,
Вылепят лепет
И, как след, оставят
Старинный последний лебединый клич...

В белизне белой ночи плыл лебедь. В северо-восточной стороне неба пылала заря, вызывая на небо солнце. Солнце близко, солнце где-то рядом. Вот уже его золотые ресницы, вот выглянул кончик красного глаза. Все запылало, заискрилось. Вот уже на горизонте закрутился огромный медно-красный шар, освещая мир светом нового дня. Ночные, таинственные краски блекнут, растворяясь в солнечном свете. Все становится обычным. Теперь можно и спать. Теплоход наш плывет на север. А я уплываю в сон.

В моем цветном сне полыхало северное сияние, перебиваясь всеми цветами радуги, играя всеми сказками детства.

У ВРЕМЕНИ СВОЯ ПЕСНЯ

Мои загадки:

— Были бы ноги, до неба бы дошла.

Что это?

— Дорога.

— По белой дороге идет загадочный человек.

След его слова образует.

Что это?

— Карандаш, когда он пишет.

— На белом снегу черные камушки.

Что это?

— Страница книги.

— Без языка, а со всеми разговаривает.

Что это?

— Книга.

— Есть удивительный волшебник.

В нем в одном живут люди

разных времен, разных племен.

А говорят они на одном языке.

Что это?

— Книга.

Неужели только в книге можно совершать
путешествия во времени и в пространстве?

Я долго спал, слившись со снегом, с мифами и сказками дедушки, не ведая о времени, о мире, о себе... Но солнце новой жизни разбудило мой народ и меня. Проснувшись, я увидел дорогу, какой не видели мои предки. И я пошел по ней... Пошел от берлоги к чуму, от чума к дому, от дома к дворцам, от селения к городу, от страны к стране.

Время шло рядом со мной. Порой я не замечал его движения. Но, услышав его шаги, я не бежал прочь... Я шел к людям. Я шел с людьми.

Чем дальше на север, тем шире разливалась река, отесняя приземистые берега. Впрочем, временами берегов, как таковых, было не видно, вода гуляла не только по заливным лугам, но и по полям. Весна. Половодье. Большая вода.

Вода... Почему я отношусь к ней с каким-то неизъяснимым трепетом, будто передо мной если не дух, не бог, то какое-то живое существо, перед которым я благоговею? Не от предков ли подобные ощущения? Для предков моих река, бывшая кормилицей, казалась волшебным духом, богом...

И чем могла казаться древнему человеку река, которая вечно куда-то стремилась, бежала, сверкая гладью, то бушуя волнами, то разливаясь, как море, то сужаясь до небольшой речки, которую можно перейти вброд, река, которая то благодетельствует человеку, даря ему рыбу, то в гневе вредит ему, поглощая его вместе с лодкой в своих водоворотах и стремнинах?.. Огромным живым существом казалась река моим предкам. И в каждой реке, в каждом водоеме были свой водяной царь или водяная царица... Им приносились жертвы. Даже я помню, как мама моя, проезжая некоторые плесы реки, бросала в воду то монету, то колечко, то волос с головы, а то просто слово скажет. Вода, как всякое живое существо, любит доброе слово...

У всякой реки, большой или малой, есть свое слово — имя...

Река, по которой плывет наш теплоход, называется Тура. «Тура... Тура! Что это за непонятное слово?! — воскликнет кто-то. — Как перевести, как докопаться до пер-

воначального его смысла?» «Тура, Тура», — шепчу я. «Тур-я, Тур-я», — повторяет мой язык, не забывший еще слога предков. «Тур-я, Тур-я», — слышит мой мансийский слух. И тут же осмысление как прозрение: Тур-я — озерная река. Тур по-мансийски — озеро, я — река.

Гладь реки ломалась под теплоходом. Если бы не деревья, стоявшие местами по колено в воде, трудно было бы отличить, где берега. Тура могла в это весеннее половодье показаться неопытному глазу озером.

Впрочем, слово «тур» на мансийском языке означает не только озеро, но и заливной луг в поймах Оби и Сосьвы, где летом, в пору разлива реки, нерестится и жирует обская рыба. По-русски такой луг или озеро называется «сор», видно, от хантыйского слова «тор», мансийского — «тур».

Тура, Тур-я — река со множеством заливных лугов, со множеством соров, озер, заливных плесов, где в половодье нерестится рыба. Тура, Тур-я — озерная река...

Возможно, кое-кому покажется это случайным совпадением, легкомысленным вымыслом поэта. Ведь сегодня на берегах Туры нет никаких манси. Население, в основном, состоит из русских и татар. Деревни, села, города, выплывающие навстречу теплоходу, устремлены в небо русскими церквями, татарскими мечетями, новостройками нашего времени.

Время смотрит с берегов. Берега реки Туры большей частью обжитые, говорят о людях, об их занятиях и нравах...

Если бы не половодье, если бы не стихия весны, я бы, наверное, и не почувствовал дыхания природы. О девственности и первозданности и говорить нечего. Ничего мансийского, кроме игры большой воды, я на берегах Туры не увидел.

Может быть, и в названии случайное совпадение?

Но передо мной исторические источники. Они свидетельствуют, будят мысль.

Первое довольно подробное описание Туры сделано академиком Лепехиным. Он предполагал, что слово «Тура» произошло от хантыйского слова «турца», означающего «роскошь» или «приволье». Но большинство исследователей считают, что слово «Тура» произошло от древнемансийского «тынра». Так историк В. Н. Татищев в своем небезызвестном труде «Введение к историческому описанию Великороссии» утверждает, что Туру манси величают Тынрой, а это значит «длинная» или «долгая». Такое же толкование названия этой реки дается и в современном учебнике «География Тюменской области».

Я подробно остановился на слове «Тура» еще и потому, что время от времени в печати появляются статьи, заметки любителей «страны топонимики». Само по себе это хорошо. Значит, люди любят свою землю, хотят знать ее историю, пытаются докопаться до истинного значения слов, обозначающих названия рек, озер, урочищ, городов...

Еще Герард Фридрих Миллер, знаменитый историк середины XVIII века, в своем фундаментальном труде «История Сибири»¹ тоже говорил о названии реки Туры.

«При этом нужно принять также во внимание, что татары название реки Туры произносили как Тере, что и вогулы², которые, вероятно, были более древними, чем татары, обитателями тех мест, называли эту реку Тере или Тере-я. Следовательно, татарское название могло произойти от вогульского...»³.

Передо мной лежит объемистый том «Истории Сибири», и я не раз буду ссылаться на него в моем монологе-воспоминании, в современной тэрни-эрыг — героической песне жизни...

¹ Миллер Г. Ф. (1705—1783) родился в Германии, работал в России. Первый том «Истории Сибири» вышел в свет на русском языке в 1750 году.

² Вогулы — старое название манси.

³ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 194.

Кто такой Миллер? Что за труд он сотворил? Почему я обращаюсь к такой «старине» в наш век космоса и научно-технической революции?

«Российскому государству служу я с 1725 г., но не имел я счастья в живых застать Петра Великого, коего указом для основанной государем Академии наук определен профессором,— пишет Г. Ф. Миллер в своей автобиографии.— Сибирское мое путешествие, коем я все страны сего обширного государства, в длину и в ширину, до Нерчинска и Якутска объездил, продолжалось почти десять лет. Отправился я туда 8 августа 1733, а возвратился 14 февраля 1743 г. Всему путешествию сочинил я точное описание. Все дороги, коими я ездил, описал обстоятельно... Пересмотрел и в порядок привел архивы всех сибирских городов... и нужное описал; остатки древностей я описал и велел изобразить в лицах, нравы, употребления, законы и пр. тамошних народов описал...

По возвратном моем из Сибири приезде главнейшее мое попечение состояло в сочинении «Сибирской истории»...»¹. Собранный в этом фундаментальном труде огромный обработанный неутомимым тружеником материал, по мнению ученых, до сих пор сохранил свое выдающееся научное значение и в известной мере является первоисточником по истории Северной Азии, так как некоторые документы не дошли до нас и доступны изучению лишь по тем копиям, которые приложены к «Истории Сибири». Какое значение имел этот труд? По свидетельству ученых, Северная Азия в начале XVIII века еще оставалась «погруженной для географов в глубокий мрак». «Вся страна слыла под именем Татарии, все народы, в ней обитавшие, почитались за татар,— писал Гмелин, современник и товарищ Миллера по научной работе,— не знали даже, как далеко (на восток) тянется

---

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 147—149.

суша и продолжается ли она до Америки или отделяется от нее морем»¹.

А мы, люди XX века, многое ли знаем о своей земле? Читая страницы этой книги, я снова и снова открывал край, где родился и рос, находил такие факты из прошлого своего малого народа, о существовании которых и не подозревал. Факты трехсот — четырехсотлетней давности... Может, они нам, людям, строящим будущее, ни к чему? Ведь не я ли восклицал как-то в своих стихах, поднимаясь в гору современности:

Я знаю одно как заклятье:
Пока я иду одинокий
Вниз, как в темное прошлое,
Я не должен, не должен глядеть!

А может, не почувствовав сердцем «темного прошлого», нельзя понять, оценить шаги созидания настоящего и лучезарный свет будущего? Может, чувствуя это, я в самом начале моей творческой жизни пропел и такие декларативные строки:

Пахнет ягодами ветер
Над рекой моей могучей,
И не волчьих глаз цепочка,
А огни в тайге горят.
Вот муксун, как юный месяц,
Полыхнул в сетях певучих
Но вершины древних кедров
Мне поют на старый лад.
Мучит слух мой песня эта,
Жжет глаза мне дымом едким.
Есть такое у поэта
Право — помнить о былом!
Даже в полдень коммунизма
Я оплачу горе предков
И спою о беспокойном
Пробуждении моем.

---

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 5.

Мое пробуждение началось на реке моего детства. Река моего детства течет в Сибири.

«Сибирь стала известна России, не говоря уже о других европейских странах, не более 200 лет тому назад — два века назад, — писал Миллер. — Жители Сибири с древнейших времен больше старались прославить себя оружием, нежели описанием своих деяний. В ней не процветали ни наука, ни искусство, да и умение писать большей частью было мало распространено. Поэтому легко рассудить, что о древнейших событиях этой громадной азиатской страны трудно рассказать много достоверного или основанного на неопровержимых фактах»¹.

Если сибиряки во тьме веков смогли прославить себя оружием, то чем же нам сегодня прославиться, как не овладением светом наук, вершинами искусств, как не показать себя на поле труда и созидания, где куется всемогущее сибирское ускорение!

Все народы имеют свои сказки, которые дедушки рассказывают своим внукам. И я слышал такие сказки. Но я не буду искать в них разрешения исторических тайн. Я обращаюсь к тем немногим фактам, которые собрали историки и географы, открывая Сибирь, размышляя над именами народов, рек, гор, сравнивая их с давно известными, ища сходства и различия, делая предложения, заключения.

Случалось раньше, что некоторые исследователи за неимением достоверных фактов или незнанием языка древних жителей не раз толковали обстоятельства и редкие факты определенно в пользу своей гипотезы и на основании этого делали сравнения, заключения и приводили такие доказательства, которые должны были служить основой для истории.

В таких случаях вслед за Миллером скажем, что правильнее будет, если события древних времен из жизни

---

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 169.

отдельных народов, за неимением основных доказательств, оставлять по-прежнему неразъясненными, чем давать им неправильное освещение. И все же кажется, я знаю иной язык, чем те, кто прикасался к бытию и фактам жизни малых народов Сибири. Наверное, им, людям, вскормленным плодами европейской цивилизации, совсем непохожей на культуру человека северного сияния, нелегко проникнуть в смысл и принцип духа народов Сибири, их своеобразную культуру. Чтобы понять язык души, язык культуры человека северного сияния, необходимо не только знание этого языка, но и более глубокое осознание самого себя как носителя той своеобразной культуры, как частицы вечно движущейся истории.

Мне кажется, что я вполне современный человек, человек XX века. И все же я порою чувствую себя древним-древним. И просыпаются во мне сказки, видения веков являются...

У каждого народа есть прошлое, в том или ином виде присутствующее в современности. Даже, наверно, когда кажется, что прошлое это — пройденный этап, что оно полностью оставлено позади, всецело стало достоянием истории, то все же и в этом случае надо его знать, так как только в сравнении с ним, с этим безвозвратно ушедшим состоянием, можно понять наиболее глубоко и полно нынешнее состояние.

И потому мое путешествие по родной Сибири одновременно будет путешествием во времени от современности к прошлому и от прошлого к современности.

Думаю, что нынешнее состояние нашего края поставит вопросы, которые мы задали прошлому, прошлое же вознаградит за любознательность материалом для размышлений как над самим собой, так и над современной Сибирью, где сегодня куется ускорение современности.

Итак, огненная лодка — теплоход движет меня в пространстве. Надеюсь, движению во времени мне помогут дух предка Мирсуснэхум, Словопесня и историк Миллер.

ТОБОЛЬСКИЙ ОРНАМЕНТ

Белыми песцовыми снегами,
Нежными и снежными песцами,
Всеми драгоценными камнями,
Что сквозь землю светятся огнями,
Синими морозами крутыми,
Северным сиянием над ними
Ты богат, могучий славный Север.

Впереди показался Тобольск. Стольный град старой Сибири, главная стройка большой химии наших дней.

Город, увенчанный славой старины, овеянный легендами современности. Белокаменный кремль, чудесная каменная вязь узорочья соборов, жемчужина деревянного зодчества...

Старина и новь, былое и настоящее...

Это орнамент, который надо хранить, не торопясь разгадывая каждый узор его неповторимой души...

Тобольск...

Он пришел ко мне из сказки, как бабушка и дедушка, как вода, небо, лес. Вместе с первыми большими словами он пришел ко мне. По-мансийски он имел привычное для таежного слуха имя — Тупыл-ус и находился не так уж далеко. Чуть подальше Хальуса, чуть побольше Березова — нашей полуночной северной столицы. Не помню первую встречу с Березовом, но там я бывал много раз. Семнадцатилетними юношескими глазами я увидел впервые Тобольск. Но мне тогда казалось, что я его знаю давным-давно. Может, всему тому причиной сказки де-

душки? А может быть, его вечерние камлания, когда он бил в бубен, общаясь с духами? Ведь его Мирсуснэхум, Всевидящий дух, улетая в верхний мир, всегда останавливался в белокаменной столице Сибири, парящей в небе куполами золоченых церквей! Мирсуснэхум здесь общался с русским богом, несущим железный крест. Он нередко вступал в борьбу с купцами, чиновниками и даже с самим царем. Царь, казалось, восседал здесь. Только под этим высоким небом был центр земли и ее столица.

Может, я с Эквапыгрисем сюда приезжал? Эквапыгрись — человек из сказки. Эквапыгрись — сын женщины, внук бабушки, сирота без отца и матери.

И я сын женщины. И я слушал мансийские сказки. После удачной охоты и рыбалки Эквапыгрись всегда отправлялся в Тупыл-ус, привозил сюда свою добычу — золотые меха, осетров, муксунов. Он удивлялся, как чуду, городу верхнему и нижнему. На верхней стороне дома высокие, как горы, сияли окнами. На нижней стороне дома низенькие и, как карликовые кусты, бежали под гору к плещущейся воде большой реки...

Наш теплоход подходит к Тобольску. С реки он смотрится по-особому. Уже за двадцать километров отчетливо различаешь две белые линии строений, образующих верхний и нижний город. Нижний город прилег у самого Иртыша усталым Коньком-Горбунком, верхний город парит на довольно высоких холмах новым крылатым лайнером, о котором еще не сложено сказок. Деревянные домики с железными крышами, башни Тобольского кремля, шпили церквей и башенные краны новостроек, рыбацкие лодки и мачты судов создают впечатление причудливого северного орнамента.

Этот орнамент еще до конца не вышит, не дорисована картина будущего, не спета песня. Но под мелодичный плеск воды за бортом теплохода мне слышится:

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей...

Алябьев... Он жил здесь. Этот мелодичный плеск воды, необозримая даль, уплывающая в синь неба, синь неба, звенящая над тальником, склонившим ветви к струям, над крутым, как судьба, осыпающимся песчаным берегом, над смолистыми кедрами, над белокаменной столицей дремучей Сибири. Но песня снова возвращает меня в сказку. И я слышу:

Как у наших у ворот муха песенки поет...

Не с этой ли присказки начался волшебник слова Ершов? Помню, только я научился читать, как он меня усадил на своего Конька-Горбунка и понес, приподняв над лесами, над долами...

И, отдавшись течению сказки, кажется, я реально начинал жить в них яркими и незабываемыми картинами. А картины были почти привычными. Тайга, лес, река, золотое поле пшеницы... Правда, настоящего пшеничного поля я не видел. Но в соседнем русском колхозе был засеян овес... Осенью колосья зазолотились, волновались на ветру, звенели по-ершовски.

Даже в самых волшебных обстоятельствах: в небесной ли столице, в подводном ли царстве, куда попадал Иван-дурак, — всюду, казалось, было много реального... Этот Иван-дурак так походил на Эквапыгрися, на безродного сына женщины, достигающего сметливостью в конце концов необычных удач. И не знал тогда я, что Ершов в детстве жил в Березове, где и мне приснились потом березовские сны.

Возможно, по всем этим причинам Тобольск показался мне знакомым. Будто я жил когда-то в нем.

Знакомыми мне показались и пристань, и улица, мощенная деревянной мостовой из наскоро сколоченных досок, которые будто поют под колесами телег, и дома с резными диковинными узорами, и базар с рыбьим духом...

Хотя в первый мой приезд Тобольск еще дышал своим сказочно-старинным обличем, но в нем купцов уже

не было. И я ступил на его улицы уже не как Эквагырь, привезший меха и рыбу, а новым молодым человеком, которому открыты все дороги в большой мир. Я ехал на учебу в Ленинград.

В Тобольске, ярморочном торговом городе, когда-то кончался понятный мир манси.

Отсюда, от Тобольска, приюта северных муз, началась моя новая тропа в новую, неизведанную жизнь... И какой-то она будет?..

И вот прошло более двадцати лет. Передо мной Иртыш. Широчайший водный простор. Вдали в дрожащем мареве зеленел зарослями ивняка низкий берег. А на этой стороне коренной яр поймы золотился песчаными обрывами. Горностаевая волна билась о песчаный берег с легким плеском. Река рябилась, вся сияла, переливаясь под лучами заходящего солнца. Слепило глаза от этого яростного ликования воды и света. Вот солнце застыло над дальним увалом, как бы раздумывая, отдаться ночи или подняться снова вверх, чтобы нести тепло и свет миру...

Я иду по вечернему Тобольску. Иду просто так, смотрю, дышу теплым воздухом волшебного мира, так знакомого и милого с первых услышанных сказок...

А сказка опять была обыкновенной. Под ногами деревянная мостовая. Доски поскрипывали. Как и прежде, чуть пахло рыбой. У лотков, ларьков пустые ящики с засохшей чешуей золотистого карася. Видно, днем здесь бойко торговали рыбой. Почерневшие от времени дома с железными крышами, с резными диковинными узорами...

Окна закрыты ставнями на железных болтах. Во дворах нет-нет да и взвизгнут дворняжки. Любят, видно, тоболяки, как и прежде, собак. Ведь отсюда начинается первозданная северная тайга...

Солнце уже скрылось, но его золотые косы еще продолжают пылать над ночным Тобольском. Они так и не угаснут. Белая ночь будет идти со мной рядом, показы-

вая прелести старинного деревянного и каменного зодчества...

Я дошел до моста. С него открывался прекрасный вид на верхний Тобольск. Глаза смотрели, ноги шли, преодолевая сто девяносто четыре ступени знаменитого Прямского взвоза, увенчанного аркой рентереи. Рентерея — длинное здание, когда-то было хранилищем казны. По сказочному слогу, в царскую казну Эквапыгрись сам носил золотистый мех — мягкое таежное золото.

Слева бывший дворец генерал-губернатора. И Эквапыгрись не раз бывал в царских палатах. И описаны они довольно реалистично. Вот одна из сказок... В ней Эквапыгрись назван Миленьким. Не удивляйтесь, много было у него имен. А это имя, видно, он заслужил. Так послушайте.

«Миленький вошел в царский дворец. Смотрит, пол, как зеркало, так все сверкает. Повесив черно-бурую лису на шею, он направился к царю. Увидев его с чернобуркой, царь засиял ярче пола.

— Садись, Миленький, — говорит с улыбкой царь, приглашая сесть в мягкое кресло.

Подбодрился и Эквапыгрись. Взяв в одну руку чернобурую лису, другую протянул царю. Поздоровались.

— Побеседуем, что ли, — начал царь после небольшой паузы. — Скажи, Миленький, какая пища самая питательная?

— Вода и соль — самая питательная пища, — не задумываясь, отвечает гость.

— А какая одежда самая теплая? — задает новый вопрос царь.

— Трава — самая теплая одежда, — говорит Эквапыгрись.

— Сколько лет прошло, как на яру выпал снег?

— Лет шесть-семь прошло с тех пор.

— Сколько исполнилось лет, как начали течь реки и ручьи?

— Лет шесть-семь исполнилось, как потекли реки и ручьи.

— Умеешь щипать пух с уток и гусей?

— Если подвернется такое дело, сумею.

— Если умеешь, оставайся здесь.

Царь ушел в другую комнату. Царские помощники и говорят:

— Миленький, скажи, что тебе сказал царь?

— Если положите полную шапку золота, тогда скажу, — говорит Миленький, взяв в руку шапку. Наложили ему полную шапку золота. Тогда сияющий от удовольствия Миленький говорит:

— Вот что я вам скажу: если умеете обманывать, значит, умеете щипать пух с уток и гусей...»

А может, не с царем разговаривал Эквапыгрись, состязаясь словом, а с генерал-губернатором? Владыкой огромной Сибири, царем казался губернатор, облеченный неограниченной властью над Сибирью, над ее тайгой и реками, над ее людьми. И простые люди тайги и тундры нередко путали его с самим белым царем... И еще: до царя дойти — как на небо взобраться, а до генерал-губернатора все же можно!

И потому эти царские палаты не палаты ли дворцов Тобольского кремля, тоже сиявшие великолепием и роскошью?

И мне было приятно вслед за Эквапыгрисем вдохнуть знакомую прохладу рукотворного каменного ущелья, ведущего в подворье кремля. Отсюда открывается чуждая панорама нижнего города, отсюда начинается славный град Тобольск, увенчанный славой, какой не знал ни один город Сибири.

Я походил по мягкой траве-мураве площади кремля. Сейчас здесь единственный в Сибири величественный историко-архитектурный заповедник. Софийский собор, Шведская палата, Меновой двор, Приказная палата, Захарьевская, Покровская, Спасская церкви... Центром

заповедника является Тобольский краеведческий музей, занимающий бывший архиерейский дворец.

И в доме архиепископа сибирского бывал Эквапыгрись. И об этом есть сказки. Содержание одной из них вот какое.

Явившись в священный город, Эквапыгрись стал на путь борьбы с царскими людьми, с чиновниками, попами в поисках облегчения жизни бедного люда...

Эквапыгрися поймали, решили казнить, зашив его в мешок из сырой коровьей шкуры. Но он хитростью заманил в мешок вместо себя попа. Поповскую одежду надел и пошел к царю в гости.

— Откуда ты, поп, приехал? — спрашивает царь.

— Из другой царской земли, из другой божьей земли, — отвечает Эквапыгрись.

— Ну, ладно, гостем будешь.

Поели, попили.

Царь и говорит. Царство мое большое. Дела замучили. А то бы я с тобой помудрствовал. Извини, идти мне надо, дела вершить. А ты будь гостем, не скучай.

— Ты Эквапыгрись, я тебя узнала, — сказала царица, как только ушел супруг.

— Верно, я Эквапыгрись. А ты помочь мне не хочешь?

— Хочу! — воскликнула царица.

— Давай так сделаем, пусть царь со мной кататься поедет.

Когда вернулся царь, царица попросила его об этом. Царь согласился. Запрягли они трех лошадей и поехали за город. На зеленой светлой поляне остановилась тройка. Полюбовавшись речкой, зеленью, цветами, Эквапыгрись и говорит:

— Царь, давай попробуем силы, кто сильнее.

— Что же, давай.

Начали бороться. Эквапыгрись царя победил, да так, что насмерть. Надел его одежды и вместе с царицей поехал в город.

— Соберите всех попов, купцов, начальников,— приказывает он, обращаясь к чиновникам.

Попы, купцы, начальники все собрались. Эквапыгрись вышел и начал речь держать.

— Вы,— говорит,— Эквапыгрися убить не могли. Я сам Эквапыгрися убил.

Попы и чиновники заорали:

— Мы убили!

— Где?

— Там!

— Пойдем!

Пошли. Смотрят, а они, оказывается, главного попа — архиепископа убили, который вместо Эквапыгрися в мешке остался.

Эквапыгрись, как царь, приказал посадить всех попов в тюрьму. Потом начал разбираться с чиновниками. Чиновники начали друг на друга указывать, друг друга топить. Так поодиночке Эквапыгрись всех чиновников пересажал.

Потом собрал бедный народ и начал такую речь держать:

— Теперь вы, бедные люди, свободны. Но вы, как стадо без пастуха, бродите по тайге, тундре, горам без богатыря, без духа. Я Эквапыгрись. Вы меня всегда возвеличивали в сказках. Но я сам не знаю, как улучшить вашу жизнь. Я же не могу вас всех сделать царями. Давайте вместе думать, как нам дальше жить!..»

«Как нам дальше жить?..»

Этот вопрос решила Великая Октябрьская революция...

Между прочим, по иронии судьбы именно в Тобольске протекали последние дни бывшего царя.

Сюда, в белокаменную столицу Сибири, в сопровождении многолюдной свиты и лакеев была сослана семья

Романовых. Временное правительство отвело бывшему самодержцу дворцовые апартаменты, городской сад «для отдохновения», обеспечивали щедрым довольствием. Здесь рухнули последние планы спасения царя...

Люди из бедного рода, рабочие и крестьяне, как и сказочный Эквапыгрись, начинали побеждать. Мансийская сказка сбывалась...

Я ходил по ночному Тобольску, любуясь его лепной стариной, которая так много помнит. Здесь что ни улица, то история, что ни дом, то памятник времени.

А время не стояло на месте. Оно шло вместе со мной. Я смотрел на розовое небо, на незатухающую зарю, превратившуюся незаметно из вечерней в утреннюю. Она все больше и больше наливалась розовой улыбкой близкого солнца.

Передо мной снова плескалась большая вода.

Я сижу на бревне, удобно облокотившись на колени. Чувствую, что привык к удобствам. И на диком берегу Иртыша я сижу не «объятый думой», а просто так. Я хочу смотреть, любоваться ширью, которой так стало не хватать! Я сожалею о чем-то. Но о чем? Не знаю. Я только чувствую, предчувствую... Может быть, мне не хватает на «диком берегу Иртыша» истинной дикости и первозданности? Не знаю... Но чувствую, что, прикоснувшись к большой воде моих предков, я снова приобретаю утраченные было нити естества и природы...

Я думаю о гармонии старого и нового, которая может разрушиться, когда Тобольск превратится в крупнейший нефтехимический комплекс и встанет в ряд с такими всесоюзными стройками, как Волжский автомобильный завод и КамАЗ, а по мощности превзойдет Омский нефтекомбинат...

Я знаю, что судьба Тобольска кровно связана с развитием всего тюменского Севера — месторождений неф-

ти и газа, лесных и рыбных богатств. Звездный час бывшей столицы Сибири пробил в 70-е годы нашего века, когда было решено превратить Тобольск, родину Д. И. Менделеева, как дань уважения великому русскому химику в главный центр химии Сибири...

И как ни странно, это меня больше всего беспокоит: а что будет с водой Иртыша, которую в низовьях пьют мои сородичи, не исчезнет ли рыба? Без рыбы манси, ханты жить не могут... Что же будет с живой и трепетной природой?..

Уже утром, при ясном солнце, я поделился своими сумрачными вечерними думами с Юрием Тимофеевичем Кузнецовым, заместителем начальника Тобольского речного порта, который меня любезно встретил и проводил на новый теплоход...

— Сооружение Тобольского нефтехимического комплекса внесет серьезный вклад в развитие производительных сил области и всей страны,— говорил Юрий Тимофеевич, как истинный патриот будущего Тобольска.— Рождение комплекса даст мощный толчок экономике и культуре нашего города. Здесь возникнут предприятия лесохимии, строительной индустрии, пищевой и легкой промышленности. Раньше мы, речники, были главными людьми, от которых зависело многое в крае бездорожья. Теперь же Тобольск превращается в крупнейший транспортный узел всего края благодаря бурно развивающемуся железнодорожному, трубопроводному, авиационному транспорту.

В городе откроются новые учебные заведения, Дворцы культуры, преобразится театр...

Я слушал речника, с увлечением говорившего о будущем родного города, а думал о своем. Мне бы не хотелось всеобщего преобразования...

К примеру, Тобольский драматический театр, образно говоря, это же терем из поющего дерева. Островерхие деревянные башенки, крутая шатровая крыша, затейли-

вый фронтон. Да это настоящий праздник искусств! Много ли таких театров на земле? И стоит ли его преобразать?!

С опаской я думаю о нефтехимии, о промышленном исполине, о его открытиях, которые могут сказаться на природе не только моей большой воды...

— Природа и люди позаботились о будущем нашего исполина, — отвечает Юрий Тимофеевич на мои опасения. — В сутки он будет употреблять не одну сотню тысяч кубометров воды. Многоводный Иртыш «напоит» промышленный организм. Трубопроводы с ханты-мансийского Севера будут вдоволь питать исполина нефтью и газом. Тобольская ТЭЦ — энергией электрического огня.

В состав промышленного исполина войдут завод синтетического каучука, предприятия, выпускающие продукты нефтехимии и нефтепереработки, нефтехимическое оборудование.

Я снова плачусь о реке, лесе, чистом воздухе, о растительном и животном мире... На что Юрий Тимофеевич отвечает:

— Проект Тобольского комплекса позволяет свести к минимуму вредные «издержки» нефтехимического производства. Авторы проекта предложили бесбросовый метод снабжения комплекса водой. Однажды взятую воду из Иртыша «закольцуют» так, чтобы многократно использовать во всем технологическом процессе. Твердые отходы, которые выделены из воды, будут надежно захоронены. Тоболяки посадят защитную лесную полосу. Рыболовные и охотничьи угодья, туристские и спортивные базы вокруг Тобольска станут естественной зоной здоровья.

По генеральному плану, рассчитанному до 2000 года, Тобольск должен превратиться не только в коммунистический город с четвертью миллиона населения, но и сохранить для потомков все исторические памятники.

Иртышский Крутояр оденется в камень. Над живописной набережной поднимутся комфортабельные высотные

здания. На пороге своего четырехсотлетия Тобольск снова превратится в процветающий экономический и культурный центр Сибири...

Не слишком ли высокие слова говорит мой собеседник?

Вижу, передо мной сидит мой современник, довольно молодой человек — лет тридцати двух. Я знаю, что он окончил Новосибирский институт инженеров водного транспорта. Человек с образованием. Много лет работал старшим диспетчером. Через его руки проходил груз для северян. Значит, рядовой труженик. А последние пять лет он трудится в должности заместителя начальника Тобольского речного порта. Передо мной явно не риторик, а обыкновенный речник, один из тех, кто творит сибирское ускорение.

С весеннего ледохода до осеннего ледостава на берегах Иртыша, где раскинулись речные причалы, кипит трудовая жизнь, не знающая ни дня, ни ночи. Тобольск стал гигантскими речными воротами, через которые хлынул небывалый поток грузов для всесоюзных ударныхстроек нефтяного Севера. Тогда река была главной и единственной дорогой...

И труженики Иртыша приняли самое горячее участие в обеспечении оборудованием и материалами.

Сегодня бегут поезда от Тюмени до Самотлора... Первые рельсы и шпалы, крепеж и балласт для строителей стальной тысячекилометровой магистрали доставлены были речниками. Через Иртыш и Обь, через сотни таежных речек, выгнув стальные спины, побежали мосты. Без труда речников, доставляющих металлические конструкции для монтажников железнодорожных мостов, не могли бы соединиться берега рек, разделенные веками водной стихией... От прославленного Самотлора, от газовой жемчужины Уренгоя, других месторождений Севера потянулись в разные концы страны трансконтинентальные трубопроводы, по которым течет «черное золото» и голубой огонь.

И речники — добытчики огня, потому что трубы завезены ими. И в ЛЭП-500, протянувшейся от Тюмени до Сургута, есть лепта речников, и в электрическую энергию Севера вложен труд славного коллектива Тобольского технического участка Иртышского бассейнового управления водных путей...

Передо мной сидел речник, труженик. Я знаю, что такое река. Может быть, пойму до конца и речника. Нет основания мне не верить его высоким словам...

Я благодарю его не только за информацию... Наш теплоход «Чернышевский» отходит от речного вокзала. На речном вокзале шумит человеческий прибой.

За бортом плещется иртышская волна. Волнение охватывает и меня: я снова в огненной лодке, снова плыву по большой воде к добытчикам доброго огня нашего времени...

БЫЛИНА О СУМРАЧНОМ ВРЕМЕНИ

— Рядом с человеком идет, а его не видно.

Что это?

— Время.

Все оглядываются на время,

Только время ни на кого не глядит.

И все же снегу и дождю — свое время.

Придет время — и река оживет, лед уйдет,

Эхо голосами птиц заголосит.

Каждая птица своим клювом клюет.

Каждая гагара о своем желудке орет.

Каждый журавль свою подругу кличет.

И все же у каждого плеса реки свое эхо,

У каждого времени — своя песня.

За бортом теплохода оставался Тобольск — стольный град Сибири.

Тобольск... При этих звуках всплывают в памяти слова: Ермак, Кучум, Искер, Сибирь... Передо мной опять лежит том «Истории Сибири» Миллера.

«Вообще думают, что Сибирь является татарским названием местности и означает не что иное, как главный город, — пишет Миллер. — Если же спросить об этом тобольских татар, то такое значение является для них совершенно неизвестным. Они называют это место Искером. Название «Сибирь»... по всей вероятности, из языка инного народа, который дал первые сведения об этой стране»¹.

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 195.

Искер находился в пятнадцати верстах выше современного Тобольска. В бывшую столицу Сибирского ханства от города можно было дойти пешком. По-над кручей правого берега пыльная тропа приведет теперь уже к заповедным местам. Недалеко от деревушки Аммасовой, на крутом глинистом яру, есть ровная площадка, поросшая травой. Если присмотреться, то можно заметить чуть заметные углубления, тоже поросшие травой. Это рвы. И все это очень напоминает «священные» мансийские и хантыйские городища, которых множество в Ханты-Мансийском крае.

«...На нижнем течении Иртыша и Оби можно найти много следов старинных городков... Когда я расспрашивал остяков, кем сделаны эти городки, они отвечали единогласно, что в них во время неприятельских нападений жили их предки, а неприятелями их были частью татары с верхнего Иртыша, частью самоеды с нижней Оби, которые нередко беспокоили их, грабили их добро и уводили в полон их жен и детей. Если татары... и совершали частые нападения на остяков, то из этого еще не следует, что они покорили себе этот народ...»¹.

Не был ли когда-то Искер одним из таких городков? Очень уж знакомо на угро-финский слух звучит это название.

«Йис» — древность, «кер», «кар», «курт» — город, городище, крепость, деревня...

Искер — древний город!..

Вслушайтесь в современные названия мансийских, хантыйских, коми-пермяцких деревень — Люликар, Войкар, Аскурт, Овкарт, Вешакар...

Хан Кучум, восседавший в Искере, пришел в эти края из Бухары. Чужеземец. Завоеватель. Он пытался наложить тяжелый ясак на манси и ханты, порою ему уда-

---

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 198.

валось принудить и некоторых князей к участию в походах.

У Искера разыгралась знаменитая битва, мастерски запечатленная Василием Суриковым в картине «Покорение Сибири Ермаком».

Слева дружина Ермака. Хоругви и знамена. Припав к пищалям и ружьям, устроившись на носу лодок и стоя по колено в воде, дружина неудержимо продвигается вперед. Возбужденные лица. Устремленность вперед. Справа на высоком косогоре хан Кучум и татарское войско. Под косогором — ханты и манси. Одежда их ярка, узориста. Луки и стрелы. Деревянные щиты, обтянутые лосиной шкурой. Северяне, прижатые двумя стихийными силами, растеряны. Кто охвачен страхом, кто опечален смертью или раной соплеменника, что жаждет боя... Бой... Но с кем? Кто истинный враг, а кто может стать другом?

Так можно понять картину Сурикова...

— Что это ты так рассматриваешь? — раздался голос Слова-песни в ритмичном шуме теплохода... — Ну-ка покажи, покажи. Мне теперь важно знать, чем ты живешь, чем интересуешься. Во все времена в жизни был свой смысл. Мне надо понять тебя. Ведь ты для меня не чужой, а прямой потомок...

Слово-песня сидел за столом в богатырских доспехах. На голове его остроконечный шлем, соболья шуба подпоясана шерстяным поясом, на поясе сабля с золотой рукояткой, за плечами стрелы и лук, на груди щит...

Увидев небольшую репродукцию с картины Сурикова, он весь как-то преобразился, стал сосредоточенным.

— Откуда у тебя этот священный амулет? Про нашу жизнь здесь вычеканено. Бой на Чувашевом мысе. Вот этот слева — я. Хочешь, расскажу?

В руках у Слова-песни появился многострунный журавль. Он запел былинку про века минувшие, про богатыр-

ские времена, когда манси слушались своего князя и
внимали духам славных предков. И я увидел перед со-
бой Неройку, который пел былинку.

Я, богатырь из медного города,
Висящего на конце серебряной цепи,
Я, князь с косами лесного человека,
Я, хозяин уютного уголка земли с мехами соболиными,
Тебе скажу слово.

Слушай!

Однажды..

Мои глаза — две спелые голубики —

Смотрят вдаль, видят:

Над лесами моими, кишущими зверьем,

Над реками, плещущими большой рыбой,

Поплыли черные облака.

Смотрю вдаль и думаю:

Люди мои, манси и ханты,

Хозяева леса и рек,

Как они живут?

Я иду к ним.

Смотрю: чумы моих людей лежат на земле,

Дома моих людей свалены,

Лишь олени оставлены живыми,

Лишь собаки жалобно лают.

Поднимаю сваленный чум.

Вижу: один убитый здесь лежит,

Другой мертвец там валяется.

Беру аркан, ловлю оленя.

Убиваю его, мажу жертвенной кровью поверженных.

Вижу: постепенно люди оживают.

Я спрашиваю их: «Кто вас убил?»

«Из черной стороны

Пришел черный Кучум,

Отобрал оленей, а нас убил», —

Говорят они.

«Я пойду по земле, а вы идите за мной», —

Говорю я им.

Запрягают они оленей и идут со мной.

И идем по лесам густым,

Плывем по рекам широким,

По земле безбрежной, как богатыри,

Как воины славные, идем.

И сабли наши скрещиваются
С косыми саблями Кучума,
И стрелы летят,
И бой кипит...

Слово-песня пел долго. Пел вдохновенно, рисуя картину за картиной сражения богатырей в то далекое сумрачное время.

Бой был жестоким. Бились грудь о грудь. Зеленая трава стала красной. Ручьи и реки заалели от крови. Летели на меня стрелы, я их отводил от себя богатырской рукой. Но одна из заколдованных стрел пронзила мою руку. Остановился я — стрелу вынуть. Да налетел на меня татарин, выбил саблю из рук, свалил меня наземь. Но за голенищем кисов у меня был заколдованный нож. Засверкал он неожиданно и распорол живот моему врагу.

Не успел я встать и поднять саблю вновь, как рядом со мной вырос на коне другой татарин. Размахнувшись окованной железной палицей, он разбил мой остроконечный шлем. Оглушенный, я упал на землю. Меня связали. Очнулся я в стане татарского хана. Кучум сидел на ковре, поджав под себя ноги. Бритая голова его желтела, как высохшая осенняя трава. У ресниц та же желтизна. Слезящимися глазами он печально смотрел на меня.

— Проснулся, неверный! Смотри, поклонись аллаху и увидишь свет истинной веры. Нет бога кроме бога. К нему все возвращается, — говорил он.

— Богаты мы своими лесными богами, — ответил я, приподнимаясь. — Боги наши живут вокруг нас, как звери и птицы. И стоят они не только идолами, а растут высокими деревьями, скачут в лесах юркими зверями, плещутся в реках рыбой. Боги наши мчатся в небе птицами, сияют ночью звездами, падают с неба дождем и снегом. Вашего бога мы не видели. Как он выглядит, не ведаем. Не будем ему молиться...

Кучум вынул из ножен саблю, и сверкающее острие ее поднес к моему горлу и сказал:

— Магомет — пророк аллаха. А я посланник Магомета. Видишь, как сверкает лезвие моей сабли! Саблей и мечом водворю в дикой тайге веру аллахову...

Красные веки его задергались. В узких гноящихся глазах застыла злоба. Злоба дикая, вековая.

Да, я, мансийский князь, знал силу кучумовской сабли. Она подчинила все татарские племена по Тоболу, Туре, Исети, по всем великим и малым притокам полноводного Иртыша.

Он требовал дани со скотоводов Барабинских степей и озера Чаны, творил набеги в низовья Оби...

Охотников заставлял платить ясак золотисто-темными соболями, серебристо-ворсистыми бобрами, лисицами черными и красными, выдрами речными, белками лесными. Ловчих птиц любил хан. Таяло сердце его, если приносили в дань соколов и кречетов. От меда и воска не отказывался. Требовал большую рыбу — с севера, быстрых скакунов, отары жирных баранов — с юга.

Да, Кучум мастерски держал в руках не стрелу охотника, не весло рыбака, не хорей оленевода, не топор строителя, а меч кровавый.

Сверкнула сабля острием у моего горла.

В это время в шатер вошел слуга и, поклонившись до земли, пропустил вперед татарина в богатой одежде. На нем была шапка из черного соболя. Дорогой татарский кафтан и пояс. На поясе сабля с золотой насечкой по клинку. Лишь глаза его горели неистовым огнем. Пошатываясь от усталости, он торопливо ронял:

— Неверные идут на нас. Из-за камня идут, из страны Урус. А звать богатыря Ермаком. Войско его невелико. Но на своем пути всех сминает. Оружие у них диковинное. Лук не лук, стрела не стрела. Палка, а стреляет огнем. Выстрелит, стрел не видно, лишь гром загремит да дым кругом... Будто облако спустилось. Люди падают, от невидимых стрел нет никакой защиты. Кольчуги, панцири, щиты — все пробивают огненные стрелы.

Кучум опустил голову. Долго думал.

— Быть войне! — проворчал он. — Кличьте воинов. Пусть гонцы с золочеными стрелами скачут по всем улусам, юртам, городкам — зовут ясачников ко мне с оружием... Пусть они не ждут других приказов, кроме золоченой стрелы, грамоты войны.

Потом Кучум поднял помутневшие глаза в мою сторону. Долго смотрел потеплевшим взглядом.

— Слышишь, Уштяк, урус идет. С огнем, с громом, с мечом идет. От него уштякам, вогулам и всем таежным людишкам не будет спасения! Давайте объединять силы!

Наконец я тяжело поднялся с ковра. Острием сабли хан развязал веревки, связывавшие меня.

Пригласил сесть за низенький ханский столик. На столике появилось дымящееся мясо, кумыс...

— Истинно сказал пророк о неверных: бог запечатал их сердца и слух и на глаза им набросил покрывало: не видят они истину, не слышат настоящего друга. Я друг лесным людям!..

Он своими руками вручил мне, мансийскому князю, чашу с огненной водой.

Посмотрел на меня, прищурив глаза, выпил до дна. Потом и говорит:

— Волки и те защищают свое логово. Не в одиночку, а стаей защищают. Ермак идет на нашу землю. Ермак-разбойник. Слышал, как твоих сородичей он грабил в прошлую зиму, когда стоял лагерем на реке Серебрянке?

Слово-песня, отрешенно взглянув на меня, тронул струны многострунного журавля и запел в лад звукам.

...Глаза мои — два зоркоглазых ястреба, уши мои — два острослухих ворона. Видели глаза мои обиженных сородичей, слышали уши мои их горькие жалобы, и зимовье Ермака я видел.

Оно стояло на северо-восточном берегу Серебрянки при устье небольшой таежной речки Кокуя. Ермаково горо-

дище было укреплено стоячим тыном, бревнами, заостренными кверху.

Недалеко от городища было много манси. Мирные они люди. Мудрый зверь от них не уйдет, рыбу добыть умельцы. Встретили пришельцев как гостей: орехами-ягодой угощали, сушеной рыбой одаривали, мясо птицы и зверя преподносили. Да среди пришедших и правда оказались разбойники!..

Кен-кеным,
Кеным, кеным,
Кеным-ги-на!
Кеным-ги-на!

Слово-песня играл на своем журавле. Я думал о том далеком времени, над его былиной.

Миллер в «Истории Сибири» писал:

«...Было бы хорошо, если бы казаки довольствовались этим и не брали бы ничего иного, кроме съестных припасов... Но их разбойничьи наклонности не могли этим удовлетвориться: они забирали у вогулов все, что находили, оставляя несчастный народ в их убогих юртах совершенно обобраным и без всякого продовольствия.

Такое жестокое обращение не могло, конечно, вызвать расположения к казакам. Слух об их приходе быстро распространялся до самых отдаленных мест. Не только вогулы, но и соседние с ними татары собирались во множестве, чтобы объединенными силами оказывать отпор своим непрошеным гостям...»¹.

Не случайно потом царь Иван Васильевич напишет в грамоте посланнику Строгановых:

«...Послали вы... казаков Ермака с товарищи воевать вотяки и вогуличи и пелынские, и сибирские места сентября в 1-й день, а в тот же день собрался пелынский князь с сибирскими людьми и с вогуличи, приходил войною на наши Пермские места, и многие убытки нашим

---

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 220.

людям починили. И то сделалось вашею изменою: вы вогуличь и вотяков и пелынцев от нашего жалованья отвели, и их задирали и войною на них приходили, да тем задором с Сибирским салтаном ссорили нас, а волжских атаманов, к себе призвав, воров, наняли в свои остроги без нашего указа...

А не вышлите из острогов своих в Пермь волжских казаков атамана Ермака Тимофеевича с товарищи, а учнете их держати у себя... и такую вашей изменою, что над Пермскими месты учинитца от вогуличь, и от пелынцов, и от Сибирскаго салтана людей вперед, и нам в том на вас опала своя положить большая, а атаманов и казаков, которые слушали вас и вам служили, а нашу землю выдали, велим перевешати...

Царь и великий князь всея Руси...»¹.

Книга Миллера лежала передо мной. Слово-песня, дух предка сидели передо мной. О далеких временах говорят они. Те далекие времена мало мне понятны. Ермак, Кучум, мой предок манси... Сложные типы, люди сумрачного времени. Нелегко и мне их понять. И все же понимать их надо: пока не уловишь истину исторического движения, не поймешь и себя, человека XX века.

Кен-кеным,
Кен-кеным...

В руках Слова-песни снова звенели струны, а в устах его плыла былина.

— Думал я о Кучуме. Захватчик. Насильник. Вымогатель... Думал я о Ермаке. Разбойником его называют. Думал о присяге манси и ханты русскому царю... Но ведь Ермак тоже не друг русскому царю...

Кучум подходит ко мне и с моего колчана снимает трехгранную стрелу. Трехгранная стрела — сигнальная стрела бедствия и войны. Когда стрела боевой тревоги ле-

---

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 342—343.

тит от чума к чуму, из стойбища к стойбищу, люди должны идти в городища под начало своего князя и становиться воинами.

Так было в старину.

Трехгранную стрелу Кучум передал гонцу, сказав: — Скачите, гонцы. По тайге и тундре, передайте стрелу Большого вогульского князя малым князькам как грамоту начала боевой тревоги. Пусть спешат и не ожидают других приказов. Их ждет Большой князь Неройка в моем стане. Ермак — наш общий враг — стоит у порога... Истинно сказал пророк: да будет ему мучительная казнь!..

Так мы оказались между двух огней.

Утро того дня уже пахло предзнаменованием. Небо на востоке было красным, как железо на огне. Костры на Чувашевой горе пылали тревожно. Чужая смерть, ржали татарские кони. Копья колыхались, дрожа на ветру, как сухие талинки.

На вершине горы, над ханской юртой, белой, как снег, колыхалось зеленое знамя Кучума.

На противоположной стороне войско Ермака. Ермак стоял, обнажив голову. Долго стоял, смотрел на Кучума. Будто думал. Потом провел ладонью по волосам, перекрестился, надел остроконечный шлем на голову и, бросив взгляд вперед, взмахнул остроконечной саблей.

Загремели бубны русских, зазвенели литавры, заплескались, плывя вперед, знамена. Дружина Ермака пошла на приступ Кучумовой столицы.

Из-за укрепленного городского вала полетели стрелы и копьей. Горшки с кипящим дегтем скатывались с горы на головы казаков. А на осенней траве, серебряной от мороза, лежали уже умирающие. Конь, задыхаясь от крови, храпел, рыл копытом землю. Наши собаки-лайки визжали, почуяв человеческую кровь. И мы бряцали щитами, били в бубны священной лапкой гагары. Ханты дули в берестяные трубы, зовя на помощь богов своих.

Палки русских — пищали — плевались огнем и невидимыми стрелами. Но грознее всего была «большая палка». Пушкой ее звать. Как взревет, так взметнет клубы дыма к небу. Запах горячей меди, пороховой угар... В гуще сражения мелькали пики и стрелы, доносились злобные визги татар, храпение павших коней, лязг мечей о панцири и шлемы. Сквозь кроваво-дымные тучи мутно светило золотолицее солнце, удивляясь человеческому безумию...

Кажется, в этот миг помрачнело золотое лицо и нашей золотой богини Сорни-най, идол которой мы привесли с собой, дабы советоваться... Из левого ее глаза потекла не слеза, а кровь... И мы, захватив ее богиню, побежали в сторону от дерущихся. В Большие леса ушли.

На холме высоком, среди лиственниц и кедров, устроили великое камлание. Под священным кедром сияло золотое лицо Сорни-най. Сорни-най — золотая вещая богиня — умеет предсказывать будущее. И потому около нее люди держат совет.

Она живет на небе. Но ее идол люди бережно хранят на земле. И, когда зажигается священный жертвенный огонь, — она спешит к людям. Темной ночью с неба дальнего, как камень, сияя огненным светом, спускается она к священному костру и говорит с шаманом, а шаман — с народом. Вместе будут думать боги, деревья, люди. Ведь у всех одно небо и одна любимая земля.

Священный костер разжигал сам шаман — великий, старый, мудрый предсказатель, который для каждого всегда находил слово ласки, слово вещего значения дней грядущих, дней прошедших, что он ясно видел взором в царстве духов легкокрылых.

И вот костер наш разгорелся. Искры летели в небо, превращаясь в звезды. Звезды стояли рядом. Они начинались здесь, у костра.

У костра начинались сумерки изначального хаоса.

Дети снегов стояли на краю мира, на краю своей судьбы, с вечными вопросами: с кем? куда? что будет?

Треснул огонь. Искра огня полетела, как сорвавшаяся с неба звезда. Искра огня упала на старца, на вещего колдуна и шамана.

И мудрый старец, духов друг, под мерные удары бубна тихо-тихо, непонятно начал с людьми и богами разговор, беседу.

«Горе! Горе! Правда, горе! — говорил он тихо. — Зимой — мороз, в тайге вас караулят звери. У вас врагов лютых много. Они требуют ясак, к вам приходят с ножами острыми. Черные арканы юркие, змеиные кидают на шеи девушек вогульских и увозят. Смиритесь, ханты, смиритесь, манси! Может, голубоглазые русачи вам будут другом и защитой!»

Загремели барабаны, затрещали все сороки, на деревьях совы дикие и филины громко щелкали гортанью и кричали: «С кем тайгу делить мы будем? На измену нас зовет он».

Зашумели, как осины на ветру, воины, заспорили:

— Разве мы врагов не били? Иль топоры наши притупились, потеряли зрение стрелы? Разве мы не богатыри Югры?!

— Медведь не дерется с рысью, в бой не вступает.

— Зачем нам драться, в бой вступать?

— А как же честь свою мы защитим?

— Дружбой, словом!

Люди спорят, на огонь глядят веселый невеселыми глазами.

— Пошамань-ка, узнай, что скажет Сорни-най, наша золотая богиня.

И шаман дрожащей рукой поднимает старый бубен и, прислушиваясь к ветру, нагревает над огнем бубен с лоснящейся кожей годовалого оленя. Кожа бубна затрещала, попрозрачнела над светом, крепче в ободу стянулась.

Раз! ударил еле слышно. Два! Зазвенели тихим звонком знак-тамга и клюв гагары.

Вещий старец запыхался от тяжелого гадания. Он глаза свои зажмурил, и в его дрожащей руке, как крыло, застыла колотушка. Вот он поднял ее, четыре раза бросил на четыре стороны света. Каждый раз народ покорно подавал ее шаману. Гром гремел над тайгой, тени робкие скользили — это духи вместе с шаманом о грядущем ворожили.

— Слышу, слышу! — крикнул старец. — Слышу голос, вам не слышный. Вы не бойтесь! Ваши жены, как икряные нельмы, будут полны и плодивы... Лес платить ясак вам будет и пушниной, и мясом, реки с мутною водою рыб по берегу погонят в ваши хитрые ловушки, а тайга и тундра мерзлая столько выплодят оленей, сколько игл на старых кедрах. Вы не бойтесь злой старухи — красной оспы! Мой народ она не тронет. И придет скоро время, когда народы тайги и тундры станут вечными друзьями. Вы послов в Москву пошлите. И слово дружбы в ней найдете!.. Там и скажут, кто такой Ермак. А пока надо идти к Ермаку...

Через несколько дней пошли мы к Ермаку. Он принял нас уже в Искере, брошенном татарским ханом.

Гостеприимно принял нас Ермак. Рад был нашим подаркам: мягким мехам, вяленой рыбе, медовым сотам.

— Притеснял нас Кучум, — сказали мы, — требовал большой ясак, идолов рушил, девушек уводил. Кучум наш враг. Будем друзьями для русских, если вы мир обещаете, если будете защитой и помощью от врагов!

И разрешил Ермак принести присягу по своей вере.

Хантыйские князья клялись в дружбе на медвежьей шкуре, выпивая из золотой чаши воду, приговаривая: «Кто изменит, ты, золото, чуй...»

Присягая в верности, я и другие мансийские князья проходили между половинами рассеченной надвое собаки.

И Ермак сказал:

— Мы вас не будем трогать. Ловите больше рыбы да зверя. Будет вам мир и счастье...

Был я тогда Неройкой, сказал Слово-песня. Мужиком-скалой стоял среди людей. Богатырем Югорского камня называли меня. Оленей пас я на склоне гор и в тайгу за соболем ходил. Только приходилось мне держать в руке сирай — остроязыкую саблю. Врагами были народы на земле. Кривые татарские сабли сверкали с юга, требуя ясак. С севера черноликие люди-самоеды нападали, уводя жен в рабство. С запада теснили нас торговые люди коми-зыряне, отнимая землю, реки, урочища соболины. Приходилось держать в одной руке стрелу ловца-охотника, в другой — саблю-«молнию».

Слово-песня замолк. Повик головой. На лице его появилась задумчивость. Долго смотрел на меня. Тяжело вздохнул, потом и говорит:

— В то сумрачное время каждое племя винило другое и поднимало свой меч. А великие шаманы обращались к духам так:

Настало мгновение,
Когда прославленному роду
Угрожает чума черной смерти
Со стороны злых духов.
Светлые духи великой земли,
Ушедшие поколения предков,
Не смотрите косо на нас.
Настало мгновение,
Когда заколебалась
Основа нижнего мира.
С чувством мудрой
Богини Сорни-най
Произносим мы заклинания,
Призывая свет и понимание.
Настал день, когда против огня и меча
Мы поднимаем слово,
Повторяя великие заклинания
О мире...

ВЗГЛЯД С САМАРОВСКОЙ ГОРЫ

А время превратно и мглисто.
Куда тебя гонит судьба?
Каким ты наполнено смыслом?
И кто же отправил тебя?
Прапрадеды ханты и манси
Лепили столицу Искер.
С востока пришли иностранцы,
Из южных степей и пещер.
Скатились в холодные чумы
От плена, но в рабство зимы...
И кто их рассудит с Кучумом,
Не станем печалиться мы.
Пусть время превратно и мглисто.
Волшебна у слова судьба.
Не страшным — торжественным смыслом
Наполнили люди тебя.

Наш теплоход подходит к пристани Самарово... Самарово... Что это за слово? Если сегодня спросить коренных жителей, мало кто из них ответит на этот вопрос...

Наверно, это не случайно. Просвещенная Европа веками считала, что в ледяной земле Севера, закованной тьмой, не может быть жизни и истории. И сегодня под пером журналистов, пишущих о шагах первопроходцев тюменской нефти, нет-нет да и промелькнут мертвяще-холодные строки: «Там, где не ступала нога человека». Такие обычно говорят о Севере с ужасом, смешанным с восхищением. Белое безмолвие. Мертвая тишина. Холодный край. Реки, промерзшие до дна. Болота, мари с коч-

ками, метелками вместо деревьев. Хилая растительность, погруженная в сон. Ледяная земля ослепительной белизны, окаймленная серой полосой в отдалении. Ни одного предмета, на котором мог бы остановиться взор. Ни одной резкой линии, никаких ярких цветов, ничего, что бы прерывало подавляющее однообразие пространства.

Лишь безоблачная лазурь небосвода над бесконечной снежной равниной, над которой на мгновение выгянет глаз солнца, на краткий миг озаряя угрюмого ледяного сфинкса, и снова мрак тишины...

Тишина... Звездная тишина северной ночи ярче короткого дня. Звезды, как огненные звери, ходят и пляшут по всему небу. А когда расстилается северное сияние, вспыхивая бесчисленными разноцветными фигурами, напоминающими цветной сон, земля озаряется ослепительными бликами. Над землей ни облачка. Воздух прозрачен. Лишь над белой рекой туман. Но и воздух, содержащий тонкие кристаллики тумана, не менее сух, чем и прозрачная атмосфера...

Животные забиваются в норы и берлоги. Только черный ворон отваживается покружиться в воздухе слабым и медленным полетом, оставляя за собою легкую полосу пара.

И человеческих следов не видно на белом снегу. Бесконечное безмолвие. Ледяной сфинкс. Вечная мерзлота. Мертвая земля...

Так ли это?

Не совсем так. Сибирские зимы не так уж страшны, как воображают многие, прежде чем сами испытают их. Человеку, тепло одетому, имеющему очаг и пищу, нечего бояться даже самых сильных морозов.

Человек идет, оставляя на снегу живые следы, следы своей человеческой истории.

Как утверждают ученые, еще в древнейшие времена на территории севера Сибири существовала своя высокая и самобытная цивилизация. Об этом свидетельствуют ве-

ликоленные открытия советских археологов, об этом красноречиво говорят данные этнографии и топонимики, помогающие раскрыть многие белые пятна сибирской истории...

И вот я снова в таежной сказке. Вокруг меня стоит лес. Высокий, густой и темный до черноты. Статные кедры перемежаются с соснами, пихтами, елями. Нет-нет да и промелькнет между ними березка, осина, лиственница... Пахнет багульником. Слабое дуновение ветерка приносит откуда-то клочья седого тумана.

Тропинка, выходящая сквозь заросли молодняка и кустарника, вдруг выводит меня к оврагу, над которым стоит пихта, склонив свои маслянистые ветви. А на другой стороне гордо, как часовые, стоят громадные кедры.

Внизу нет-нет и да и взглянет на тебя валежник с торчащими вверх корнями, покрытыми черной землей. Пятна ягеля, серовато-белые, светятся в сумрачном лесу у ног этих чудовищ застывшим оленьим жиром.

На мгновение мне показалось, что это тень Куля, злого духа, вечно блуждающего по ханты-мансийскому лесу.

Я свернул с тропинки и пошел чуть вправо. Но луч солнца, сверкнувший на скривленной верхушке лиственницы, рассеял мое мгновенное суеверие, оставшееся от предков. И я снова бодро зашагал по Самаровскому урману, рядом с которым раскинулся привольно Ханты-Мансийск — современный северный город.

Я думаю об этом городе, о его первых строителях, пришедших сюда в 1929 году и в пяти километрах от старинного села Самарова построивших новый город — столицу Ханты-Мансийского автономного округа.

Я думаю о тех первостроителях, которые гордились тем, что они звоном топоров да грохотом падающих деревьев отгоняли подальше все лесное звериное население, даже самого хозяина леса — медведя. И все же я благодарен: у них хватило мудрости оставить в сохранности этот кедровый бор на Самаровской горе.

Я иду по кедровому бору. Вдруг своим глазам не верю: стоит передо мной... не дом из бревен, не дворец из камня, не церковь с летящим в небо куполом, не сторожевая башня со шпилем... стоит передо мной кумирня, обыкновенная языческая кумирня — обиталище духов предков.

Я от такой неожиданности остановился. То ли помутился мой разум, то ли это наваждение?.. Но глаза мои смотрят. Но глаза мои видят.

Стоит небольшая квадратная избушка, рубленая из досок. Крыша на ней двускатная. Кедр-великаны сложили на крыше мохнатые лапы. Лапы седые от мхов, свисавших до самой земли. На толстых тесаных досках выжжено изображение медвежьей лапы. Над дверью, как амбразура, смотрит глаз оконца. А выше над темным глазом окна, над крышей летели ветвистые оленьи рога — священный знак счастья.

Так лишь шаманы украшали свои кумирни... Но откуда в современном Ханты-Мансийске шаманы? И кто сегодня верит духам?! Пожалуй, никто!

Смотрю, глазам не верю: чуть в сторонке, справа от избушки, под огромной елью — место для костра. Вокруг костра стоят идолы, аккуратно вырезанные из досок, местами с обожженными узорами-орнаментами, какие вышивают ханты-мансийские мастерицы на своей одежде, сшитой из оленьей шкуры...

С трепетом открываю дверь «священной» избушки в версте от Ханты-Мансийска и вижу: внутри стоит столик, покрытый лаковым кожзаменителем. На столике раскрытый учебник истории восьмого класса. Вдоль стены — лавка. На ней лежит большой охотничий нож, а в углу стоит недорезанная фигура идола...

Ребята играют в язычников... Кто-то из них станет художником. Уж очень искусно вырезаны идолы...

Взволнованный увиденным, я пошел дальше по тропе, выходящей меж вековых деревьев.

С огромным трудом поднялся на гору по более пологому склону оврага, на дне которого весело пел ручей.

Вдали, в рамке из раскинувшихся ветвей кедра, между двумя обрывистыми мысами, заблестела река. Над рекою повисли серые, тяжелые, золотом пронизанные облака. А внизу играли, гоняясь друг за другом, окрашенные в цвета неба легкие волны Иртыша.

Я стоял на ровной поляне, круто обрывавшейся в Иртыш. Со стороны Иртыша она могла показаться горой, на которую невозможно подняться. Гора-крепость. Нельзя представить себе более простого естественного укрепления. Не остатки ли это бывшего городища югорского князя Самара?..

По описаниям Миллера оно было где-то здесь. Миллер в своей «Истории Сибири» писал: «На Иртыше оставалось только одно место, которое надо было еще завоевать. Оно было особенно важно, потому что там имел местопребывание главный князек остяков, живших по Иртышу и Оби,— Самар; по его имени местечко названо Самаровским ямом... Кроме того, Самар имел еще для убежища небольшой городок, остатки которого можно и сейчас еще видеть; этот городок находился на высокой крутой горе, которая кажется очень близка от Самаровского яма, если плыть вниз по Иртышу, но если совершить этот путь по берегу, то расстояние будет около двух верст...»¹.

Я стоял на ровной поляне в поперечнике не более пятнадцати метров. Две ямы, поросшие однообразным грязно-зеленым мхом, выделялись на ней, как два впавших глаза на старом лице земли. На их месте могли стоять два дома, построенные по тогдашнему обычаю ханты и манси наполовину в земле, наполовину над землей...

Несколько таких священных городков раскопал на обском Севере замечательный знаток мансийского языка, крупнейший археолог нашего времени Валерий Николае-

---

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 246.

вич Чернецов. Он открыл так называемые Подчевашскую и Усть-Полуйские культуры. Культуры яркие и самобытные, принадлежавшие предкам современных манси и хантов.

Они относятся ко времени, когда впервые широко распространяются городища, укрепленные частоколом и валом. Жилищем людей тогда служили землянки прямоугольной формы, с очагом, расположенным ближе к выходу. У стен по обе стороны были нары. Землянки устраивались, как правило, на краю крутого склона, на который выходили входные крутые коридоры.

Но городища не являлись единственным видом поселений. Площадь их обычно невелика. И они едва ли были в состоянии вместить в своих пределах все население. Часто можно видеть, отмечает Чернецов, что вокруг городища, как правило, на небольшом расстоянии расположены ямы от землянок, одновременных и самому городищу.

Как отмечают историки, приход русских не уничтожил племенных разделений народов обского Севера, не нарушил отношений, существовавших внутри каждого племени. Хантыйские и мансийские князьки остались во главе своих сородичей под условием аккуратной уплаты ясака, подобно тому демьяновскому князьку Бояру, который сразу после падения Кучума явился на поклон к Ермаку и которого Ермак отпустил, «честно жалую». Так в той или иной мере сохранились и под русским владычеством старинные югорские княжества, лишь постепенно теряя внутреннюю самостоятельность.

Одно из них не только существовало до 1644 года, но и сумело сохранить независимость, выступая союзником Москвы в ее продвижении на восток.

«Летопись рассказывает только об одном богатом остяцком князе Алаче, которого Брызга поставил на место Самара как главного над всеми тамошними остяками. Впоследствии мы увидим, что Алач и его потомки

занимали видное положение среди остяков, — пишет Миллер. — Так называемые Кодские городки, под именем которых подразумеваются все прежние укрепленные места остяков и теперешние местечки и волости по реке Оби почти от устья реки Иртыша до отдаленных границ Березовского уезда, по большей части были им подчинены, а живущие в этой местности остяки долгое время даже платили этим князькам дань, примеров чего не было среди других остяков и подобных им народов»¹.

В летнее время люди переселялись в легкие временные жилища из бересты и коры, как это было совсем недавно. Лишь в момент военной опасности все собирались в городище, чтобы совместными усилиями отразить нападение врага под водительством Большого князя. Таким Большим князем был Самар. Он, очевидно, не участвовал «в приношении шерти» Ермаку, когда после победы над Кучумом большинство мансийских и хантыйских князей перешли в стан казаков и, пройдясь «между собачьими головами», дали клятвенное слово на союз и дружбу. Он, видимо, не давал такой клятвы, ведь северяне и до сих пор щепетильны в отношении к данному слову, и потому с восемью другими «княжцами» решил у своего городища на высокой горе дать бой.

«...20 мая казаки подошли к юртам князя Самара. Они поехали по небольшой протоке реки Иртыша, которая теперь называется Казенной протокой и лежит подле восточного берега... Так как эта протока вблизи Самаровского яма опять соединяется с Иртышом, то казаки доехали по ней прямо к остяцким юртам. Дело происходило рано утром, и они нашли на берегу только спящий караул, который был тут же перебит. Самар с восемью другими князьями, призванными им на помощь, проснулся от шума и хотел со своими людьми оказать сопротивление, но тотчас же был убит казаками. Это так напу-

---

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 246—247.

гало остальных, что они обратились в бегство, а немногие оставшиеся простые остяки не оказали никакого сопротивления, обещали покорность и обязались платить ясак»¹.

Память об этих княжествах сохранилась в героических песнях и былинах. Былины говорят о войске в пятьдесят, самое большое — триста человек. Во главе войска стоит отыр — богатырь, канась-князь... Князья в героических песнях отличаются великолепием; былины повествуют о роскоши их платьев, об амбарах на курьих ножках, где хранятся их богатства, о сокровищницах их домашних богов. Среди воинов, вооруженных луками и стрелами, опять выделяется князь, — «звенящую кольчугу из блестящих колец носящий богатырь».

Он окружен дворней, снабжающей его пищей и прислуживающей ему.

У князей изысканная психология, утонченность манер. Они щепетильны в исполнении данного слова, деликатны в еде. Когда нужно приказывать, то делают это жестами и глазами. Своеобразные рыцари тайги и тундры, они часто воюют из-за женщин. Война — страсть югорских богатырей. И былины воспевают их подвиги, и земля, усеянная изрубленными телами мужей и жен. Они ожесточенно воюют между собою, иногда вступая в союзы друг против друга. Дух воинственности поддерживается в них постоянной опасностью со стороны исконных врагов — ненцев и татар. И войны с ними являются одной из излюбленных тем древних былин.

Своим княжеством князь управляет единолично.

Но существует обычай собирать «мир-кол», собрание мира, где выслушивают шаманов и простых людей, обсуждают решения князей...

И русские летописи говорят о югорских княжествах. Новгородцы, ходившие на Югру в XII веке, встретили

---

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 246.

здесь организованное сопротивление. В 1467 году был взят в плен и приведен в Вятку вогульский (мансийский) князь Асыка. Не о нем ли пел мне дедушка, когда сказывал волшебную быль о каком-то Асойке, Старике Оби, который нес высоко честь древней мансийской земли?

В 1483 году московские воеводы «воевали югорских и кодских князей», когда в плен был взят Большой князь Молдан.

Тогда же упоминаются другие князья: Пыткей, Ляба, Чанчил, Тынзей, Екмыч, Юмшан... Лишь по этим скудным историческим сведениям мы узнаем экзотическое звучание наших дохристианских языческих имен!

В XV веке во главе югорских князей стоит Большой князь Молдан. С белогорским князем Самаром в XVI веке было «в сборе восемь княжцев». Таким же «Большим сборным княжцом», по утверждению летописи, был князь Нимьян, под знамена которого собралось будто бы до 2000 татар, манси и ханты. Большим князем во времена Ермака был кодский князь Алач. Мансийский князь Лугуй объединил под своей властью не только сосвинских манси, но и казымских и куноватских ханты. Мансийскому князю из Пелыма Полюм-Торум, про которого я не раз слышал от дедушки, подчинялись в XVI веке жители рек Конды и Табора. Таким образом, по свидетельству историка С. В. Бахрушина, у ханты и манси в это время были довольно крупные племенные соединения. Их князья вступают в союзы, ведут войны и заключают договоры не только со своими соплеменниками, но и с соседними государствами.

Так, в 1483 году от мансийского князя Юмшана приходили к великому князю Ивану III и его шурин Юрга, и сотник вогулятин Анфим бить челом об «опасе» для прибытия его самого в Москву. В том же году приходил в Москву от кодских князей и от «всея земли кодские и югорские» вогулятин князь Пыткей ходатайствовать об освобождении из плена князя Молдана с товарищами.

За 100 лет до прихода Ермака, а именно в 1485 году, при посредничестве пермского владыки церкви Филофея кодские князья заключили под вымским городком мир с мансийскими князьями, что жили на реках Выми и Вычегде, скрепленный с обеих сторон торжественной клятвой. В том же году с «опасом» великого князя в Москву прибыл мансийский князь реки Пелыма Юмшан.

Как утверждает один из крупнейших историков — С. В. Бахрушин, «...еще до прибытия русских у вогуличей и остяков намечаются признаки феодализации и начинают складываться, правда, еще очень примитивные формы государственной организации. Остяцкий или вогульский князь в XV—XVI веках уже перестал быть родовым старшиной своего племени и принял черты маленького феодального сеньора»¹.

Отношения между Москвою и Югрой определяются царской грамотой 1558 года: Москва принимала князей югорской земли под свое покровительство, обязуясь «жаловать и от сторон беречи, под своею рукою держати», и в обмен требовала «дани со всякого человека по соболю», грозя в случае неповиновения «вострою саблею»².

Этому союзу противостояли татарские ханы, теснившие северян с юга.

О своеобразной культуре, появившейся на обском Севере задолго до прихода сюда татар и русских, говорят археологические раскопки.

В. Н. Чернецов, открывший своеобразную Подчевашскую и Усть-Полуйскую культуры, относящиеся к IX веку до н. э. и I веку н. э., пишет: «Наряду с укреплением селений в усть-полуйское время появляются специализированные формы боевого оружия нападения и защиты. Последнее известно нам по находкам как в Усть-Полуе, так и в других местах.

¹ Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках. Л., 1935, с. 38.

² Там же.

Известны кинжалы, реже бронзовые, чаще железные, с литыми бронзовыми рукоятками, украшенными головками зверей, бронзовые и биметаллические боевые топоры и клевцы с орлиными головками, увенчивающими втулку, и звериными мордами на обушках. Позднее распространяются короткие железные мечи с прямым перекрестием. Если костяные наконечники стрел вполне отвечали потребностям охоты, то для боевых целей они оказались уже недостаточными, так как не в состоянии были пробить появившиеся тогда панцири; как мы знаем по многочисленным находкам, в усть-полуйское время распространились бронзовые литые трехлопастные наконечники стрел, достигавшие 7—8 сантиметров длины. Панцири делались из костяных и роговых пластинок, связанных ремешками. Нередко эти пластинки украшались орнаментом из таких же, но более крупных пластинок, удлиненной треугольной формы делались конические шлемы. Как можно судить по фольклору, известны были также и кожаные панцири, и сплетенные из растительных волокон. Уже в последние века до нашей эры появились железные шлемы. Два таких шлема, клепанные из железных полос и украшенные изображениями фантастических зверей из тонких листков накладного золота, были в конце XIX века обнаружены в кладе на реке Вагай. Из наконечников копий особенно интересен прекрасно выполненный бронзовый трехлопастной наконечник длиной 35 сантиметров, украшенный рельефными изображениями животных и рыб. На втулке его имеется изображение человеческой личины, схожей с бронзовыми личинами, нередко находимыми в усть-полуйских памятниках.

Эти личины, вероятно, были связаны с идеей почитания предка, которая развивалась под воздействием возвышения роли военачальника»¹.

¹ По следам древних культур. М., 1954, с. 180—182.

Да простит мне читатель столь детальный экскурс в историю и археологию. Известные узкому кругу ученых-специалистов сведения археологии, этнографии и истории обского Севера недоступны пока широкому читателю, и потому складывается превратное впечатление, что на эту землю «не ступала еще нога человека».

Я стоял на высокой Самаровской горе, где два с половиной века назад об истории этого края размышлял немец Миллер, где четыреста лет назад ликовал победу сподвижник Ермака Брызга, где стояло городище князя Самара, именем которого названы гора, село и пристань. Есть у каждой горы, озера, реки свое имя, своя история.

Но история меня занимает лишь на мгновение. Дума моя устремляется вдаль, где плещется под солнцем многоводный Иртыш. По Иртышу плывут караваны судов. Они везут трубы, стройматериалы для нефтяных и газовых месторождений Севера. На этих судах плывут мои современники, добытчики нефти и газа. Это новые богатыри. В руках у них не меч, как во времена Ермака и Самара. Они не воины. Они огнедобытчики и теплотворцы. О них моя дума.

Утреннее солнце выглянуло из-за ветвей. И весь горизонт, серый и тусклый, вдруг прояснился и заблестел золотым светом. Он будто засиял полуигривой, полугрустной улыбкой. Весь вид его словно говорил:

— Молодец, сынок! Не забыл. Навестил. С уважением к предкам идешь, к новой думе о новом времени!

Капли утренней росы сверкали, как бриллианты на темных ветках кедра, жемчужинами дрожали на его зеленых иглах... Великаны деревья не теснились друг к другу, а, как богатыри, стояли правильными рядами. Высоко возносили они племы из зеленой хвои. Это были мирные богатыри мирного времени, времени созидания.

ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Разве может жить без солнца
человек?

Разве ступит он без лыж
в глубокий снег?

Разве манси тот, кто песен
не певал?

Разве мудрый тот, кто книжек
не читал?

Есть слова, что солнца ярче
и теплей, —

Берегу их для моих учителей.

Внизу земля. Наверху небо. Рядом с облаками летит наш самолет. Рядом со мной Аркадий Николаевич Лоскутов — первый учитель сосьвинских манси. Беседуем. Лоскутов вспоминает давние дни. Перед моими глазами растет время...

— 1928 год. Москва. Дом Советов. Комитет содействия народностям Крайнего Севера при Президиуме ВЦИК. Старый большевик, заместитель Всесоюзного старосты М. И. Калинина Петр Гермогенович Смидович, глядя внимательными глазами на группу молодых людей, только что получивших дипломы учителей, говорит:

— Вам предстоит оказать помощь в большом государственном деле. Это дело — организация первых национальных школ на Чукотке, Таймыре, на тобольском Севере...

Плавно покачивается крыло. Самолет летит над тайгой. Тайга сверху кажется совсем безобидной. Но остань-

ся-ка с нею один на один! Даже опытный охотник, если он без ружья, погибнет здесь на десятые сутки или сойдет с ума. Одиночки для нее как игрушки. Зло она ими играет, коварная тайга.

Зимняя тайга сверху кажется особенной. Будто кто-то густо понатыкал игрушечные деревья в белую рыхлую бумагу. А вот дерево из железа. Буровая вышка. Таких ажурных вышек в ханты-мансийской тайге видимо-невидимо. Глубоко в недра пустили они корни. По этим корням движется густая кровь земли — тюменская нефть. Она растекается по металлическим артериям — трубопроводам. Трубопроводы и дороги рассекли вдоль и поперек ханты-мансийскую землю.

Самолет ложится на крыло. Земля поднимается одним краем и становится склоном бесконечно высокой горы. Внизу в солнечных лучах — компрессорная станция. Рядом с нею поселок. Сколько таких поселков и городов появилось на Севере в последнее время! Аркадий Николаевич помнит: вот здесь когда-то стояли чумы. И не машины бороздили тайгу, а олени. И снег был белым-белым. Таким же белым пятном был и весь Север. Теперь под крылом иной пейзаж, чем тогда, когда он впервые увидел этот край. Самолетов — крылатых лодок — тогда не было. Аркадий Николаевич плыл на небольшом катере.

Дикий, неосвоенный огромный край открывался перед ним. Почти полное безлюдье. К самой воде подходили высокие густые заросли таежного леса. В широкой пойме — заливные луга. Но не видно было стад на этих замечательных пастбищах, не звенел в тайге топор строителя. Тишина... Эту вековую тишину предстояло разбудить коммунистам.

Крылатое время пришло на ханты-мансийский Север. В 1930 году организовали национальный округ. Манси и ханты, как и другие малые народы Севера, обрели автономию, свою государственность. Первые школы, первые

колхозы... Нелегко было. Шаманы и князя зорно охраняли души людей от влияния нового.

Под крылом самолета плавно покачивается знакомая с юности земля. Вечнозеленый ковер тайги, белые озера, болота, перелески. Таежные речки то стелются прямо под самолетом, то уходят далеко в сторону.

Аркадий Николаевич сегодня словно летит в свое прошлое. Память вызывает различные события. Одни — незначительные, но почему-то запомнившиеся до мельчайших подробностей. Другие — сами по себе яркие, интересные и потому незабываемые.

Аркадий Николаевич перебирает их одно за другим, сопоставляя, сравнивая, разъединяя и снова соединяя вместе. С высоты времени прошедшее кажется ему волшебной сказкой.

Крылатые лодки тогда над мансийским Севером еще не летали. Река была дорогой, а не синее небо. Долго плыл Лоскутов к своей судьбе. Десять дней по Оби до Березова (где когда-то князь Александр Меншиков с дочерьми в ссылке коротали годы) да еще семь дней по реке Сосьве.

Наконец добрались до места, до мансийского селения Сортынья. Собаки, приветливые вогульские лайки, первыми прибежали на берег, к которому пристал катер. За ними — ребятишки. Шумные, веселые, они всегда рады гостю, новому человеку.

Ребята помогли снести на берег мешок картошки, который Лоскутов купил в Тобольске, ящик с букварями и тетрадями, гармошку да футбольный мяч. Потом все эти вещи сыграют свою особую роль, помогут привлечь внимание к учителю, к его не совсем понятной таежникам миссии...

С удивлением смотрел Аркадий Николаевич на селение, в котором предстояло ему работать.

Сортынья значит «Щучья река». Сушеные щуки висели по стенам избушек на курьих ножках. Возле избу-

шек десятков юрт. Над юртами возвышались два высоких рубленых дома и деревянная церквушка. Купец для себя дома строил со вкусом, крепко и, как ему казалось, надолго... В одном сам жил, в другом размещалась инородческая управа. Аркадий Николаевич теперь там открыл школу.

Не знал Лоскутов, что не скоро еще придется ему учить детей. В ту же ночь на легких лодочках-калданках манси увезли своих ребят. Подальше. Так посоветовал шаман, который, оказывается, внимательно наблюдал за каждым шагом учителя.

Школа организована, а учеников нет. Приехал врач — открыли медпункт. К врачу тоже никто не идет, хотя у многих трахома, туберкулез...

«Что делать?» — спрашивал двадцатилетний коммунист Лоскутов.

«Надо к уважаемым людям идти», — советовал ему Иван Яковлевич Хозяинов, старейший житель Сортыньи.

Иван Яковлевич работал секретарем местного Совета. Русский человек, он свободно говорил по-мансийски. Манси его знали давно, уважали, верили ему, как себе.

Поначалу он посоветовал поговорить с Иваном Прокопьевичем Гоголевым, председателем Совета. У него, мол, два сына. Отдаст он их учиться — тогда и другие приведут своих детей.

Выслушал Иван Прокопьевич молодого учителя, потом спросил:

— У тебя дома кто есть?

— Мать.

— А отец?

— Нет отца.

— А мать у тебя одна осталась?

— Одна.

— Так вот. Ты выучился. Дома не живешь. Мать одну оставил. Разве ей там без тебя легко?

— Я приехал помочь вам. Открою школу. Выучу ваших детей. Поеду домой.

— Вот так будут говорить и наши дети. Выучатся этой мудреной грамоте. И уедут. Кто нас будет кормить?.. Нет... Я своим сыновьям такой дороги не хочу!..

Семья Ивана Прокопьевича жила в деревне Анеево, километрах в семидесяти пяти от Сортыньи. Однажды Гоголев собрался навестить своих. Молодой учитель попросился с ним. Без особой охоты согласился Гоголев взять русского учителя.

В теплый летний день они отправились в дорогу.

— Курли! Курли! — поет сияющая река.

— Курли! Курли! — сверлят лазурную тишину серебряные трели.

— Курли! Курли! — перелетает красавец кулик с берега на берег.

Расхаживает кулик по отмелям, шарит своим кривым носом в траве, что-то достает. Наверное, червячков. Потом воду пьет, запрокинув голову...

Из-за поворота реки показалась легкая калданочка.

— Курли! Курли! — опять зазвенело над рекой.

Калданка — легкая, ходкая лодочка. Быстро плывет по течению. Калданка такая лодочка, что чуть не так сядешь — перевернешься. Иван Прокопьевич знал некоторые русские слова, мог объяснить, как грести, как держаться в лодке. Сам он сидел на корме и правил.

Калданка шла как по струне. Струился за кормой пенистый след. Чайки кружились. Время от времени то одна, то другая падала в воду. Всплеснут жемчужные брызги, и смотришь, поднялась с добычей — маленькой рыбкой в черном клюве.

— Большая рыба идет, — говорит Иван Прокопьевич. — Пора ловить большую рыбу. Малая рыба — сосвинская селедка — уже прошла в верховья.

Лодка плыла то по стремнине, то по стоячей воде заливного луга. Иногда ветви затопленных кустов скребли

дно калданки. А вот затопленный лес. Недавно был теплый ливень — с Урала сбежала вода. Она затопила деревья. Калданка пробирается сквозь затопленный лес, стучается о стволы.

Все вокруг удивляет учителя. Он спрашивает Ивана Прокопьевича, тот старается, отвечает как умеет. Птицы при виде лодки взлетают. То поодиночке, то стаями. Кричат, смеются, ругаются, обмениваются впечатлениями птицы.

Вдруг пролетел гусь. Невысоко пролетел. Видны были не только прижатые к животу лапы его, но даже глаза — круглые, вытаращенные, точно застывшие в диком изумлении. Он неторопясь обогнул лодку и что-то проворкотал.

— Как по-мансийски гусь? — спросил учитель.

— Лунт, — важно ответил Гоголев.

Из желтого мелкого тальника, стоявшего по грудь в воде, стали подниматься утки. Много уток. Они, казалось, заполнили собою все вокруг — и воздух, и воду. Табуны уток кружились, плавали, неслись мимо. И у них было свое мансийское имя — вас. Оно показалось Аркадию Николаевичу звучным и красивым.

— Будьте моим учителем, — сказал он Гоголеву. — А я буду учителем ваших детей. Договорились?

Деревня показалась из-за поворота как-то неожиданно. А сколько было этих поворотов реки, с однообразными лесами, лесными берегами, покрытыми то кедром, то мелкой ивовой порослью, где так любят бродить лоси.

На чистом песке — черные лодки, невод на вешалах, сети, рыболовная снасть...

Сквозь разлапистые кедры проглядывает сумьях — избушка на двух столбах — амбарчик, в нем хранятся припасы, к которым не пробраться ни мышам, ни прочему зверью. Это остроумное изобретение стоит прямо под кедром.

За ним виднеются дымки над крышами больших рубленых домов. Рядом с каждым таким домом то крохотная избушка на курьих ножках, то амбар на высоких столбах, то низенькая юрточка, то оленьи санки. Все это внове Лоскутову. Непривычно.

Лайки-собаки встретили приезжих радостным лаем. Но едва Аркадий Николаевич открыл дверь, сразу услышал холодное:

— У-у-у! Руц! Руц!

Люди окружили его и оттиснули к двери. Глаза у людей настороженные.

— Поп! — прошептал кто-то.

К Аркадию Николаевичу подскочил немолодой уже человек в старой потрепанной фуражке с красным околышем. Это был, как узнал потом Лоскутов, брат Ивана Прокопьевича, Василий, бывший старшина при инородческой управе.

— О, рума!¹ — воскликнул он, вытаскивая учителя из толпы. Потом провел гостя в передний угол и усадил рядом с собой за низенький столик. В чувале — полукостре, полупечи, слепленном из глины, — чадит огонь. Аркадий Николаевич с любопытством осмотрелся. В избушке сумрачно. Сквозь крохотное окошечко с трудом пробивается свет. Над огнем чувала — котел и два больших медных чайника. На низеньком столике — чашки для чаепития. Люди сидят на нарах, что вдоль стены, на низеньких скамеечках, на бревнышках, а то и просто на полу — на циновках, сплетенных из сухой травы.

Сквозь щели дощатого пола проглядывает песок. В одном углу, вверху, — несколько жердей, на них одежда сохнет. В переднем, «освященном», углу на полочке — сундучок. Крышка сундучка откинута. Лежат в нем шкурки соболей, лисиц. Вокруг сундучка по стенам висят шелковые платки, куски материи и другие приношения

---

¹ Рума — друг.

верхним духам, задобрить которых, видно, и собрались сейчас все эти люди, задобрить и попросить совета.

На низенький столик подали чай.

— Этот молодой человек — учитель. Хочет научить детей грамоте, — отхлебывая из блюда терпкий чай из смородиновых листьев, начал тихо беседу Иван Прокопьевич.

Лоскутов заметил, что никто не называл его по фамилии, а просто и ласково — Кусяи, то есть хозяин. Потому что не маленьким — большим человеком (среди манси) слыл Иван Прокопьевич, председатель Совета.

«Он наш, лесной человек!» — не раз слышал про него Аркадий Николаевич. Манси знали его как прекрасного рыбака и опытного охотника, всегда прислушивались к нему.

— Сначала будем камлать, — сказал кто-то.

— Да, что скажут духи, — поддакнул второй.

Все повернулись к старичку, который сидел в углу, у «священного» сундучка. Аркадий Николаевич уже потом узнал, что это шаман.

Волосы у шамана белые как снег. Шаман был стар, очень стар. Кажется, вот-вот развалится. Лесные люди хотели знать, что скажет он, древний человек, друг духов, об учителях, об интернате, который собирались открыть коммунисты. Люди лесные знали, что добрые духи любят шаманов, что демоны зла внемлют их голосу. Заметили люди и то, что советы старика необычайно мудры, и, кто беспрекословно следует им, никогда не находит повода к раскаянию...

Шаман взял в руки бубен. Бубен походил на широкий щит, обвешанный монетами, кольцами, костяными и каменными погремушками.

— Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо! — начал старик. — Река без рыбы, лес без зверей, дом без детей — какая это жизнь! Если дети будут смотреть в бумагу, в чертову грамоту, то не уйдут ли из юрт навсегда? Не станут ли

лесные урманы, рыболовные реки для них чужими? Не откажутся ли скользить на лыжах за зверем, плыть на лодке за юркой рыбой?.. Люди тайги! Подумайте: разве в русском доме — школе-интернате — северным мальчикам, детям рыбаков, охотников, оленеводов, не будет тесно?! Люди природы! Очнитесь, откройте глаза на окружающую вас красоту: лесистому урману, безлесной тундре нет конца-краю. Воля, простор! Эту волю и простор хочет похитить учитель — рущ, отобрав у вас детей и научив их чертовой грамоте, увезя в свои каменные дома... Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо! Надо принести в жертву оленя. Тогда лишь духи скажут правду!..

Старик отложил бубен в сторону. Раза два кашлянул, давая понять, что на «сухую», без мяса, он не собирается камлать, говорить высокие слова. Дал понять, что готов камлать в присутствии русского учителя и только что приехавшего кооператора Падерина.

В избушку ввели годовалового оленя. Белоснежный олень тяжело дышал, но стоял спокойно. Из полуоткрытого рта его капала пена, а тонкие ветвистые рога, напоминающие засохший кустарник, чуть дрожали. Он боязливо посматривал на людей своими черными круглыми глазами, не понимая, что с ним собираются делать. А люди делали свое дело. Принесли жертвенный ковер, расшитый знаками небесного послания, и положили его на спину оленю. Олень дико, недоумевающе глядел на людей.

Медлительный и непроницаемый, седой, как ягель, старик, кланяясь в сторону высокого дерева, забормотал:
— Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!

Так он начал камлание. Другие, стоя полукругом, выкрикивали одно и то же слово. Затем люди расступились, белоснежному надели на шею кожаный тынзян, за концы его схватились два пастуха. Третий же подошел к оленю сбоку в тот самый момент, когда олень удивленно глянул на него, с криком вонзил нож под лопатку.

Удара белоснежный будто не почувствовал, только чуть отодвинулся в сторону. Забеспокоился. В глазах его заиграла тревога. Тревога росла. Вот она зарябилась в беспокойном взгляде. Белоснежный весь напрягся. Длинные ноги его задрожали. Туман поплыл по синеватым оленьим глазам. Теперь, видно, терял он ощущение окружающего. Смерть стояла перед ним. Он рванулся вперед, упал на колени. Пастухи стянули ему шею петлей. А он, отчаянно отбиваясь ногами, повалился на бок, закусив язык.

— Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо! — пропел шаман и первым коснулся священной крови жертвенного оленя.

Еще мгновение, и сердце оленя, почки, уши, мозг и печень очутились в разрисованных деревянных чашах, а мясо — в чугунных котлах. Лакомства в чашах облили кровью и поставили на «освященный» столик. Аркадий Николаевич знал: там, в ящичке, — идол домашнего духа. Сначала самое вкусное приподнесут ему, а потом будут есть сами...

— Вы, люди тайги, познавшие голод, холод и все трудности жизни... Многие годы вас обкрадывали купцы, попы, шаманы, — раздался голос Падерина, бесценного человека, имевшего десяток профессий. Был он продавцом, кооператором, заготовителем, снабженцем. Он тоже знал мансийский язык. И к нему относились хорошо не только потому, что у него можно было купить многое и гораздо дешевле, чем у жадного купца.

— Советская власть хочет покончить с этим и наладить на просторах Севера настоящую жизнь, достойную человека. И мы верим — дело пойдет. И жизнь людей тайги и тундры улучшится.

Все сидели неподвижно, как истуканы. Точно эти слова были пустым звуком или шумом ветра. Лишь в углу что-то шевелилось. Там мальчик играл со своей любимцей — красной лисичкой. Лисичка была привязана медной цепочкой к обрубку бревнышка. Бревнышко не тя-

желое — лисичка могла волочить его за собой. Она не пыталась убежать. Ведь ее вскормил и вырастил он сам. А от кормильца разве бегут? Да и зачем бежать, даже если люди собрались на большой-большой разговор. Мальчик с лисичкой никого не видит и не слышит. Мальчик гладит свою подружку по острой мордочке, заглядывает в ее сияющие глаза...

— Школа даст вашим детям знания. А знания — сила! — продолжал Падерин. Он говорил то тихо, как та жежная речка, то голос его начинал звучать громче, и глаза загорались каким-то огнем, отчего в сумраке, казалось, становилось светлее.

— Теперь вы сами хозяйева своей земли. Не будет больше старшин, купцов... Сами должны управлять жизнью и строить ее на новых основах. А для этого нужны грамотные люди...

— Мой отец, — сказал один из манси, — имел настоящую грамоту — он был лучшим охотником. Никто не умел так промыслять белку, как мой отец. Никто не мог в начале зимы так быстро ходить по первому снегу за сободем. Никто не мог лучше отца читать след зверя на снегу... Разве это не грамота?! Разве нужна нам какая-то другая грамота?

— Учитель разве умеет ловить рыбу, пасти оленей? Не умеет! Значит, школа не научит ребят работать, как мы, — поддержал его старик, сидевший дальше всех от огня, в тени.

— Будут их учить русские учителя — не увидим ребят. Скажут: холодно в тайге, не захотят ни пасти оленей, ни охотиться, — подхватил другой.

— Учить ребят не надо. Они должны помогать нам промыслять лесного зверя и речную рыбу, — сказал третий.

— Дети манси не научатся грамоте. Она им не под силу. Это русские могут учиться, они строят большие дома. А мы вон в каких избушках живем. Давно живем.

Ходим в лес, бьем белку и соболя, ловим рыбу. Для чего нам грамота? — сказал задумчиво четвертый.

— Ты был на культбазе? Видел, там пушнину принимает человек из вашего народа? Он не только умеет шкурки считать, но и разговаривать на бумажке, торговать умеет, — говорил Падерин. — Разве плохо быть приемщиком пушнины? Или продавцом?..

— Приемщиком пушнины? Наверное, это лучше, чем охотником. Дома сидеть... Разве это плохо? Отец-то вот месяцами в тайге пропадает, — заговорила молодая женщина.

— И купцами могут даже стать наши внуки? — спрашивала старая мансийка. — Купцы на ярмарке всегда веселые, жирные. Никогда только не видела мансийского купца. Неужели возможно такое счастье?

— Купцов, бабушка, теперь нет и не будет! — объяснял, горячо заливаясь румянцем, Падерин. — А вот продавцом магазина, как я, можно стать. Люди Севера сами должны и торговать, и строить дома, и ловить рыбу... Так Ленин сказал. А чтобы торговать самим, надо учиться разговаривать по бумажке, то есть читать. Это не детская игра! Нет! Просто человеку невозможно все запомнить. Тут на помощь и приходит бумага. На ней все можно записать. И сколько дрови и пороху брал в долг охотник перед уходом на промысел, и сколько белок сдал.

— Верно-верно! — соглашается старуха. — Купец всегда в бумажку заглядывал. В бумажке долги находил. По бумажке богато жил. Наши внуки пусть учатся. Может, тоже к ним придет счастье...

— Грамота — наши глаза и наши руки. Надо отдавать детей в школу и просить учителя учить тому, что нужно знать лесному человеку. Лесных людей обманывали и спаивали, потому что они неграмотные, — сказал молодой манси, лет тридцати, в таком же костюме, как у учителя. И подстрижен он был так же. Он приехал

сегодня. Только все время молчал, опустив голову. Может, потому, что он не из этой деревни? Но люди его уже знали. Знали то, что он работал в самом Березове. И про то, что у него в кармане маленькое ружье, тоже знали. И потому к его словам отнеслись со всей серьезностью.

— Умный, грамотный не уйдет из тайги! — сказал другой, взглянув живыми глазами на учителя. — Пусть попробует учитель. Может, и правда наши дети станут лучше нас. Посмотрим...

— ...И все же Лоскутов уехал из этой тихой мансийской деревушки без детей. Но неделя, проведенная им среди манси, не прошла даром. Он разглядел повседневную жизнь и быт манси, кое-что понял. Вместе с ними неводом рыбу ловил, ягоды собирал, в тайгу шишковать ходил. И понял, кажется, главное — учитель должен говорить на языке учеников.

И Не раз потом с Хозяиновым и Падериным, с другими советскими работниками ездил по мансийским селениям, говорил с людьми, словом и делом агитировал за школу.

Между прочим, футбольный мяч и гармошка оказались своеобразными агитаторами. Вытащит, бывало, Аркадий Николаевич футбольный мяч. И начинается: игра не игра, потеха не потеха. Взрослые гоняются за мячом, дети с восторженным видом сначала следят, а потом и сами принимаются гоняться за пузатым, круглым волшебным мячом. А вечером поет гармошка...

Что больше помогло открыть школу — неизвестно. Но когда уже стала река, снег заиграл, зима пришла, Лоскутову и Падерину удалось привести в школу первых восемь мальчиков манси.

Правда, рядом с интернатом поселился один из родителей, которому был дан наказ следить, чтобы ребят кормили только тем, что едят манси, одевали в то, что носят манси, чтобы не забыли дети про родную тайгу,

реку, их священные законы. Лишь потом Лоскутов поймет, что во многом таежники были правы.

Лоскутов принял условия. Каким-то особым чутьем понял, что главное человеческое оружие — терпение, убеждение и личный пример. И еще — уважение к людям, к их языку, к вечным и священным законам природы.

Дети пришли в школу с луками и стрелами. Некоторые принесли даже ружья.

— Чтоб не забывали охоту, рыбный промысел! — пояснил родитель на недоуменный взгляд учителя.

Ружья и стрелы повесили над кроватью каждого. Скоро рядом появились рисунки из охотничьей жизни, трофеи — хвост тетерева, лапа зайца, когти глухаря...

И Лоскутов увидел, что сделал правильно. Ученики готовили чирканы на горностае, силки на куропаток, а летом у школы появился собственный невод. Сама жизнь подсказала, что детей нельзя отрывать от промысла. Дети Севера — страстные охотники. У них меткий глаз, прекрасно развито умение подкрадываться к добыче. Они стреляют без промаха. Знают лес, его жизнь, хорошо ориентируются в нем. По лесу идут и все время к чему-то присматриваются, запахи ловят. И столько они видят, столько узнают по следам, что учителю они казались ясновидящими.

И еще почувствовал Лоскутов, что у людей, коснувшихся цивилизации, познавших грамоту, книжность, отношение к языку подверглось переменам. Заметил, отношение к слову у них не такое, как у таежников. Слово сегодня разжижено, размножено. Газеты, журналы, радио, телевизор. Тысячи, миллионы слов... Слова закрывают свет, воздух тонет в словах. Людская душа порой погибает в бесцветном слове... Для таежника слово — лекарство, которое не купить и не продать. Слово — волшебное лекарство, талисман незримый.

Таежники уверены, что жить цельной и полной жизнью можно только лишь посредством высокого слова. А языком живо людское общество. И на Севере, где колдун-мороз, так необходимо тепло взаимопонимания.

Старые люди щедро раскрывали перед молодежью свой дух и разум, делились великим счастьем прожитого, дивной радостью прозрения... Сказом, былиной, заклинанием, да и простой песней они брали воображение молодых людей и вели на встречу со священным и вечным.

Сегодня, поднявшись высоко на крыльях времени, Лоскутов думал, как бы новое время не смело то хорошее, доброе, традиционное, что было утверждено.

Нефть, газ, новые города, дороги, крылатые люди — хорошо. Но нельзя забывать о душе человека, его характере, его нравственных устоях.

Аркадий Николаевич летит, думает. Он помнит: бывало, мансийские дети еле-еле ходят, а родители уже их берут с собой в лодку. А как только начинают подрастать, для них делают маленькие весла, обучают управлять лодкой, приучают к жизни реки.

Десятилетние дети уже умеют обращаться с оленями. Запрягают их, распрягают, ездят на нартах даже по крутым склонам гор...

Сохранили ли сегодняшние мансийские дети прежнее свое умение управлять оленем и собакой? Играют ли они сегодня в охотников?

Разумеется, интересы северных детей не должны исчерпываться северными промыслами и его многовековыми традициями. Нефть, газ, современная техника... Новое строительство врывается в жизнь северян.

—Аркадий Николаевич больше полувека проработал на ханты-мансийском Севере, был учителем, председателем окрисполкома, ныне он директор ханты-мансийского окружного музея, своими глазами видел, как менялась жизнь.

Однажды он стоял на берегу Сосьвы. Рядом с ним — мальчик с матерью. Вдруг что-то в воздухе зашумело. Сначала тихо, далеко. Потом громче — стало резать в ушах.

— Мама, что это за шумная птица? — закричал мальчик, испугавшись.

— Что это такое? — обратилась и она с испугом в глазах к учителю.

— Это?.. Летающая лодка, похожая на пароход. Там люди есть. Не бойся...

— Крылатая лодка, — поправил мальчик.

Может, с тех пор манси и называют самолет крылатой лодкой.

Вечером мальчик, забравшись на дерево, хотел сам полететь. Прыгнул — упал. Разбил нос... Первый увиденный самолет у него вызвал сотни вопросов: как крылатая лодка, железная, такая тяжелая и большая, может летать по воздуху? Почему не падают вниз эти удивительные храбрецы, поднявшиеся выше птиц? Почему крылатая лодка ни разу не взмахнула крыльями?.. Мальчик снова и снова повторял новые слова: пропеллер, мотор, летчик... Новая техника продвигалась на Север. Вслед за электростанциями, радиосвязью и телефоном, появившимися на Севере еще в 30-х годах, шли горнодобывающие машины, нефтяное, газовое оборудование. Манси все больше привыкали к этой технике, сами овладевали ею.

Меняется лицо Севера. Меняется, видно, и характер северян. Это хорошо, это правильно. Надо только, чтобы сыны Севера сохранили в себе при этом лучшие черты добрых своих предков. Так сегодня думал первый учитель манси.

Он летел из Нижневартовска. В Нижневартовске торжественно отмечалось пятидесятилетие района. К геологам, добытчикам нефти, строителям приехали гости: участники гражданской войны, первые учителя, врачи, пар-

тийные и советские работники — те, кто отдал жизнь или часть своей жизни преобразению таежного края...

Теперь он вспоминал свое выступление, снова его обдумывал, анализировал. Он сказал тогда:

— Мне хотелось сегодня дать одну небольшую справку. В конце прошлого века профессор Казанского университета Якоби и профессор Петербургского университета Поляков пришли к выводу, что на обском Севере жизнь угасает, и написали письмо царю Александру III. «Население на Севере, — писали ученые, — вымирает. Суров климат. Необходимо детям манси и ханты учиться. Хотя бы в объеме первых двух классов». Тогда их, мол, не смогут обманывать купцы и царские чиновники.

Обратились ученые к царю также с предложением о необходимости вывезти эти народности в края потеплее.

Александр III, прочитав письмо, написал на нем размашисто: «Ну и пусть!»

Выразительнейший по своей циничности документ и сегодня напоминает вам снова и снова о том великом, что принес народам ленинизм. Если бы не Великий Октябрь, так бы и было! Ведь те ученые утверждали: пройдет пятьдесят, восемьдесят лет, и этих народностей не станет.

Но народности эти не вымерли. Вы посмотрите, как они сегодня живут! Сердце радуется, душа поет! Климат таким же суровым и остался. Манси, правда, шутят, что с юга и из центра в тайгу приехало много народу — тепло привезли они с собой. Но дело, конечно, не в этом. В корне изменился социальный строй...

Много теплых слов сказал еще Аркадий Николаевич Лоскутов, обращаясь к сегодняшним творцам и преобразователям Севера, с удовлетворением отмечая, что он на каждом шагу встречает людей с теми же чертами характера, с той же целеустремленностью, что были у первых посланцев ленинской партии.

Людьми без будущего считали раньше коренных жителей Севера. Будущее, к которому всегда стремился Ар-

кадий Николаевич, стало настоящим. Оно превзошло, по словам старого большевика, все ожидания.

Разве можно было в том далеком 1928 году мечтать об этом, когда, открыв школу в таежной деревушке, учитель смог собрать лишь восемь мансийских мальчишек? Других не захотели отдавать родители, кивая на шамана. А девочки появились в школе лишь через три года.

— Учить надо оленя, учить надо собаку,— говорили манси.

— Зачем учить человека? У человека глаза. Глаза — великие учителя. Они научат, как зверя промыслить, как рыбу добывать, как пасти оленей.

Мог ли Аркадий Николаевич мечтать, чтобы через несколько лет Надежда Константиновна Крупская в долгой беседе с северным учителем назвала его дело «победой, большой победой!». Напутствуя молодого педагога, она заметила:

— Человек, осмысливший свою роль на земле,— счастливый человек. Помогите северянам понять себя, почувствовать себя людьми, строителями нового мира.

Всю свою полувековую творческую жизнь Аркадий Николаевич с честью выполнял этот завет жены и друга Ильича. А сегодня у него новые думы: не забыли ли северяне свое исконное, доброе, хорошее, что их так связывало с природой? Он думал о гармонии человека и природы. О будущем он думал.

ОТЧЕГО ЗАЖИГАЮТСЯ ЗВЕЗДЫ

Если бы всякая женщина
Была хорошей хозяйкой —
Стены чумов
Были бы обвешаны
Не оленьими шкурами,
А собольими...
Лебедь всегда лебедь,
Будь то самка или самец...

— Отчего звезды загораются? — спросил меня когда-то дедушка.

И, заметив, что я не знаю, тут же отвечал:

— От женщин на небе звезды загораются. Родит мать дочку — заискрится звездочка. Родит мать сына — запылает звезда, засверкает ярким светом. Человек — звезда, загадочная звезда. Ты видел в ночном небе, как падают звезды?

— Видел. А что это такое?

— Умрет ребенок — упадет горящая звезда, покатится по черному ночному небу, сгорит, угаснет...

— А почему?

— Много рожали мансийские женщины, много ярких, ясных звездочек загоралось на великом небе, но и многие сгорали, скатывались вниз.

— Почему?

— Руки у женщины короткие. Не могла она доставать руками до неба, не могла вовремя поддержать свою звезду.

дочку. Вот и падали звездочки раньше срока... И ум у женщины короткий, и дорога у нее — от очага до порога, где собаки спят. Женщина может лишь рожать детей да поддерживать огонь в очаге, а в остальном все должны делать мужчины. Мужчина — большая звезда, не уроненная женщиной... Женщина — слабая мерцающая звездочка...

Думаю над этой печальной загадкой при встрече с Антониной Георгиевной Григорьевой. Григорьева — председатель окрисполкома Ханты-Мансийского автономного округа.

Передо мной круглолицая, уже немолодая женщина. Я знаю, что ей уже шестьдесят. Но темноватые глаза ее горят. В них не только мудрость прожитых лет, но и задор молодости, света, жизни. Она охотно отвечает на мою просьбу рассказать о себе.

— Родилась я на берегу нашей красавицы реки Конды. В семье рыбака-охотника. Вся моя жизнь связана с родным краем. Вместе с ним, кажется, и я пробуждалась к новой, неведомой жизни. Зима. Снег. Тишина. Белые дома. Белые деревья. Долгая ночь. Большие звезды. А выкатится луна — все заблестит. Снег загорится искрами. Река как сияющая скатерть. Синие тени деревьев лежат. Сонная тишина заснувшего леса, реки, берегов и всего окружающего казалась вечной в жизни нашего края. Да и я успела этой жизни вдохнуть!.. Поплавала на лодочке. Поездила на лошадях. Полетом казалась езда не олешках...

Зазвонил телефон. Антонина Георгиевна взяла телефонную трубку, с кем-то заговорила.

А мне почудилось, что слышу олени бубенчики, которые так мелодично звенят на звонком морозе. За скупыми словами Антонины Георгиевны я увидел бег оленей.

Заломив ветвистые рога на спину, поскрипывая ко-

пытами, из-под которых летят комья снега, несутся по узкой дорожке олени. Снежная пыль, поднятая ими, пушит лицо, сковывает ресницы. Ветром становятся олени. Дух захватывает от быстрой езды. И каюр, сидящий на передке нарт, в теплом оленьем совике, словно в снежном кураже. Лица совсем не видно. Только одни живые черные глаза поблескивают из-под мохнатой меховой шапки.

Смотришь, бывало, как бегут олени, как бежит низкорослый сосняк, осыпая тебя с ветвей радужным снегом, как мелькают следы куропаток, зайцев, а то и самого соболя, как склоняется к дорожке выгнутая стужей березка или ветка огромной ели, и вся эта картина уснувшего северного леса рождает в душе что-то такое первозданное, сказочное, вечное. Едешь по дремлющему лесу — и вдруг деревья расступаются, и впереди чистая, гладкая, безбрежная даль. Низкое небо на горизонте сливается со снегом. Там может быть и озеро, и река. А чаще всего — обыкновенное болото.

При виде этой сонной дали останавливаются даже олени. Они, усталые, тяжело дышат. Пар клубами летит из раскрытых ртов. Один, кряхтя, ложится на снег. Второй кладет на его спину голову. Третий, запыхавшись, свесив красный язык в сторону, смотрит в снежную даль, точно прикидывая, сколько сил надо потратить, чтобы преодолеть это снежное море, кажущееся мертвым.

Положив телефонную трубку, Антонина Георгиевна взяла в руки блокнот депутата Верховного Совета РСФСР и что-то записала.

Потом набрала номер, обменявшись приветствиями, строго заговорила:

— Почему не посадили в самолет ребяташек из школы-интерната? Родителям сообщили? Их там будут встречать, волноваться... Из национального поселка они... В

пионерском лагере на Черном море были... Вы понимаете, что это дети... Интернатские... В первую очередь надо, а вы...

Она положила телефонную трубку. Ее круглое, добродушное лицо слегка напряглось. В глазах появилась задумчивость. Что было в этом взгляде?

Воспоминание об интернатских годах? Или о раннем детстве, когда дни тянулись медленно, как голодные, измученные олени по большому снегу? Может, она вспомнила легенду об отце, который погиб от рук белогвардейцев? А может, мать пришла на память?

...Воспоминания сами находят дорогу к сердцу и приходят, как невидимые духи, неожиданно, когда им заблагорассудится...

Вот Тоню кто-то обидел. Больно... Хочется плакать. Но она хорошо знает: плакать нельзя, нельзя даже показывать, что хочешь заплакать... И потому девочка украдкой быстро смахивает слезу, которая не слушается, сама выбегает. Нельзя плакать. Поэтому слезу никто не видел...

Когда началось ее счастье? И все же, может, в первый миг рождения? Ведь жизнь — это и есть счастье! А может, тогда, когда глаза ее острые впервые увидели мир, землю, солнце?

Солнце казалось большим-большим, ярким-ярким. А река была голубой. Над ней носились белые чайки. Чайки хватали рыбок серебристых. Вдали синевато-зеленела тайга. А тоненькая-тоненькая девочка Тоня стояла на холмистом берегу, охваченном голубоватой пеной ягеля. То тут, то там алели тучки отцветающего багульника, а светло-зеленый берег весь усыпан ярко-оранжевыми огоньками...

Когда пришло большое солнце? Может, когда она попала в школу-интернат? А может, позже — когда поступила в педучилище?

Впрочем, Антонине Георгиевне теперь кажется, что она росла не сиротой. Были учителя, воспитатели школы-интерната, потом преподаватели педучилища.

Потом... Много хороших людей встретила она на своем пути.

Как не понять ей нынешних северных интернатских детишек, если она сама росла в такой же школе-интернате, если жизнь впервые здесь ей улыбнулась щедрой солнечной улыбкой?!

Все начиналось тогда в дни большого-большого солнца. Советская власть уже шла по Северу. Революция диктовала жизни свое революционное ускорение. Первопроходцами были тогда в тайге не геологи, а учителя. И она мечтала стать учительницей. И стала ею. Окончила в Ханты-Мансийске педучилище, и ее направили на работу в деревню. Но у нашей советской жизни свой, особый шаг. Как его назвать? Может, ускорением? Ведь часто к человеку приходит то, о чем ты еще и не успел помечтать. Скоро ее избрали комсомольцы своим вожаком. Работала в окружке комсомола, потом секретарем райкома партии, председателем райисполкома...

Мы заговорили о школе, о здравоохранении, о людях — энтузиастах преобразования Севера. Заметил, что это ее любимая тема не только бесед, но и деятельности.

Помню ее взволнованное слово на сессии Тюменского областного Совета народных депутатов, где она, убедительно оперируя фактами, ратовала за увеличение средств на культурное строительство, горячо говорила об улучшении медицинского обслуживания коренного населения тюменского Севера.

Кому, как не ей, дочери этого Севера, знать до тонкостей потребности людей, их чаяния!

Время дало дочери ханты-мансийской земли слово оратора, сделало государственным деятелем. Она избиралась в Верховный Совет СССР, теперь — депутат Верховного Совета РСФСР.

— Вот почитай доклад мой, с которым я должна выступить завтра на сессии окружного Совета. Есть в нем сведения, которые теперь только и могут показать, какой шаг нам удалось сделать...

«...Добыча нефти и газа, мощный рост всей экономики служат прочной базой крупных перемен в социальном развитии округа», — читаю я.

До Октябрьской революции на обском Севере действовали тридцать пять начальных школ, в которых занималось шестьсот детей. Среди учащихся не было ни одного из северных народностей. В настоящее время только в нашем округе сто девяносто восемь школ, из них восемьдесят восемь — средних. Семьдесят восемь тысяч школьников, среди которых — почти шесть тысяч ханты, манси, ненцев, коми. Они находятся на полном государственном обеспечении. Работают педагогическое, медицинское, торгово-кооперативное, музыкальное училища, нефтяной техникум, три профтехучилища, автошкола ДОСААФ. Так государство гарантирует право на образование жителям округа.

Право на охрану здоровья обеспечивается бесплатной квалифицированной медицинской помощью. В развитие системы здравоохранения государство вкладывает крупные средства. Если в среднем на одного жителя Тобольской губернии царские власти отпускали в год для охраны здоровья менее сорока копеек, то ныне эти расходы только в бюджете округа составят примерно шестьдесят рублей. В настоящее время в округе около тысячи врачей и почти четыре тысячи средних медицинских работников. Среди них более трехсот — представители народностей Севера. Работают постоянно два передвижных медицинских отряда, плавучая поликлиника «Здоровье». На десятилетку намечена обширная программа строительства жилья и объектов социально-культурного назначения. На эти цели выделено три с половиной миллиарда рублей...

Антонина Георгиевна с какой-то особой теплотой заговорила о коренных северянах, об их детям, об учителях.

«По оленихе и оленята!» — вспомнил я северную поговорку. Еще: «Хорошая журавлиха своих журавлят бережет...»

Гостеприимной хозяйкой суровой югорской земли увидел я Антонину Георгиевну в один из приездов на землю предков.

Вот она подносит хлеб-соль нашей писательской делегации. Вот она крепко жмет руку певцу Украины Михаилу Стельмаху. Вот она о чем-то серьезном говорит с поэтом-воином Михаилом Дудиным. Вот она по-сибирски щедро угощает строганиной из мерзлого муксуна — лакомством своих предков — Матиаша Ференца, посланца братской Венгрии, язык которой так близок к наречию манси и хантов.

Передо мной сидела не хозяйка чума, а хозяйка Югры, хранительница большого очага таежной земли.

Как бы в подтверждение моих мыслей она сказала:

— Когда говорят о нашем Ханты-Мансийском автономном округе, то первым делом обычно называют нефть, газ... И это правильно. Но нельзя забывать и о других богатствах нашего края. Мы ведь даем стране лес, рыбу, пушнину... Много леса... А о рыбе и говорить нечего: муксун, осетр, стерлядь, нельма, знаменитая сосьвинская сельдь... Деликатесы, каких в мире мало! Пушнина тоже самого высокого достоинства. Главное богатство наше, конечно, нефть и газ. Мы понимаем. По добыче «черного золота» мы еще несколько лет назад вышли на первое место. И все же надо по-хозяйски относиться ко всем нашим богатствам. Комплексное развитие всех отраслей хозяйства — вот наша цель в работе. Не сразу нам удалось повести эту линию. Баталии были. Особенно в начале нефтедобычи.

Приехали нефтяники, строители к нам из разных районов страны — Башкирии, Татарии, Азербайджана... Разве сравнишь первозданность и тишину нашего края с цивилизованными, обжитыми районами страны, где гул машин заглушает песнь природы. А у нас тишина. Лес и река, глухарь и рыба, ягоды и грибы. Ну и заликовали наши первопроходцы... Истребить, затоптать, залить мазутом и нефтью природу не так уж и сложно.

— Так дело не пойдет! — сказали мы твердо. — Конечно, вы рады, что у нас такая первозданность. Но у радости глаза всегда в тумане. Радость сама по себе туманит взор. Вы пришли к нам как добытчики огня земли. И напоминаем вам, что вы не гости, а хозяева у щедрого стола. Давайте думать все, пока не поздно! Ведь земля у нас одна. Нет у нас второй земли. И природа дается однажды. И беречь ее надо, как свою душу. И люди — ханты, манси, ненцы — века и века живут здесь. Для них тайга, реки, тундра не просто экзотика и промысловая утеха, а жизнь, ее основа и смысл!.. И вы понять это должны, как люди. Как люди, должны уважать обычаи и законы Севера. Северяне каждый кустик берегут. Вот почему оленеводы по одному и тому же маршруту не колют. Ягель, оленья еда, растет медленно. Не годы, а десятилетия нужны, чтобы он появился на месте, где прошли олени. А где трактор пройдет, там будет рана земли. По тракторному следу в тундре может овраг вырасти. В тундре даже вербу не ломают, люди знают: ею олени питаются. Настоящие северяне в небольшом озере купаться не будут. Не будут и стирать, лить грязь в него, засорять. Почему? Просто после тебя другие люди придут сюда, чум поставят на светлом берегу. Олени будут воду пить, птицы плавать. И весной, когда зазвенит небо птичьими голосами, первую стаю охотник не тронет. Таков закон Севера. А первую добычу кладут возле зыбки малыша: пусть будет таким же разумным охотником, как его предки...

Я слушал Антонину Георгиевну. Смотрел на эту удивительную северянку. Думал о женщинах Страны Советов, которые уже не кажутся слабыми звездочками. Они являются людьми государственными. Судят обо всем по-государственному.

Звезды загораются от женщины...

Сегодня женщине все доступно. Олень зарабатывает славу копытом, а человек — трудом. По труду, по делу судят сегодня и о женщине.

Сегодня женщина, как муравей, носит ношу больше себя.

Сегодня женщина, если захочет, и гору на гору поставит.

Сегодня женщине принадлежит не только дом, дети, но и мир...

С хорошей женщиной и без чума тепло.

С хорошей женщиной и на снегу найдешь согласие.

О мире, тепле и согласии мечтают все под звездами.

ОТ ЗАГАДКИ К ИСКУССТВУ

Кто дивится красотам природы,
А кто — вышитому узору.
И в вышитом узоре жизнь...
Жизнь творит труженик.
Труд и горы сравнивает,
И крепости строит.
Кто дом не строил,
Думает, что стены
Из земли вырастают...
Хороший сын
Не только отцовский чум ставит.
Славный сын
Шьет свой узор...

- Моя загадка: по дереву красная лисица бежит.
- Это огонь. Какой манси не знает! Вот он несется вверх по чувалу.
- А и правда: языки огня похожи на лисиц. Скачущие лисицы, красновато-золотистые.
- Хорошо у чувала: огонь не прячется.
- А у нашего учителя печь каменная.
- Не каменная, а кирпичная. Кирпич люди сами сделали, а камень на берегу валяется. Дикий он, как и деревья.
- Моя загадка: какая печь лучше?
- Это кому как: русским, наверно, белая печь, она не дымит, как чувал. А нам, манси, наверно, без чувала плохо будет.

— Почему?

— Огонь спрячет свой танец. Глаза радость потеряют. И загадки загадывать, может, не захочется... Моя загадка: а почему одна сторона чувала почти до потолка открыта?

— Разве это загадка? Думать-то здесь над чем? Наверно, потому чувал открыт, что от него свет в юрте. Без огня ночь стояла бы.

— Моя загадка: в углу дремучего леса стоит чаша со строганиной из нельмы, со строганиной из осетра.

— О, это то, что кушает чувал. Вот они валяются, твои стружки. Сытым будет чувал. Много ты настрогал.

— Моя загадка: хорошей ли едой питается, плохой ли едой питается, а в свой дом заходит.

— Так это нож заходит в ножны. Что ты строгаешь.

— На черный наянута острая костяная стрела. Отгадай!

— Костяная стрела... Наверно, это клюв. А какой птицы, не знаю.

— Тогда еще: мужчина в черном кувсе¹ за ночь облазает верховья семи лесных речек, собирая камешки.

— А, глухарь! В его зобу бывают камешки. Как надешь этот зоб, легкий, прозрачный шар получается. А камешки внутри глухо позванивают.

— Я глухаря и вырезаю.

— А я знаешь кого?

— Пока не знаю. У тебя ведь ничего не получилось.

— Тогда моя загадка: в дремучем лесу серебряная дубина валяется.

— Любой манси знает такую загадку: медведь!

— А я не такого хочу вырезать. Не дубину, а страшного, черного, как коряга. Под ветками притаился. Вот-вот набросится. Увидишь и задрожешь, как гольный на морозе. Стра-а-ах!.. Сам дрожал. От коряги убегал, думал— медведь...

---

¹ Кувсь — меховая рубашка с капюшоном мехом наружу.

Это память моего таежного детства. Я на самом деле видел настоящий чувал. И тоже загадывал такие загадки. А мой приятель их без труда отгадывал. Тогда они мне не казались необычными. Они были так же понятны и естественны, как желтое солнце, звенящая река, голубое небо...

Теперь они мне порою кажутся странными, слишком экзотическими, непохожими на загадки других народов. Но в этой «непохожести» мне видится своеобразный взгляд народа на мир и начало оригинального искусства.

В 1937 году советский павильон на Международной выставке в Париже был украшен картинами и панно молодых художников, воспитанников художественной мастерской Института народов Севера. Тысячи парижан восхищались искусством северян. Высоко оценило работы северных художников и жюри выставки, присудив им золотую медаль «Гран-при».

Среди них был и мой земляк — Константин Панков, панно и картины которого и ныне украшают отдел искусства народов Севера Арктического музея в Ленинграде.

Недавно известный ленинградский писатель Геннадий Гор, много сделавший для пропаганды творчества писателей и художников Севера, написал книгу «Ненецкий художник К. Панков», получившую добрые отзывы в печати. В этой книге он называет Константина Панкова выдающимся художником Севера.

Геннадий Гор видит своеобразие К. Панкова в том, что он соединил в своем искусстве фокльклорное видение мира, непосредственность и искренность охотника, сына тайги, с современной живописной техникой, с безукоризненным чувством цвета и композиции.

Я смотрю на акварели и картины «Синее озеро», «Горы играют», «Волны», «Охотник», «Ловля птиц», и мне кажется, что я снова вижу родные места.

В таком же амбарчике на резных столбах моя мама — настоящая охотница — хранила добычу.

И у нас была такая же «морда»¹. И костер с котлом, где уха дымится, — это тоже мой костер, и уха моя.

Огромное дерево, которое «выросло» посреди акварели «Синее озеро», тоже мое дерево. И обо всем этом я давно, когда даже не знал о существовании картин К. Панкова, написал:

Здесь незримыми руками
Рыбу ловили сети наши.
Билась рыба плавниками,
Брызги, ярких радуг краше,
Словно россыпи росинок...
Мы уху с дымком и солнцем
Ели вон под той осиной,
Что вот-вот небес коснется!
А на том мысу, где сосны
Темной лентой мчатся в дали,
Мы бродили вдоль по Сосьве,
Юрких белок промышляли...

Константин Панков родился в деревне Саранпаул Березовского района, где я не раз бывал. Мать его была мансийка, отец — ненец. Он слышал в детстве такие же песни, как и я, такие же загадки загадывал своему приятелю. И загадки те были совсем нестранными. Обыкновенными были они, не экзотическими. Каждый манси их понимает с первого слова.

Возможно, кому-то рисунки Панкова покажутся «примитивными», «детскими», «наивными». Это глубокое заблуждение!

Если Панков изображает человека штрихами, давая лишь общие очертания, то это не потому, что он не умеет рисовать. Он это делает так же, как его предки, которые несколькими взмахами топора вырубали на дереве лицо идола или на скалах Урала несколькими штрихами вырезали изображение духа, приносящего людям удачу.

Нет! Это не оригинальничание на западный манер!

---

¹ «Морда» — рыболовная снасть, сплетенная из кореньев.

Это традиция, это способ выражения своих мыслей, своего состояния. Своеобразный взгляд на мир, идущий с древности. Это подтверждают археологические находки.

Летом 1968 года археологический отряд Московского государственного университета на территории Ханты-Мансийского округа нашел клад — 92 бронзовые отливки.

Загадочные звери с оскаленными пастьями, поджатými лапами, вытянутыми туловищами. Собака или рысь, волк или бобер? Сразу не скажешь, кого изобразил древний мастер, не проявлявший никакого интереса к реальным формам.

Как считает Вадим Старков, руководитель раскопок, эти фигурки, пролежавшие в земле более двух тысяч лет, не украшения, а произведения ритуального искусства. Эти фигурки, поражающие нарочитым схематизмом, изображают предка умершего, его тотема.

И, как утверждают исследователи, «эти находки показали, что археологи столкнулись в Приобье не с какой-то отдаленной ветвью скифского искусства, не с изделиями мастеров, лишь копирующих случайно попавшие к ним образцы, но с высоким и самобытным искусством».

Своеобразное видение мира живет и в современных загадках, орнаменте, надписях на скалах, в пантографическом письме современных манси и хантов. Вот где истоки своеобразного искусства Константина Панкова!

Не забыли ли современные художники Севера оригинальный опыт, зоркий глаз предков?

Недалеко от Саранпула, где родился Константин Панков, в таежной деревеньке, на берегу той же реки, живет манси Петр Шешкин. Под его охотничьим ножом дерево поет, оживают в дереве рыбаки, добывающие рыбу из-под льда, охотники, сдающие шкурки пушистых соболей, оленеводы, пасущие стада оленей, росомахи, волки и рыси, хозяйева тайги медведи и лоси, филины и орлы...

Но где тот причудливый и волшебный мир, который дал Панкову «другой глаз»? Может, у Шешкина «свой глаз»?

А может, мир этих загадок сейчас стал казаться слишком причудливым? Книги сельской библиотеки, которые перечитал Шешкин, может, изменили волшебный мир мансийских сказок и загадок, казавшийся когда-то таким привычным и обыкновенным? Будто теперь в жизни и загадок не стало. Все ясно, просто, гладко, кругло...

Жизнь манси стала другой, непохожей на прежнюю. Это правда. Но ведь тайга-то осталась. На заре так же токуют глухари, резвятся белки на ветвях, «храпят» в берлогах медведи. И таежные речки все так же бегут к Оби. А великая Обь плавно, не торопясь, несет свои воды на север, к самому Ледовитому океану. И рыбы плещутся, как много веков назад. А бобры валят столетние кедры, строят хаты, сооружают плотины, купаются в своем «море». И медведь не ушел из тайги. Куда ему, зверю, уходить? И хотя манси уже не считают его хозяином тайги, но все же «медвежий праздник» сохранился. Правда, не всюду, а лишь в глухих деревеньках.

В деревне Ломбовок, где живет Петр Шешкин, можно и сейчас побывать на представлениях загадочных и таинственных, где сказка и жизнь связаны воедино.

Это не «праздник медведя», как утверждают некоторые горе-атеисты, видящие в любом национальном и непонятном для них «религиозные представления», а народный театр. Своеобразный театр. Большое искусство народа. Об этом Лев Толстой писал: «И недавно я прочел рассказ о театре у дикого народа вогулов. Одним из присутствовавших описывается такое представление: один большой вогул, другой маленький, оба одеты в оленьи шкуры, изображают один самку оленя, другой — детеныша. Третий вогул изображает охотника с луком и на лыжах, четвертый голосом изображает птичку, предупреждающую оленя об опасности. Драма в том, что охотник

бежит по следу матки с детенышем. Олени убегают со сцены и снова прибегают. Такое представление происходит в маленькой юрте. Охотник все ближе и ближе к преследуемым. Олененок измучен, жметя к матери, мать лижет ему рану. Охотник натягивает другую стрелу. Зрители, как описывает присутствующий, замирают, и в публике слышатся тяжелые вздохи и даже плач. И я по одному описанию почувствовал, что это было истинное произведение искусства»¹.

А вот каким бывает этот праздник охотников сейчас.

— Пух! Пух! Пух! — раздаются выстрелы.

— Сколько выстрелов?

— Семь.

— Значит, низвели «его».

Медведя не называют, а величают иносказательно: «он». И не говорят «убили», а «низвели». Услышит медведь — обидится. Зачем обижать родственников? Манси и ханты думали, что медведь предком людей является. Только он живет в лесу. Поэтому называют его вортолнут — «в лесу живущий».

Сейчас никто не верит, что люди произошли от медведя. Но старая традиция еще осталась. Хорошо ли, плохо ли, кто знает. Только встречать медведя интересно не одним детям, но и взрослым. И как же может быть не интересно, если в снежки играют даже старики! И снегом моят друг друга, и водой опрыскивают!

Снимут с медведя шкуру, и самый искусный мастер делает чучело медвежьей головы. Поставит голову медведя на «священный» стол, заиграет пятиструнный санквалтап, залется волшебными звуками многострунный торыг — и в пляс идут ноги. И не узнаешь, кто плывет в огненном танце: молодые ли, старые ли, потому что все в берестяных масках.

---

¹ Толстой Л. Н. Об искусстве и литературе. Т. 2. М., «Советский писатель», 1958, с. 386.

— У-ку-лу-лу! У-ку-лу-лу! Что вы делаете? — кричит на весь дом одна берестяная маска.

— Мы медвежий танец пляшем, — тянет в лад музыке другая.

— А это что за зверь? — спрашивает первая.

— Если ты не знаешь — посмотри на стол!

— Твой зверь плохой, черный.

— Наши звери хороши. Сочиню я песню о твоём звере, взобравшемся на стол. Твоего зверя застольного буду колоть словами.

— Умеешь — так пой!

И «берестяной нос» — как называют маску — поет хулу на медведя:

Его руки —

Лопаты, которыми женщины копаются в потухшем костре.

Глаза —

круглые берестяные чумики с черной водой.

Но хозяин «священного» стола не обижается. Ведь говорит кто? Не человек, а берестяная маска.

Осмеивают всех, не одного только медведя. Лишь бы слова были яркие и ум острый.

В дом, полный людьми, влетает какая-то птица.

— Чайка! — узнает кто-то.

Птица хватает со стола сияющую серебром чашу, прячет ее за пазуху и мчится в танце.

За ней едет богатырь. Он одет в лисьи и собольи меха. Конь у него деревянный. А бубенчики — настоящие, звенят.

— Мирсуснэхум! — говорят люди. — Он гонит чайку, дерзнувшую украсть народное счастье.

— Когда прошла чайка? — молвит он человеческим голосом.

— Семь дней тому назад проходила мимо нас чайка, — отвечают ему люди.

Мирсуснэхум подпрыгивает на одной ноге, напевая:

Золотую чашу, из которой питается народ мой,
Похитила чайка.
Конь мой с пестрыми боками,
Зверек мой, быстрее, быстрее!

— Когда прошла чайка? — опять спрашивает.
— Вчера прошла, — говорят сидящие на полу.
И опять едет, пляшет, напевая:

Как сохнувшая таежная речка,
Живот моего народа высох.
И сердце жаждет пищи.
Богатую чашу с народной пищей
Своровала чайка.

Немного едет — видит белую птицу. Догоняет, бьет — чайка падает. А Мирсуснэхум забирает сверкающую чашу.

— Вот ваша чаша! — говорит он народу, бросая чашу в руки людям. И удаляется в огненном танце.

Таков древний праздник манси и хантов, в котором Лев Толстой видел зерна истинного произведения искусства.

А ведь недавно многие утверждали, что у народов Севера нет и не может быть искусства. Отрицалась возможность существования у них танцев. «Танец — дочь веселья, — читаем в многотомной «Истории танцев мира» С. Н. Худякова, — конечно, не мог найти себе места среди вечных льдов и холода, и поэтому у эскимосов, круглый год окутанных звериными шкурами, непрерывно влачащих свое скудное существование среди снежных вьюг и морозов, не могло родиться желание веселиться посредством танца». В других исследованиях с той же самоуверенностью своеобразное, экзотическое, непонятное европейцам искусство малых народов объяснялось «бессмысленными выходками дикарей» или просто шаманством.

Татьяна Федоровна Петрова-Бытова, ныне заслуженный деятель искусств РСФСР, посвятившая себя созданию национальной хореографии Севера, доказала, что и под холодным небом рождаются огненные пляски, что древние, неевропейские, танцы северян обладают огромной выразительностью, яркой впечатляющей простотой, они так же многоцветны, как пляшущие сполохи северного сияния.

Кружок национальной хореографии северных народов выступал уже на первом фестивале народного танца в Москве в 1953 году. И с большим успехом. Потом стараниями Петровой-Бытовой был создан ансамбль «Северное сияние». Он существует уже тридцать лет, и популярность его растет.

Сейчас у народов Севера развиваются и музыка, и литература, и живопись. Истинные произведения искусства есть и у манси Петра Шешкина (его скульптуры экспонировались на Всесоюзной художественной выставке самодельных художников), и у молодого хантыйского художника Геннадия Раишева.

Раишев свободно владеет искусством причудливого северного орнамента, представляющего, кстати, не просто бессмысленные красивые завитушки, а письмо, которое старики могут читать...

Раишев в какой-то мере продолжает начатое Панковым. Но было бы печально и неестественно остановиться на том же уровне. Было бы грустно, если бы творчество художника ограничивалось подражанием. Жизнь нашего века кипучая, сложная. Уложится ли она в древнюю загадку и орнамент? Нет! К счастью, Раишев, по-моему, идет дальше. Современный человек, знающий и Шекспира, и Толстого, и Пикассо, Раишев лишь отталкивается от видения мира своих предков и ищет собственные пути отображения многогранной действительности.

Трудно передать, описать содержание, тематику экзотической и остросовременной графики Раишева.

Скажу только, что автор этих строк благодарен Раишеву за истинно северное оформление книги поэм «Песня последнего лебедя», которая вышла в издательстве «Советский писатель».

И манси Петр Шешкин, и хант Геннадий Раишев, и ульчский художник Дятала, и нанаяец Андрей Бельды — каждый по-своему открывают мир кистью художника.

А сначала была просто загадка.

И от причудливой загадки может вырасти оригинальное искусство, нужное людям.

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ САМОТЛОРА

На любой твоей снежинке тайной —
Отблеск голубой звезды Полярной.
А в родной твоей улыбке каждой —
Наша человеческая жажда
Радости невиданных открытий,
К звездам фантастических отплытий.
Ты богат творцами, мудрый Север,
Наш прекрасный, белый-белый Север.

Самотлор я впервые увидел летом 1964 года. Наш вертолет по пути из Сургута в Нижневартовск вдруг сменил маршрут. В иллюминатор я увидел бескрайние ржавые болота, местами разделенные зелеными гривами осинника и березняка. Противоположного берега взгляд не достал. Он сливался с болотом и небом, таким же бескрайним, как эта топкая ширь северной земли... Мы опускаемся ниже. На крохотном травянистом островке — вертолет с накренившимся набок винтом. На кочках среди трав несколько человек в спецовках геологов. Они радостно машут руками, сквозь шум вертолета что-то пытаюсь нам объяснить. Один из них показывает щуку, мол, озеро не мертвое, в нем не только болотистая топь, но в нем есть и рыба. Нашему вертолету некуда приземлиться. И пилот, повиснув над зеленью острова, опускает веревочную лестницу. Еще мгновение — и геологи, потерпевшие аварию два дня назад над болотистым берегом Самотлора, в кабине крылатого оленя.

Тогда, в 1964 году, Самотлор не бил нефтяными фонтанами. Но вера в большую нефть уже была у первооткрывателей. Запомнилась мне беседа с Леонидом Васильевичем Аксариным, бывшим тогда первым секретарем Нижневартовского райкома КПСС.

— Рыба, пушнина — наши главные отрасли хозяйства, — говорил Л. В. Аксарин, — теперь нефтью начинаем заниматься. Первые тонны уже отправили на нефтеперерабатывающий завод. Прибывают к нам в основном молодые люди, полные сил и энергии, энтузиасты своего дела. Живут они в палатках, вагончиках. Строим жилье ускоренными темпами, занимаемся благоустройством нефтепромысла.

Потом при новой встрече Аксарин, один из первых комиссаров Самотлора, скажет:

— Мы работали здесь тогда, когда никаких открытий еще не было. Ни капли нефти, ни искры газа. Но мы верили в большую нефть. И всю партийную работу вели так, чтобы оказать максимальную помощь геологам. Ржавые топи болот, лютые морозы, гнус и комарье, большие расстояния, необжитость территории, масштабность задач требовали постоянного поиска, новых решений. И нефть Самотлора вобрала в себя отвагу и мужество геологов, энергию и смекалку авиаторов, упорство речников, самоотверженность рыбаков, охотников, оленеводов, которые помогали первопроходцам всем, чем могли. Эти первые тонны нефти выковали характер первопроходца, в основе которого беззаветная преданность делу партии и народа, готовность пожертвовать личным ради общего дела.

На Самотлоре теперь в основном буровики, строители, операторы добычи нефти и газа. И мне, писателю, вдруг захотелось увидеть геологоразведчика, первооткрывателя тюменской нефти.

— Герои рядом с тобой. Знакомьтесь. Владимир Алексеевич Абазаров, лауреат Ленинской премии, начальник

экспедиции, — говорит Владимир Салмин, председатель Нижневартовского райисполкома, подводя меня к высокому смуглолицему человеку.

На другой день мы с Абазаровым плыли на катере по «первым следам первых геологов» Среднего Приобья.

Наш катер причаливает к берегу. Берег низкий, травянистый. Впрочем, здесь всюду трава. Острова и отмели Меги — одной из протоков Оби — покрыты травой. Куда ни взглянешь — всюду на лазури вод ярко выступают изумрудно-зеленые луга лагун, где в конце лета, когда спадает большая вода, будут косить сено. А пока играет большая вода, окаймленная серебристо-желтым тальничком, луговыми цветами. Зеленый луг «звенит» цветными колокольчиками, незабудками, яркими бутонами шиповника. Среди множества цветов кровавыми пятнами рассыпаны красные лилии. Это цветы из легенды. Сражался богатырь с врагами, напавшими на его народ. В неравном бою богатырь был изранен. Кровь текла, но он шел по земле и продолжал сражаться. И там, где падали капли крови, расцветала красная лилия. Мне почудилось, что я снова в родной сказке. Вот озерцо посреди травы. Утки плавают. Рыба плеснула. Неумолчно гудит комариная туча. Все как в детстве.

И я прихожу в себя. Привычная с детства сказка моего Севера ломается. Ведь рядом со мной не рыбаки и охотники, а нефтяники — люди, в корне изменившие лицо моего края.

Давно ли прокладывали первые тропы в тайгу и болота? Недавно. Каких-то полтора десятка лет назад начали промышленную разработку нефтяных и газовых месторождений. А сегодня Среднее Приобье, как гигантское сердце, подает нефть и газ в разветвленную систему индустрии всей страны. Там, где совсем недавно были болота и дикая тайга, сегодня выросли города, поселки, промыслы, трубопроводы. Это ли не волшебное ускорение жизни? Сибирское ускорение?

Старое лицо моего края. Теперь оно лишь во сне может явиться таким, каким довелось мне увидеть в раннем детстве.

Большая река. Маленькая деревня. Дома стоят в низине на узкой полоске земли. Стаей диких уток они чернеют на узкой полоске земли.

— Тюр-тюр-тюр, — журчит вода. Почти у дверей плещутся волны: на реке половодье.

— Ветлю-ветлю-ветлю, — разносит эхо. Это поет кулик, радуясь весне. Пахнет травами, мокрыми сетями, рыбой...

— Хал-хал! Тень-тень! — гогочут гуси весь день в тальнике, залитом водой. Утки носятся, как шальные. Лишь от них стоял шум, а не от моторных лодок...

Сегодня на реке шумно. Мчатся моторные лодки, летят полуглиссеры, ломая зеркало воды.

А на крутом берегу, где недавно еще юрких белок промышляли, сегодня урчат тракторы, бульдозеры, кусторезы, грузовые машины.

На пристани с самоходных барж разгружают цемент, горючее, трубы, пиломатериалы, жилые вагончики.

Над дальним песчаным обрывом возвышаются «железные чумы». Слово тысячи оленьих нарт, сложенных одна на другую.

Чумы? Опять снятся чумы? И разве бывают оленьи нарты железными?

Да никакие это не чумы. Это разобранные части буровых вышек.

Разгружаются баржи, урчат бульдозеры, рокочут тракторы, шишат шины грузовиков на песчаных улицах, клубится пыль — и небо кажется песчаным, и солнце кажется песчаным, раскаленным.

Все движется, кружится, вьется...

Жена геолога рассказывала, как они жили на Большой земле. Хорошо жили. Но бросили обжитую квартиру,

удобства городские. И все из-за кочевника-геолога, которому снится нефть, а не удобства...

Большим лукавым ребенком казался мне тот немолодой уже буровой мастер. А может быть, от женщины, от матери его детей шла вся его сила, тепло и доброта? Уютно. И балок казался огромным дворцом, где дружно, в лад бьются сердца большой семьи первопроходца. Хорошо! Тепло! И мне было тепло... И я снова думал о силе материнского тепла.

Руку матери давно я позабыл, нежную и теплую, как пух гусиный, руку. Сердце свое давно я в ветер бросил, давно оно, как среди деревьев, бьется. О, кажется, оно одеревенело, и кажется, оно оглохло, онемело и никогда не услышит ласку и не расскажет о чьей-то маме сказку.

Белой птицей летела вьюга, белым клювом в окно стучалась. А балок, как сердце друга, грело, грело, грело...

Погрустневшими глазами смотрел Норкин в даль реки. Может, старый мастер вспоминал свою Елену? Как с сожалением покидала обжитой уголок его славная русо-косая Елена. Ее красивое тонкое лицо с мягкими глазами становилось грустным. Как же! Только что устроилась, облюбовала каждый уголок квартиры — и снова за чемоданы. Она грустно глядела на своего широкоплечего высокого Григория.

Лицо человека — зеркало души. Так говорят в народе. В открытом лице Елены — ярко выраженная готовность подарить людям улыбку, свет, радость... Нет, не крикливо-прекрасно или возбужденно-суетливо это лицо. В нем словно просвечивает та спокойная красота души, которая свойственна умным людям. Не людям вообще, а женщинам, таким, как Елена.

Какова же она, его Елена?

Откровенна или скрытна, терпима, терпелива, бойка, внимательна, стыдлива, ребячлива, вездесуща, сентимен-

тальна, эгоистична, высокомерна, великодушна, мужественна? Какие же из этих черт больше были присущи ей?

Она, конечно же, была мужественной. Странно, может быть, звучит это слово в отношении милостивой женщины. Но это так. Елена была мужественна в истинном смысле этого слова. Впрочем, наверное, не только она. И все жены мужественны, которым выпала нелегкая обязанность быть женой геолога, взвалившим на свои плечи, кроме работы, хлопотливое домашнее хозяйство. Она домоправительница и кухарка, судомойка и воспитательница, парикмахер и нянька, уборщица и счетовод, гостеприимная хозяйка и любимая, теща и мать. В одной руке утюг, в другой ребенок, в одной пудреница, в другой иголка с ниткой, а вот уже обе руки заняты стиркой, только брызги летят да пена мыльная пенится.

Жена... Это же многорукая богиня мужества!.. Но если бы на долю Елены выпало только это испытание?! (А испытание ли это? Или просто жизнь в ее обыкновенном виде?)

А вот когда жена еще и жена геолога, вместе с мужем кочующая по Северу, который прозывается Крайним... Тогда уже!..

Ох этот Крайний Север! Мужество женщин здесь приобретает совсем другие краски и другое звучание...

Мы подошли к останкам строения, поросшего сверху травой, бурьяном. Несведущий никогда не мог бы сказать, что здесь стояла буровая, да еще первооткрывательница нефти Среднего Приобья.

Погрустневшие глаза Норкина повлажнели. Глубоко вздохнув, он тяжело выдавил:

— Самая трудная! Нескончаемой казалась эта вахта. До сих пор снится... Помнишь?.. Когда мы вместе начинали нашу нефтяную одиссею? Ведь так было трудно. Мы были совсем другими. Открыть в ледяном пустынном крае месторождения нефти и газа, да еще в условиях, когда мало кто верил в нашу удачу!

Всего труднее, пожалуй, бывало зимой. Она всегда нам показывала свои зубы, расставляя ловушки на каждом шагу. И все же распечатали недра тюменского Севера. Открыли его сокровища. А разве было легко? Не раз суровый ветер испытывал нас на прочность, выдумку.

Норкин носовым платком вытирает вспотевший лоб. Достает папиросу. Пальцы у него дрожат. Затем, окая, выводит слова:

— Фонтаны только в юбилейных речах легко фонтанируют. Тяжело пришлось нам в ту пору. Снабжали нас маломощной техникой. Как ни старались, а скважину-первооткрывательницу бурили, а затем испытывали очень долго.

Здесь, на берегах реки Меги, начали бурить в сентябре 1959 года, а долгожданный фонтан нефти получили в марте 1961 года. Не ладилась работа. То одного не хватало, то другого. Запасных частей кот наплакал. Цемент, горючее на вес золота... Останавливаешь проходку иногда на недели. Теребишь начальника экспедиции, требуешь доставить запчасти. Начальник тебя теребит...

Это было трудное время. Штормовое тюменское время, время великих открытий.

Оно началось газовым фонтаном в Березове.

Потом был долгий путь поисков нефти. Год за годом бурили «пустые» скважины, живя в палатках, изнывая от комаров, гнуса летом, а зимой испытывая все прелести сибирских морозов и вьюг...

Первые годы «топтались» вокруг Березова. И хотя открыли месторождения газа, удовлетворения геологи не получили. Месторождения были маленькие, а нефти не было. Руководители геологического управления во главе с Эрвье поняли, что ожидать здесь больших открытий нельзя. Нужно было выходить в новые районы. И вышли. В разных концах огромной Тюменской области забурили скважины.

И, наконец, летом 1960 года мастер Урусов на древней мансийской реке Конде получил первый фонтан промышленной нефти.

А в марте 1961 года в другом конце Тюменской области, в восьмистах километрах от Конды, на берегах хантыйской реки Меги, ударил нефтяной фонтан из скважины мастера Норкина.

В Тюмени, в кабинете начальника Геологоуправления, я видел карту. На этой «говорящей» карте времени нанесены маршруты поисковых экспедиций почти за три десятилетия. Это история большого похода со многими приключениями. По ней можно судить о направлении поисков. То на юге от Тюмени искали нефть, то к Северному Уралу шли, то дерзали заглянуть аж за Полярный круг. Сначала шли робко, шаг за шагом исследуя берега таежных рек и речных протоков, потом все глубже и глубже заглядывая в тайгу, в болота, упорно исследуя неизведанную ширь Севера. Не случайно сегодня Тюменский край называют землей искателей и первопроходцев. Первопроходец сидел передо мной. Норкин. Богатырь не богатырь, но мужчина довольно крупный, широкоплечий. Седоватый... Широкое лицо его изрезано глубокими морщинами. Не следы ли это глубокого бурения, следы долгого и трудного поиска?

Я попросил Абазарова рассказать о мастере.

— А что о нем рассказывать? — заговорил Абазаров, отгоняя комаров, которые тонко зудели над ухом, лезли в нос и в рот. — Норкин. Мастер. Практик. Рабочая косточка. Буровая для него — дом родной. Однажды пожаловалась мне Елена Степановна, жена Норкина, что муж месяцами не бывает дома. Еду на буровую. Вижу, Норкин, пристроившись почти у ротора, спит. Спрашиваю, почему не идет спать домой. Далеко, говорит, некогда. Бурить надо!

А до поселка было два километра.

— В другой раз приезжаю на буровую. Грохочет дизель цементного агрегата. Последние кубометры цементного раствора нагнетаются в скважину... Ответственный момент. Сквозь облако цементной пыли вижу Норкина. На глазах у него слезы, а сам улыбается... С чего бы это? Вроде наш мастер — человек не сентиментальный... Лишь потом жена разоблачила его.

Рука у него отнялась. Военная контузия, видно, дала о себе знать... Отдохнуть бы ему в этот момент. А он — на буровой. В ответственный момент, что бы ни было с Норкиным, он будет на своем месте.

Жаловалась жена. Бывает так. Спит дома. Ночью стук: «Григорий Иванович, иди, пособилай. Заминка на буровой». И Григорий Иванович мчится на буровую. Я бы сказал так: мастер Норкин — одержимый буровик!

Я снова думаю. Что такое человек? Человек является конечной целью природы. Цель природы состоит в том, чтобы человек был счастлив. Но всякое человеческое счастье мимолетно, мгновенно. Из всякого человеческого удовлетворения вытекает так много новых потребностей, потребность же есть чувство недостатка, горя, неудовлетворения. Человек не создан для того, чтобы природа утоляла его потребности. И природа не создана для того, чтобы благодетельствовать человеку.

Север... Вечная мерзлота, болота, комарье... Кислорода здесь маловато. А морозы дикие... Но как оторваться от Севера? От ярких сполохов северного сияния, от голубовато подсвечивающих снегов, от бодрящего мороза, от великой головокружительной широты, простора, захватывающих дух? От людей, с которыми сжился, сдружился... Дружба на Севере особая.

Человеком почувствовал себя Григорий Иванович на Севере. Уйти от Севера — уйти от себя. А как можно уйти от себя? Нет, Григорий Иванович Норкин не может жить без Севера. Вот и согласился быть «мастером на колесах».

Медный бубен солнца. Синь воды. Вдали над тайгой острыми шпилями стоят буровые...

Я вопросительно смотрю на мастера Норкина. Он, несомненно, принадлежит к тому типу неумных людей, которые живут прежде всего интересами дела. Они преданы ему всей душой. Для них личное на втором месте.

Но теперь часто раздаются голоса, что так, мол, было во времена первых пятилеток, во времена энтузиазма и трудностей...

Я задаю вопросы, слушаю, думаю...

Думаю о жизни. А жизнь устроена так, что одно поколение сменяется другим, новые люди приходят на место ушедших. Но в этом вечном, благотворном возобновлении замена одного человека другим не становится ли проблемой?

Ведь нелегко оставаться самим собой, если думать, что при определенных условиях твое место займет другой.

И я отваживаюсь спросить Григория Ивановича, легко ли было ему расставаться с должностью бурового мастера, много лет приносившей ему, наверное, самое высокое моральное удовлетворение.

Поглаживая подбородок, улыбаясь, Григорий Иванович Норкин ответил просто: «Незаменимых у нас нет!»

Заговорили о молодежи:

— Какую роль в освоении тюменских кладовых сыграла и играет молодежь? — спросил я.

— Очень важную роль. Трудно, правда, распределить сделанное разными поколениями. Все поработали хорошо. Но многое созданное на тюменских просторах сотворено руками только молодежи. Без ее участия было бы невозможно и сокращение сроков стройки. Молодежь подвижна. Ради большой цели она готова идти на трудности. А их здесь уйма... Да ведь и мы пришли сюда молодыми.

— Что вас тогда привело сюда? — допытываюсь я. — Долг, энтузиазм, самоотверженность?

Вместо прямого ответа услышал песню, которую кто-то затянул: «Не каждому дано так щедро жить: друзьям на память города дарить...»

— Да, подарили мы нефть. Конечно, не без энтузиазма.

— И сегодня, наверное, нет такой ударной стройки, которая могла бы обойтись без этого массового порыва молодости?

— Но теперь времена все же другие. Сегодня щедро жить человек не сможет без любимого дела.

— То есть без призвания?

— Да.

— Да. Но наш нефтяной край по-прежнему держится на порыве.

Да, действительно, когда начинался Саяногорск, тюменскому Северу больше нужны были энтузиасты, их рабочие руки и горячее желание участвовать в сибирской стройке. Но сегодня больше здесь нужны специалисты, их квалификация, знания, опыт...

— В свое время наш тюменский Север помог многим стать мастерами своего дела. Надеюсь, и сегодняшние молодые люди найдут себя...

— Вы принадлежите к тому поколению, которое в Тюмени прошло, как говорится, сквозь все: огонь, воду и медные трубы. Какое испытание самое сложное?

— Сейчас, когда на тюменском Севере добывается большая часть нефти страны, нелегко выделить самое-самое трудное. Ничего нас не обошло. Трудности подстерегали на каждом шагу. Неимоверно тяжелые условия работы. Бывали и пожары на буровых, наводнения, аварии. За победы свои, можно сказать, мы уплатили сполна, как и за славу, выпавшую на нашу долю.

— А медные трубы как на вас подействовали? Не испортили?

— Медные трубы? — оживился Норкин, молчавший до этого. — Медные трубы мы начали проходить еще на

фронте. А фронт — это высшее испытание. Приехали мы на Север достаточно зрелыми. А молодежь, которая приезжала к нам позже, сумела проникнуться этим духом. Нам кажется, что испытание тюменским Севером мы вынесли достойно. Теперь меня волнует, как мы вынесем пенсионный возраст... А у молодежи, наверное, свои испытания. Духовные... Быть может, сложнее нашего...

Помолчав, продолжал:

Тюменский Север сегодня — своего рода полигон, где испытываются в крупных масштабах кадры, техника, система планирования и управления производством. Второй этап развития тюменского Севера не менее сложный, чем первый. Он связан с широкой индустриализацией огромного края, созданием хороших условий жизни и быта для людей, осваивающих «белое безмолвие» Севера. И тут возникают новые проблемы...

— Что-то ворчливым стал, Григорий Иванович. Может, и вправду стареешь...

— Не старею, а думать стал. Много думать. Время, что ли, появилось лишнее... А может, и старость...

Мы снова плыли на катере по «первым следам первых геологов» Среднего Приобья. Первые следы геологов лишь у реки. Река помогала тюменским разведчикам недр проникать в самые отдаленные уголки тайги и тундры. На берегах Оби и ее бесчисленных притоках начиналась сухопутная страда сибирских первопроходцев. И хотя строители в небывало короткий срок притянули к Нижневартовску стальную нить железной дороги, Обь и сегодня работает как богатырь, не знающий усталости. Навстречу нашему катеру плыли караваны судов со строительными материалами для нефтепромыслов.

Вдали показался Мегион. Отсюда когда-то начинались нелегкие тропы геологов, все смелые и дерзновенные дела. Мегион был своеобразной столицей изыскателей нефти.

Мы шли по песчаным улицам аккуратного деревянного, местами одевающегося в многоэтажный камень, поселка, и почти каждый узнавал Абазарова, Норкина, Хафизова, радушно приветствуя их. И я подумал: какое это большое счастье оставить след на земле, быть ее строителем и создателем!

В горячие для Березова годы Абазаров был на переднем крае. Пришел он молодым специалистом, сразу после окончания института. Специалистов опытных, умелых не хватало. Молодежи в Березове доверяли. И потому, наверно, люди, подобные Абазарову, быстрее обычного становились настоящими искателями, полноправными участниками решения огромной задачи.

Здесь на тюменском Севере, работать приходилось по максимуму, открывая в себе такое, о чем раньше и не подозревали. Пройдет время, и все признают, что тюменская геология стала первооткрывательницей не только нефтяных и газовых запасов Западной Сибири, но и нового стиля работы, новых темпов, новой формации работников — советских деловых, творческих людей.

Одним из них мне видится Владимир Алексеевич Абазаров — по сути своей искатель.

Эталон времени... Общеизвестно, первым эталоном для измерения времени стало биение человеческого сердца. С тех пор человечество стократно усовершенствовало приборы точного времени. Ведь в наши дни они нужны всюду: все, от стыковки космических кораблей высоко над землей до режима работы геофизических аппаратов, слушающих землю, требует точно согласованных, синхронных действий.

Человеко-час — понятие не только экономическое, не только календарное. Человеко-час труда, поиска, вдохновения — это тот самый эталон личного времени, которым особенно дорожит геолог Абазаров. Ведь дух времени с теми, кто ищет. Там, в тюменской тайге и тундре, тоже

шагает пятилетка эффективности и качества. И сердца ветеранов Абазарова и Норкина, как прежде, молоды.

Время... Время большой работы... Без нарастающих темпов творчества невозможно представить современный мир. Недавно один американский психолог писал, что на смену кибернетической революции идет революция творческая. Сегодня мы особенно остро ощущаем научно-технический прогресс, который стал историческим фактом именно как результат творческой деятельности человека.

Человек сотворил большое, доброе дело, открыв тюменскую нефть и газ на студеной земле Сибири. Человек мужественный, одержимый, находящий счастье в постоянном созидании и борьбе. Я вижу, как могуществом своего ума и таланта, самоотверженностью труда современный сибиряк выходит победителем в противоборстве с суровой природой, открывает и ставит на службу социализму богатство. Он огнедобытчик. Он теплотворец!

Герой,
Чья слава — сокол в поднебесье,
Герой высокий —
Облако на грудь.
Хвалебная
Тебя достойна песня,
Теперь и ты
Достоин песни будь.
Когда твоя и вправду слава,
Сокол,
Спокойным будь
И трижды гордым будь!
Они молчат,
Внесенные высоко,
Вершины мира —
Облако по грудь...

Глядя на Григория Ивановича, в общем-то, простого, ничем особенно не примечательного человека, я подумал о рядовых великой армии тюменских изыскателей, которые на протяжении двух десятилетий самоотверженно трудились, шаг за шагом подбирая ключи к кладовой

«черного золота». Если бы они тогда не бродили по тайге, не зимовали на снегах, не тонули в болотах, не научились вести разведку в невероятно тяжелых условиях, если бы не хватило у них выдержки и настойчивости, не было бы сегодня Самотлора.

В эти же дни на Самотлоре произошло еще одно знаменательное событие: открыли величественный памятник покорителю Самотлора. На развилке дорог, ведущих к Самотлору и Мегион, выросла бронзовая фигура нефтяника на гранитном постаменте. На трибуне среди почетных гостей был Григорий Иванович Норкин. Он, наверное, в тот момент чувствовал себя счастливым: памятник был воздвигнут на месте скважины, давшей первую самотлорскую нефть.

Глядя на величественное бронзовое изваяние, на его устремленные к небу руки с чашей, в которой пылает огонь в честь покорителей Самотлора, я снова думаю об истории долгого, утомительного, но счастливого похода, у истоков которого стояли тысячи рядовых геологов и изыскателей, шаг за шагом приближавших звездный час Самотлора. Без них этот час был бы невозможен. В них я вижу пример теплотворцев, согревших эту стынущую землю. Они тоже творцы Самотлора!..

И человек отверз мои уста...
Вот он, герой, прямой и бескорыстный!
И тает вековая мерзлота.
И мудрый луч в мои вселился мысли.
Не древний меч, герой, в твоей руке!
И на плечах не ратные доспехи!
Слагаю песни о буровике.
Землепроходец! За твои успехи
Я поднимаюсь в рост!
Огнедобытчик! Мой поклон и тост!
Зовут тебя сыном Сибири!
Зовут тебя сыном Отечества!
А я назову тебя в песне
Сыном всего Человечества.

СЕВЕР — ХРАНИТЕЛЬ ОГНЯ

День и ночь, как мамонты живые,
По земле шагают буровые.
Как упряжки длинные олени,
Мчатся газопроводы сквозь селенья,
Сквозь леса и тундры, через горы,
Через злые топи Самотлора.
Ты огня хранитель, славный Север,
Наш прекрасный белый-белый Север.

Особо остро ощутил я шаги времени на тюменском Севере. Там они, эти шаги, почти фантастические. Шаг охотника по большому снегу на широких лыжах, подбитых лосиным камусом. Шаг оленьей упряжки. Быстрый шаг грузовика. Стальной шаг поезда. Шаг крылатого оленя — самолета. Шаг космического корабля. Вот что видели северяне всего одного поколения. И я тому свидетель.

...На белом снегу три черных дымка. Дымки не шелхнутся. Морозно, но ветра нет. Три чума стоят белые как снег.

Как море, снег. Сугробов гребни
Лежат загадками вдали.
А чум — как бы старик волшебник
В оленьей шкуре до земли.

Снег большой. К небу уходит. В небе белые облака. На снегу олени. Оленей много. Рога их, как лес, колыхаются. А леса нет. Тундра. Большая, ровная земля. Земля уходит в небо. Небо сливается с землей.

— Как в космосе! — вздыхает Вячеслав Дмитриевич.

Вячеслав Дмитриевич Зудов — космонавт. Мы с ним прилетели сюда на вертолете. Он впервые в этих краях. Смотрит. Вижу, глаза его удивляются. И остроконечному чуму, похожему на космический корабль, и лайкам, которые вьются у ног, радуясь встрече, и людям в малицах из оленьего меха... Люди крепко жмут руку космонавта, приглашают в чум.

Первыми встретили нас Алексей Иванович Терентьев, бригадир Салехардского совхоза, и его сыновья, Василий и Прокопий. Сыновьям недавно перевалило за двадцать. Но они уже давно оленеводы, можно сказать, с первого самостоятельного шага. Старший, Прокопий, отслужил в армии. После службы вернулся в тундру. Женился на хантыйской девушке Таисье. Она зоотехник. Окончила зооветеринарный техникум в Салехарде.

В самом светлом углу чума, устланном шкурами с причудливыми узорами, раздался детский плач.

— Это наш сын, Женя, — с гордостью сказала молодая женщина, устремляясь к колыбели, как птица к гнезду.

— Кем он будет? — спросил я полушутя.

— Может, и космонавтом! — с улыбкой ответила довольная мать. — А может, оленеводом!..

В углу стояли маленький транзисторный приемник, магнитофон, небольшой телевизор.

— А вы не скучаете по городу? Ведь учились там... Привыкли...

— А еще больше мы привыкли к тундре. Здесь нам лучше...

Кому как, а мне этот ответ показался естественным. Нашему Северу оленевод нужен. Ой как нужен!

— У нас здесь просторы, как в космосе, — сказал Алексей Озялов, молодой ханты. Он тоже оленевод. Зоотехник.

На нашем низеньком столе дымились оленьи языки,

краснела оленья печень, светились перламутром стружки строганины из нельмы...

— Самое мое яркое впечатление после космоса — это тундра, просторы Заполярья, — задумчиво произнес Вячеслав Зудов. — Есть в тундре что-то космическое...

Да, на Севере, в стране белых ночей и черных дней, природные условия особые.

Зимой тундра и тайга превращаются в сплошное море снега. И тогда земля становится совсем безграничной, сливаясь с белыми просторами Ледовитого океана. Белое небо, белая земля. Белый медведь, белый песец, белый горноста́й, белый заяц. Белое зверье бродит по белому Северу. Белая сова, белая куропатка. Белые птицы летают по белому Северу. И человек надевает белую шубу из оленьего меха.

Разыгрывается вьюга. Бешено мчится ледяной северный ветер и гонит по земле тучи сухого колючего снега. Все живое спешит укрыться. Звери зарываются в снег. В занесенном снегом чуме северянин находит спасение от пурги. Путник, которого вьюга застигла в тундре, отдается на волю своих оленей. А они уже беспокоятся и сами убыстряют бег. Мчится по снегу легкая нарта, а сзади встают серые тени и тянутся к небу...

Север... Каким мужественным, человеческим должен быть тот, кто приспособился к нему. А ведь коренной северянин века и века жил в таких условиях, труднее которых человеку, кажется, невозможно и представить. Полярная ночь, мороз, болота, комарье... Уже сама жизнь здесь — подвиг. Но от сопки Кольского полуострова до льдов Чукотки с самых древних времен жили саами, ненцы, манси, ханты, эвенки, юкагиры, чукчи, эскимосы... Двадцать шесть малых народностей, как сказал поэт, «наивные, как миф, и опытные, как нужда», не только выжили, но и создали самобытную культуру.

Однако хозяйственная деятельность человека на огромных просторах Севера протекала на очень низком

уровне производительности труда. Охота, рыболовство, оленеводство, собирательство... Примитивная техника ведения хозяйства. Большинство малых народностей здесь не знало ткачества, многие — гончарного круга, некоторые — обработки металлов.

Веками Сибирь и Север оставались неосвоенными, огромные богатства — нетронутыми. Необходима была великая энергия, которая бы привела в движение дремлющие силы Севера и дала толчок к их развитию. Такой могучей силой стал Великий Октябрь.

Помню день, когда труженики Ханты-Мансийска отмечали 50-летие своего автономного округа. К геологам Самоулора, к добытчикам нефти, строителям приехали гости — участники гражданской войны, первые учителя, врачи, партийные и советские работники, принимавшие участие в становлении этого таежного края. В президиуме сидели убеленные сединой Аркадий Николаевич Лоскутов, открывший в 1928 году первую мансийскую школу на реке Сосьве, Петр Николаевич Загваздин, организатор рыбной промышленности на обском Севере, Фарман Курбанович Салманов и Семен Никитич Урусов — первооткрыватели тюменской нефти. Для нас каждый из этих людей особенно дорог потому, что самое трудное в жизни выпало на их долю, на долю зачинателей. И всем, что имеем, чем гордимся сейчас, мы обязаны им, нашим старшим товарищам.

Недавно я получил письмо из Усть-Ишима Омской области, взволновавшее меня...

«Ваня, это письмо пишет тебе Мария Михайловна Тищенко (до замужества Бизина), первая учительница школы взрослых. В 1939—1940 годах я работала в юртах Камрадка. Это значит, где ты родился. У тебя осталось что-нибудь в памяти о годах детства? Я уже сама точно не помню, сколько тебе было лет. То ли три, то ли четыре года. И вот до сих пор представляю тебя таким маленьким. Твоя мама брючки тебе шила, как галифе, из зеле-

ного материала. А няры (сапожки мансийские) шила очень красивые, бисером разукрасит. А ты все бегал ко мне на квартиру... То тетрадь тебе нужна, то карандаш. Все время ходил ты с букварем. Такой маленький, забавный. Один карандаш за одним ухом, другой — за другим. Так делал твой отец Николай Тимофеевич... У меня до сих пор хранится маленькое фото с Николаем Тимофеевичем.

Твою маму научила я печь булочки. И сама пекла в вашей русской печке. Она одна была на всю деревню...

Да, уже скоро сорок лет, как я уехала оттуда, но все до сих пор остается в памяти...»

1940 год. В нашей деревне была открыта школа. И создан колхоз. Мой отец — председатель. Он ссорится с дедушкой, требуя сдать в колхоз лошадь, корову, собаку и бубен...

Помню первый новый дом не с мансийским чувалом, а с русской печью, первую борозду колхозного огорода, первую мотолодку. Помню первый крик земли сибирской о своих кладовых огня и света.

Сентябрь 1953 года. Открыто Березовское газовое месторождение.

Июнь 1960 года. Открыто Шаимское нефтяное месторождение.

Декабрь 1965 года. Пущен в эксплуатацию первый нефтепровод Шаим—Тюмень.

Апрель 1966 года. Открыто движение по железной дороге Ивдель—Обь.

1971 год. Дал ток первый энергоблок Сургутской ГРЭС.

Декабрь 1975 года. Пущен в эксплуатацию Нижневартовский газоперерабатывающий завод № 1.

Только какими бы сказочными кладами ни поражала воображение эта стылая земля, а чудо, сотворенное русским человеком, навсегда останется одним из главных чудес чародея-Севера... Благодаря колоссальной энергии и труду русских братьев на Севере вырос новый человек.

Люди Севера... Хочется поведать об одной человеческой судьбе. Рассказать о Екатерине Ивановне Мухиной. Она, дочь хантыйского охотника, стала врачом и государственным деятелем, членом Президиума Верховного Совета СССР.

Родилась Екатерина Ивановна в тайге, в крае, известном ныне миру своей нефтью... Только о нефти и не помышляли. Олени, соболи, белки — вот главное занятие семьи. Семья была большая. Отец умер еще до рождения Кати. Умерли и братья. Остались четыре сестры. Шаман был бессилен против болезней. Врачей в тайге не хватало. Может, потому маленькая Катя еще в интернате помышляла о борьбе со злым духом смерти. Советская власть, учителя пошли навстречу мечте таежной девушки: после седьмого класса коллектив педагогов написал в Ханты-Мансийск, в округ, письмо с просьбой помочь девушке продолжить образование. Девушку направили в Омск на подготовительное отделение для народностей Севера. Жила она в общежитии, с земляками, как в большом и теплом чуме.

На каникулах девушка уходила на промысел — удачливой была охотницей, рыбачкой... А осенью снова учение. И наконец, возвращение на родину, в нефтяной Сургут, врачом-хирургом.

За самоотверженный труд, за внимание к людям, заботу о них жители нефтяного Приобья избрали Екатерину Ивановну депутатом в советский парламент... И эту высокую честь Екатерина Ивановна Мухина понимает как еще одну обязанность, которую, как и другие, надо выполнять и по старым законам Севера, и по законам новой жизни.

Размышляя о прошлом, яснее видишь настоящее. Окинешь внутренним взором далекие годы, когда первые посланцы партии в снегах открывали школы, больницы, задумаешься о сегодняшнем дне тайги и тундры, где рядом с оленьими стадами идет железное «кочевье» нефтя-

ников и газовиков, и снова ощутишь стремительность нашей жизни.

— Сейчас, после XXVI съезда КПСС, подведя итоги сделанному, — говорит Владимир Сергеевич Петров, первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома партии, — мы стремимся осознать то ценное в своем опыте, что необходимо развить далее, анализируем недостатки, которые должны быть устранены. В Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года намечается увеличить добычу нефти (с газовым конденсатом) к концу одиннадцатой пятилетки до 630—645 миллионов тонн. Видное место в Основных направлениях отводится развитию топливных, энергетических и сырьевых отраслей народного хозяйства, являющихся ведущими в экономике округа. В предстоящей пятилетке нам необходимо высокими темпами развивать нефтяную промышленность, электроэнергетику, строительство, сельское хозяйство, транспорт, сферу обслуживания.

Но для успешного освоения природных богатств очень важна своевременная поставка материалов, оборудования, металлоконструкций, труб, буровой техники, машин и механизмов. Почти все это изготавливается за пределами Тюменской области. Зачастую несогласованность между ведомствами ведет к простоям...

Мы обращаемся ко всем министерствам, строительным организациям Москвы, Ленинграда, всех республик работать четко, с сибирским ускорением. И главное — поставлять качественную продукцию...

Мы на Севере стараемся работать по максимуму. И первоклассной техникой. Автоматы уже сейчас находят в нашем крае самое широкое применение: автоматические метеостанции, высокomeханизированные и автоматизированные предприятия нефтяной и газовой промышленности, Сургутская ГРЭС, работающая на попутном газе.

Прообразом будущего служат современные производства Самотлора...

Владимир Сергеевич говорил о нефти, газе, о скоростях строительства. А я думал еще и о тишине леса, о зверях и птицах. О полноводной Оби нашей думал, о живой, полной рыбы Сосьве, по которым мне осенью недавно посчастливилось проплыть тысячи километров.

Я знаю, что суровая северная земля легкоранима. Малейшие нарушения ее равновесия ведут к цепной реакции. И потому я не раз обращался к первопроходцам, преобразователям:

Газ становится огнем,
Все сметая на пути.
Если с ним шутить начнем —
Лес, прощай! Трава, прости!
Если нефтью Обь залить —
Язь, прости! Осетр, прощай!
Можно ль Родину любить,
Не щадя родимый край?
Пусть же будет нефть и газ,
Лес и речка серебром!
Наши внуки вспомнят нас.
Пусть же вспомнят добром.

И, словно отвечая на мои мысли, Владимир Сергеевич говорит:

— Главное для нас сейчас, — это комплексное развитие всех отраслей хозяйства. Добывая нефть Самотлора, сооружая трансконтинентальные трубопроводы и дороги, мы в то же время стремимся сохранить рыбу, лес, развиваем пищевую промышленность и сельское хозяйство. И все это мы должны получать с наименьшими затратами. Первоочередные вопросы ныне — это вопросы качества, хозяйственного подхода к богатствам земли...

СИЯНИЕ СЕВЕРА

Пляшет золотистыми столбами,
Плещется полярными цветами.
Это электрическое пламя
Вечного сияния над нами.
Огнедышащ и могуч ты, Север,
Наш прекрасный белый-белый Север.
Видно, кто-то, нашим песням внемля,
Опустил сияние на землю,
Если в ней Россия отыскала
Пламя, что священно запылало.

В морозном небе металось зарево далекого пожара. Красные отблески неведомого пламени то ослабевали, то усиливались. Временами на густо-малиновом фоне лучами прожекторов вспыхивали отблески белого цвета, которые стремительно неслись к самому центру звездного купола. А за ними следом тянулись по темному ночному небу зеленые, желтые, голубые следы. Отблески «небесного пожара» светились фосфоресцирующим светом на морозном снегу.

Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

Так воскликнул когда-то гениальный Михайло Ломоносов. Свечение неба... Северное сияние...

Первую попытку научно обосновать это волшебное свечение северного неба дал Ломоносов, назвав его «возбужденной электрической силой».

Он же говаривал о силе, заключенной в недрах Севера. «По многим доказательствам заключаю, что в северных недрах пространно и богато царствует натура и искать оных сокровищ некому. А металлы и минералы сами на двор не придут. Они требуют глаз и рук в своих поисках».

Веками Север и Сибирь оставались неосвоенными, огромные богатства — нетронутыми. Необходима была великая энергия, которая могла бы привести в движение дремлющие силы Севера и дать толчок к их развитию.

Такой могучей силой оказались советские люди, коммунисты.

Встречи с ними меня всегда настраивали на новую волну жизни.

Помню, меня, молодого еще, двадцатичетырехлетнего, писателя, пригласил первый секретарь Тюменского обкома КПСС Борис Евдокимович Щербина (ныне министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР). Мы долго беседовали. Он с дотошностью, свойственной лучшим людям ленинской партии, расспрашивал об оленеводах, охотниках, рыбаках Севера, а сам говорил о важности для страны «черного золота» и голубого огня. Хотя в то время (в 1962 году) были уже открыты десятки месторождений газа и нефть дала уже о себе знать, но промышленная добыча их еще не началась. К ней только готовились. В учебных кабинетах, в плановых организациях шли дебаты. Вкладывать миллиарды в тюменский Север или не вкладывать? Быть или не быть тюменскому энергетическому бастиону страны? Не все еще верили в сибирскую нефть, в целесообразность ее добычи в трудных северных условиях, где нет дорог, жилья, но есть полярная ночь, мороз, болота, комарье. Были сильны еще скептики.

Я тогда, конечно же, не знал, какого труда стоило повернуть хозяйственный нерв тюменской земли в новое, нефтяное русло.

Став первым секретарем, когда ему не было и сорока лет, Борис Евдокимович с задором молодости серьезно задумался о будущем Тюменского края. А это действительно край. Земли Тюменской области протянулись от знойных степей Казахстана до студеного Карского моря. Это равно расстоянию от Севастополя до Архангельска. Западную границу от восточной отделяет расстояние, равное от Москвы до Уфы. Территория области занимает около полутора миллионов квадратных километров — площадь, равную территории Франции, Испании, Италии и Австрии, вместе взятых. Географическое положение края самое удобное — в центре страны. А реальная весомость области в общем балансе государства незначительная. Нет крупных индустриальных центров, хотя пахотные земли и хорошие, но их немного. А большую часть территории занимают тайга, болота, тундра и вода. Поэтому и в Госплане к Тюмени было соответствующее отношение. Больших средств не выделяли, крупного развития промышленности не планировали. Ничего волнующего, казалось, не приходилось ожидать и на ближайшие десятилетия.

Даже ответственные работники о геологах поговаривали с улыбочкой. Мол, который год уже роются в земле, миллионы денег ухлопали, а толку никакого.

Работая в одной из областей Сибири секретарем обкома, Борис Евдокимович хорошо знал, в каком состоянии топливно-энергетический баланс региона. Сколько добывается, сколько расходуется, как растут потребности, особенно нефти. Государство выделяло огромные средства на геологоразведочные работы. Но разведка на нефть велась в основном широким фронтом в Южной Сибири. Щербина не раз обращался в Госплан, объясняясь с другими ответственными организациями, доказывая необходимость затрат на нефтеразведку в Тюменской области. Частенько ему приходилось выслушивать не очень приятные речи:

— Будь реалистом, брат! Не поддавайся гипнозу фанатиков нефти. Нефть в голове Эрвье. Ты же как коммунист будь выше и строже.

Борис Евдокимович хорошо знал Юрия Георгиевича Эрвье, руководителя тюменских геологов. Буквально через несколько дней после избрания на высокий пост он познакомился с работами и планами геологоразведочной организации, а потом поехал на Север, чтобы поближе познакомиться с делами разведчиков, вникая во все детали труда и быта, выступая на собраниях, помогая решать многие назревшие вопросы. Он не только помогал Эрвье, но и горячо поддержал его веру в большую нефть. Помнится, он тогда сказал ему:

— В развитии геологоразведочных работ, в открытии новых газовых и нефтяных месторождений основное будущее Тюменской области. Но я смотрю дальше. Сегодня мы открываем месторождения, а завтра нужно будет их осваивать, организовывать нефтяную и газовую промышленность.

Были фомы неверующие, даже противники поисков нефти и газа. Они мешали развороту работ, сеяли сомнения. Даже после того, как были разведаны первые сотни миллионов тонн нефти, приходилось слышать и такое:

— Допустим, что нефть нашли. Ну и что! А как ее взять? Ведь кругом дикая тайга, одни болота, ни дорог, ни населенных пунктов. Как говорится, за морем телушка — полушка, да перевоз дорог. После таких невеселых, мягко сказать, речей Борис Евдокимович вынужден был временно отступить, выжидать, чтобы потом снова обращаться с записками, с обоснованными расчетами и прогнозами в соответствующие инстанции. Успех не приходит сам. Этому предшествовали годы кропотливой, самоотверженной работы большого коллектива геологов, партийной организации области. В любое дело нужно поверить, а поверив — добиваться!..

Тайга...

День идешь — тайга, болота... Год идешь — тайга, болота... И по этому бесконечному простору лишь изредка промелькнет оленья упряжка и негромко прозвенит одинокая песня. Но ни упряжка — мало ли диких оленей тут бродит, — ни песня — слишком слаба она для такого раздолья — не удивят ни седого глухаря, ни сторожкого лося, ни пугливую огневку-лису. Слишком необычен и редок был для этих мест человек, поэтому его и не боялись звери и птицы.

Медленно заселялась наша земля. Лишь по крутым берегам больших рек, как ласточкины гнезда, прилеплялись крохотные человеческие деревушки. Край дремал, как былинный богатырь, и терпеливо ждал часа своего пробуждения. А дремал потому, что не было сюда дорог, которые бы действовали круглый год. Летом край связывали с Большой землей реки, зимой — санная «веревочка». А далеко ли доскачешь на перекладных? Много ли добра вывезешь? И жили люди жизнью мало приметной, не броской.

И вдруг мой богатырь встрепенулся. Пришел конец его снам. В нашу тайгу пробились первые лесозаготовители. А что? До каких пор миллиарды кубометров отличнейшей древесины будут гибнуть на корню, не принося людям пользы? До каких пор песни зеленого океана будут слушать только одни птицы и звери?

И вот первые леспромхозы. Огромный лесокombинат на реке Конда. Больше полутора миллионов соснового леса стал давать стране. Давал бы и еще столько же, да мала Конда — не справиться ей, не перевезти на своих плечах все это добро. Нужны железные дороги. Дождлся богатырь — их начали строить со стороны Урала, из Тавды стальные рельсы побежали к берегам Конды, из Ивделя — к берегам широкой, как море, Оби. И по этим железным путям со звонким перестуком помчались нескончаемые потоки смолистых сосновых бревен, янтарных

шпал, пахучего теса. А потом из наших лесов побежали вагоны с бумагой, целлюлозой, картоном, цистерны спирта, мебель и другая очень важная для людей продукция Верхне-Кондинского лесопромышленного комплекса.

А с каким азартом и вдохновением работают лесорубы! Залюбуешься. Отсюда, из ханты-мансийских лесов, пошли на всю страну разные интересные почины: по 1 000 кубометров древесины в год на каждого работающего в леспромхозе, по 20—26 тысяч кубометров в год на каждую малую комплексную бригаду! Все узнали и наших лесных капитанов — бригадира малой комплексной бригады делегата XXIII съезда КПСС, Героя Социалистического Труда Н. А. Коурова.

В наших урманах крепко вросли в землю десятки крупных поселков. Пришли хорошие песни и красивые смелые люди. Ханты и манси быстро подружились с лесорубами. Щедро угощают их самыми лучшими лакомствами своих рек и тайги. А как не быть благодарными, если они славят нашу землю трудом своим, если будят в душе моего народа любовь к новым и интересным занятиям.

Но это было еще не главное чудо. Жил мой народ на этой стылой земле и вроде все знал о ней: где леса кедровые стелются, где бобры да соболи водятся, где осетры зимуют. По любой тропе с завязанными глазами пройдет. А вот что под цепкими лапами смолистых деревьев да под болотными мхами веками таилось, не знал и не догадывался. Не думал, что даже под застывшей вечным льдом землей прячутся богатства, которые могут принести людям огромное счастье.

Нефть... Пахучая маслянистая жидкость. Тягучая, как рыбий жир. Для манси и ханты дорог рыбий жир. А вот эта жидкость, что фонтаном бьет из глубоких недр, видно, еще дороже. Ведь люди идут за ней в непроходимые лесные джунгли и топкие болота, которые всегда обходили даже самые смелые охотники. Этих кряжистых упрямцев не могла остановить никакая сила: ни хлесткие

черные пурги, жгучие морозы, грозовые ливни, ни головокругающий болотный дух, ни тучи кровососущих пауков, комаров и мошек.

Глядя на нестигаемых разведчиков, наши люди тоже увлеклись их делом. «Не интересно даже стало охотиться», — говорили они. Помогали кто чем мог: мясом сохатых и оленей, рыбой, ягодами. Показывали тропы, самые короткие и верные. Учили, как уйти от беды, как с тайгою дружить. Без наших народных мудростей, накопленных веками, новый человек никак не обойдется.

Ханты и манси еще и потому так хорошо принимали новых пришельцев, что те не трогали соболей, не тревожили «священного капища», с уважением относились к нашим обрядам и обычаям. Да и как не принять их, коль скоро в наших домах будут гореть не смолистые поленья, а газ. И в тайге вырастут новые города, застучат по рельсам яркие пассажирские экспрессы. Со сцен красивых Дворцов раздадутся звучные песни, танцы. А наши дети, не отрываясь от родного очага и родной природы, будут учиться в институтах. Вот какой свет несли эти мужественные люди, пропахшие потом и едким дымом костров. Как таким не поможешь!

С каждым новым открытием разведчики все более изумлялись прекрасным подаркам древней Югры. Сначала Югра громогласно отозвалась на поиски отважной партии А. Г. Быстрицкого, ныне лауреата Ленинской премии, выбросив огромный фонтан природного газа под старинным северным селением Березово. Потом открыла другое свое сокровище. В 1960 году буровая бригада Шаимской экспедиции Героя Социалистического Труда С. Н. Упусова наткнулась на нефть — первую нефть в Западной Сибири! А потом и другие нефтяные запасы, дремавшие в пластах Югры, пришли в движение, будто в них ворвался вихрь.

Они заволновались и стали выплескиваться из пробуренных разведчиками скважин. И на Средней Оби, и на

Нижнем Иртыше, на Конде и Югане — да разве все перечешишь, где найдена была к тому времени нефть.

Но, кроме всего, Югра оказалась богата газом. Он растекся так далеко, что пересек Полярный круг и вторгся в пределы вечной мерзлоты Заполярья. Новый огонь. Новое сияние Севера.

Ум северянина бессилен представить всю их объемную величину, все значение богатства края. И я пел о своем, понятным мне, сородичам, людям таежного края языком:

Воды журчанье: «поль-поль»,
«Соль-соль» — скрипенье кедрачей,
Нырков порханье: «лах-лах»,
«Тур-тур» — камланье косачей,
«Тюль-тюль» — сельдей сплошной поток,
«Хал-хал» — гусиный гоготок —
Весь этот мир, он, словно нить,
Не обрываясь, жаждет жить
И с детства тянется за мной,
Как слово матери родной.
Там, где речной весенний плес,
Я мир впервые увидал:
Там я в тайге дремучей рос,
Там я с гусятами играл.
Я плавал рыбкою, резвясь,
Тянулся к солнцу, словно вязь,
И в дали вглядывался, чтоб
Нащупать ленты новых троп...

Когда я стал нащупывать новую тропу? Может, в момент встречи с Борисом Евдокимовичем почудилась мне она? Ведь передо мной сидел человек, какого я еще никогда не видел. Новый человек. Один из тех, кто разбудил мой Север, дал ему новое имя. А земля тому человеку дала имя — первопроходец, первооткрыватель. Характерными чертами его являются обостренное чувство нового, непрерывный поиск, целеустремленность. Не отрываясь от жгучих сегодняшних дел, своими помыслами он живет в завтрашнем дне, тянет за собой цепь все новых и новых открытий.

— Знай, твой Север, олений да рыбный, будет скоро греть всю страну, — сказал тогда полушутя на прощание Борис Евдокимович. — Спустим на землю северное сияние, подключим энергию Севера...

Сегодня время и на Севере летит уже не быстроногим оленем, а реактивным лайнером. На этом лайнере и я. С высоты своего полета я стараюсь пристальнее взглянуть на мир и, призадумавшись, уловить суть происходящего во мне и в мире.

Двадцать лет прошло с нашей первой встречи с Борисом Евдокимовичем, когда он шутя обещал спустить на землю северное сияние, подключить энергию Севера, заставить его служить людям. И вот за этот короткий срок мечта стала явью. Мощные газовые реки Сибири несут свой огонь, греют страну.

О мощности этого огня говорит, к примеру, такой факт: газопровод Сибирь — Москва, берущий начало с месторождения Медвежье, что на тюменском Севере, при полном развитии производительности трубопроводов будет эквивалентен электростанциям общей мощностью в 7 миллионов киловатт. Красноярская ГЭС имеет мощность 6 миллионов киловатт. А сколько таких ГЭС уже построено! Если в девятой пятилетке сверхмощных подземных магистралей из труб большого диаметра было проложено 2,7 тысячи километров, то за четыре года десятой пятилетки — уже 8 тысяч километров!

Наряду с индустриальными объектами в настоящее время Миннефтегазстрой возводит жилые дома, объекты социально-культурного и бытового назначения. Строители Москвы, Ленинграда, городов союзных республик проявили ценную инициативу. Они взялись на условиях субподряда возвести жилые дома, объекты социально-культурного назначения. Ленинградцы, например, собираются поехать на Север, взяв с собой все, от гвоздя до самых мощных строительных механизмов.

— Снег, вьюги, морозы... Морозы на Севере порой бывают столь сильными, что даже металлы от них делаются хрупкими. И вечная мерзлота таит в себе сюрпризы, и болотистая почва, пурга, — говорит Борис Евдокимович.

Я слушаю министра, стараясь вникнуть в суть процессов, происходящих на земле моих предков, казавшейся когда-то закованной в ледяной сон. Ледяной сон развеян. Север разбужен. На необозримой шири Севера — от Кольского полуострова до Чукотки — выросли промышленные города, заводы, шахты, рудники, промыслы нефти и газа. Белое безмолвие заговорило языком моторов и реактивных двигателей.

Было время — и я радовался пробуждению родного края. Пел гимны сибирскому ускорению. Но теперь я знаю и то, что суровая северная земля так легкоранима, что она особенно чувствительна к изменениям естественной среды. Малейшие нарушения ее равновесия ведут к цепной реакции разрушительной деградациии на огромных площадях. Строительство дорог и трубопроводов, непродуманные вырубкки леса, спуск озер или создание новых водоемов ведут к протаиванию вечной мерзлоты, к изменению микроклимата. Тогда прощай, рыба, ветвисторогий олень, юркий соболь! И навечно замолкнет песня рыбака, охотника, оленевода... А для меня, сына северного сияния, эта песня что-то значит.

И потому я ревностно слушаю, стараясь придирчивыми вопросами продолжить нашу беседу, дабы уяснить, как должно идти дальнейшее освоение просторов Приобья и низовьев Иртыша, Сосьвы и Конды, на дальних берегах которых оказались не реки, а нефть и газ.

Тюменский Север — крепкий орешек. Обычными способами его не расколоть. Как поставить несметные природные ресурсы края на службу народу? Единственно верный ключ — комплексное развитие народного хозяйства, полная автоматизация производства. Небольшим чис-

лом людей, снабженных первоклассной «северной» техникой, производить как можно больше!.. Автоматы уже сейчас находят самое широкое применение. Это автоматические метеостанции, высокомеханизированные и автоматизированные предприятия нефтяной и газовой промышленности. Сургутская ГРЭС, работающая на попутном газе, которую обслуживает небольшое число людей, способна дать большое количество энергии. Пробразом будущего служат современные производства Самоулора. По суточной добыче нефти тюменский Север вышел на первое место по стране не случайно: к славному труду нефтяников, буровиков следует приплюсовать первоклассную современную технику, быстрое строительство трубопроводов.

Я слушал Бориса Евдокимовича, а думал о своем. Ведь на планете Земля не раз уже бывало так, что фантастические успехи науки и техники оборачивались разными ликами. То, что могло бы стать источником гордости, уверенности в грядущем, после Хиросимы, разбойничьих «экспериментов» американской военщины во Вьетнаме становится источником тревоги за судьбы цивилизации, человечества, планеты.

Никаких аналогий я, разумеется, не мог привести. Тем более что порой и здесь, на тюменском Севере, приходилось встречать отдельных технократов, которые, кроме разговоров о нефти, добыче, скоростях проходки, ни о чем не хотели ни знать, ни говорить.

Практика вербовки малоквалифицированных людей, не имеющих специальной подготовки, вредна. Эти жаждущие урвать побольше и трудиться поменьше создают дополнительные трудности. Мы сейчас трудимся над тем, чтобы обеспечить Север высококвалифицированными кадрами, имеющими не только техническую, но и моральную подготовку к работе в крае долгой зимы и большого снега. Их надо не вербовать, а планомерно готовить в специальных учебных заведениях. Что уже и делается. Здесь

нужен мастер своего дела в высшем смысле этого слова. Шофер-ас, летчик-инженер-умелец, механик-универсал...

Чтобы производство на Севере стало рентабельным, нужно решить сложную социально-экономическую задачу — поднять производительность труда вдвое, втрое...

— Главное сейчас — комплексное развитие всего Севера, всех отраслей хозяйства. Наряду с нефтью Самотлора, с трансконтинентальными трубопроводами и дорогами должна быть большая рыба, лес, развитие пищевой промышленности и отраслей сельского хозяйства. И это мы должны получить с наименьшими затратами. Вопросы качества, хозяйственного подхода к богатствам земли первоочередные... Человек-труженик, человек-хозяин, руководитель, проблема кадров тоже задача немаловажная.

Говорил ли Борис Евдокимович о строительстве пятой нитки газопровода Уренгой—Центр или о заводе дляпутных газов, чтобы потушить окончательно газовые факелы, или затрагивал острые проблемы технические, энергетические, жилищные, каждый раз я видел, что этот человек, творя сегодня, живет в завтрашнем дне, стараясь быстрее решить проблемы, по-хозяйски, по большому счету подойдя к своему делу. А сколько раз здесь, на тюменском Севере, приходилось слышать похвальбу успехами, миллионными тоннами нефти, скоростями проходки, вчерашними открытиями месторождений.

В наш век научно-технической революции все активнее включаются в великое сражение добра и зла, прогресса и реакции, человечности и бесчеловечности. А если любое открытие способно либо поднять человечество еще выше, либо поставить его на грань катастрофы, то проблема нравственной ответственности за использование результатов открытия приобретает небывалую до сих пор остроту...

И, слушая Бориса Евдокимовича, человека, которого знал двадцать лет, я думал: как хорошо, что есть комму-

нисты, люди одухотворенные, которые направляют жизнь в русло созидания не только общества высокой техники, но и высокой морали, нравственности.

Припоминая памятные встречи, я снова и снова думал о людях, которым доверено руководство хозяйством, промышленными предприятиями, в конце концов, всеми богатствами разбуженной Югры и судьбами ее простых людей. Да, в наше время недостаточно только уметь владеть техникой, новыми видами труда, иметь высокую квалификацию. Личность тем более богаче духовно, чем шире ее общественные связи. Именно всесторонняя активность на благо всего народа отличает человека социалистического общества от тех типов личности, которые были созданы предшествующими эпохами. Сочетание лучших качеств работника и общественного деятеля, созидателя и борца характерно для передовых людей Страны Советов.

Большие дела творятся на земле моих предков. Над нею гирляндами огней сияют буровые вышки. Белыми стрелами натянуты высоковольтные линии электропередач. Вдоль и поперек рассекли тайгу просеки дорог, нефтепроводов. День режут, ночь грохочут, утром гудят, вечером жужжат тысячи машин. День и ночь мчатся олени, железные олени. У них и ноги железные, и рога железные, и глаза железные. Мчатся олени по дорогам железным. Только думы наши, человечьи, не станут железными. Может, мы лишь мягче и добрее к природе станем. Может, лишь сильнее и мудрее от этого мы станем. Ведь нефть Самотлора, Сургутскую ГРЭС, трансконтинентальные нефтепроводы творит Человек, Советский Человек, не знающий национальной розни, помнящий и берегущий лучшие черты предков.

Открытие тюменских кладовых стало для нашего времени не только открытием энергетических ресурсов страны, но и доблестных характеров ее людей, испол-

ненных мужества и страсти быть там, где труд и подвиг.

Мы с Борисом Евдокимовичем говорим о людях, о человеке-строителе, несущем в себе главную суть героической творческой активности современника.

Кто он? Ну хотя бы Дидук. Борис Павлович. Бригадир укрупненной сварочной бригады из треста Севертрубопроводстрой. Дидук — удивительный человек. Строитель. Строитель в высшем понимании. Дидук — человек яркий. Характер. Характер крупный, сильный, редкий. И биография истинного коммуниста строителя. Смолоду он был мастером огненного шва, строил газопроводы. Но по иронии судьбы в двадцать шесть лет стал инвалидом.

...Молодежная бригада сварщиков варила горизонтальные резервуары по 60 метров длиной и три сажени в диаметре. Беда пришла неожиданно. Сорвался трос. Да так сорвался, что ограждающий Дидука стальной щит покорежил и прошелся по бригадиру. Множество операций перенес. Хотели ампутировать руку — Дидук не дал: какой строитель без руки! После пятой, сложнейшей семичасовой операции хирурга пошатывало. Но Дидук просил последний раз попытаться спасти руку. Последняя попытка оказалась удачной. Рука осталась целой. Но была ли она живой? Могла ли работать?

Председатель ВТЭК, подавая заключение о второй группе инвалидности, посоветовала полный покой.

— Отдыхайте, — сказала она сочувственно, — набирайтесь сил. Потом подумаем о посильной работе. Сторожем, например. Но не таков Борис Дидук! Он стал тренировать пальцы, руку. Много дней упорной, изнурительной тренировки. Сначала рука стала удерживать мяч, потом гантели. Потом... Потом махнул пенсионную книжку в угол и подался в Норильск. Строить самый северный в мире газопровод Мессояха—Норильск. После Норильска строил газовую реку из Средней Азии в Центр, потом тянул стальную нитку из Киева к Западной границе. А с

1973 года электросварщик Борис Павлович Дидук на тюменском Севере строит самые мощные газовые реки. Хорошо строит. Славно строит. Герой Социалистического Труда. Имя его теперь известно всей стране.

Тюменский Север — страстно работающий, сражающийся край, средоточие небывалой напряженности, усиленной отблесками нового огня — северного сияния недр, — рождает герсев, созидателей.

Ты — человек.
Ты все осилишь —
Ямальский мрак, огонь и лед,
И Кольский на краю России,
Где солнце медленно плывет.
Ты шел сквозь мглу и ночью белой —
И пересек Полярный круг,
Где над тобою прогудело
Сто тысяч самых страшных вьюг.
Вперед!
Гордись, первопроходец,
Бессмертным подвигом своим.
Смотри, как пламенно восходит
Сиянье светлое над ним.

Мы с Борисом Евдокимовичем говорили и о литературе. Ведь Щербина, как первый секретарь обкома партии, стоял не только у истоков тюменской нефти, но и у истоков советской литературы, обратившей взоры к людям, открывшим клады Севера.

— Да, теперь много пишут о Сибири, — сказал он. — Есть отдельные удачи. Однако больше другого. В книгах многих сквозит поверхностный взгляд, неуместная умиленность, восторженность, «бродячие сюжеты» так и переходят из одной книги в другую.

А ведь жизнь нефтяной, газовой Сибири требует показа крупных характеров. Открытие века совершили люди крупные. А где они в литературе?

И я думаю. Да. Литератор должен обладать дальнорзоркостью впередсмотрящих. Он должен понять нерастор-

жимую связь сегодняшнего дня с грядущим днем. Новый человек, новые современные герои не откуда-то пришли, издалека. Это люди, рядом с которыми мы жили. Люди, с которыми я рос.

Я снова и снова думаю о том, как это важно понять, увидеть новое в человеке нашего сегодня в связи с его будущим и с прошлым, конечно, с тем добрым, что идет от прошлого. Надо слушать человека, запечатлевать его сознание, опирающееся на память и опыт прошлого, а также новые мысли и чувства, рожденные от соприкосновения с современностью...

По мифологии моего маленького, но древнего народа, человек не умирает совсем. Он превращается в кого-то другого. Если были в его жизни нравственные падения, если он творил плохие дела, он может превратиться, например, в червяка. Но если человек был строителем, создателем, если возвышенные у него были цели, он может стать даже Мирсуснэхумом. Мирсуснэхум — творец, создатель земли, он весь мир просматривает насквозь, он словно ясновидящий ум человека. Все тебе подвластно, если ты Мирсуснэхум. Можешь горы воздвигать, песни складывать, большие дела делать.

Очень важно, чтобы каждому хотелось стать Мирсуснэхумом. Строителем, Создателем, Волшебником. Но я подчас не вижу у нынешних молодых людей высоких стремлений. Есть такие: дай им тряпок, вещей красивых — ничего больше не надо. Если перейти с языка мансийской мифологии на деловой язык наших дней, прямо скажу: в какой-то степени мы принизили моральные стимулы. Нужно пробуждать у молодежи стремление к возвышенным целям. А то ведь у многих потолок невысокий, желания ограниченные, а люди потребительского склада — это всегда люди усредненные, они лишены своеобразия. Не смотрятся они в нашем социалистиче-

ском обществе. Нам нужна яркость, самобытность. Вот почему мы должны больше и лучше учитывать качество человеческого труда, я имею в виду качество труда во всех сферах — будь то рабочий, инженер, писатель. Когда человек стремится к высокому качеству труда, лучшие черты его души получают развитие, растет человек. Он ведь по натуре строитель, ему всегда хочется сделать красиво, так надо поддерживать в нем эти хорошие качества, не дать им пропасть, вооружить его волей, упорством, чтобы не только в мечтах, но и в жизни умел он делать хорошее. Научиться надо оценивать качество труда — в этом я вижу задачу комплексного экономического и социального планирования.

Думаю о сегодняшнем дне, а из памяти не уходит то первое, детское восприятие северного сияния:

Чудо, чудо, чудеса...
Загорелись небеса.

Эта неистовая игра неба каждый раз вызывает во мне чувство вечной стужи и холода. Почему? Не знаю.

МЧАТСЯ ОЛЕНИ

Все блестит, на что ни взглянешь,
Снег хрустит, куда ни встанешь,
Россыпь звезд поддев рогами,
Лунный серп звенит над нами.
Дремлет небо все в узорах,
Слышен сосен сонный шорох.
Что за снежный вихрь клубится?
Кто там в лунных искрах мчится?
То бегут мои олени
С новой думой о вселенной.

Шел Эквапыгрись по Уралу. Однажды смотрит — на склоне горы семь оленей пасутся. А еще видит — с другой стороны к этим оленям семь человечков подкрадываются.

— Ну, вам этих оленей убить, пожалуй, не удастся, — сказал про себя Эквапыгрись, — скорее я убью!

Натянул богатырский лук, полетела стрела, всех семерых оленей насквозь пронзила. Пока свежевал оленей, люди подошли. И говорят они, глядя сумрачно:

— Ты зачем наших оленей убил?

— Если они ваши были, почему сами вовремя не убивали?

— Зачем их убивать, если нам на них надо ездить?

Слово за слово, люди те разозлились, ругаться начали. Эквапыгрись долго слушать не стал, схватил лук, размахнулся, ударил и сразу шестерых прикончил. Седьмой человек бороться с ним схватился. Долго боролись, нако-

нец Эквапыгрисю еле-еле удалось повалить соперника. Вынимает нож, прирезать хочет.

— А еще называешься Эквапыгрисем, Сын Женщины величаешь себя! Чего ты на женщину поднимаешь нож?

При этих словах Эквапыгрись взглянул на человека, видит — конец женской косы из-под шапки выбился.

— А ты и верно женщина, — крикнул он. — Ну я тебя убивать не буду, отпущу. А хочешь — иди за меня замуж.

— Хорошо, согласна.

Стали они жить вместе. На склоне горы у них паслись три оленя. Однажды Эквапыгрись и говорит:

— Не полакомиться ли нам нежными оленьими языками? Может, одного из них зарежем?

— Что ты?! Кажется, ты собирался Мирсуснэхумом стать? Так до Куля, до черного духа подземелья, докажишься, червем будешь ползать...

— А зачем тебе эти олени?

— Ездить по земле. Красоту смотреть. Строить и творить.

— Как?

— Ты не мужик, что ли? Возьми аркан, поймай оленей, запряги их в нарту и езжай.

Эквапыгрись поднялся, тридцатисаженный железный аркан взял, оленей ловить к склону горы пошел. Поймал оленей, в железную нарту запряг их. Сев в нарту, взял в одну руку вожжу, в другую — хорей. Приподнял хорей, олени сорвались, помчались. Нарта по кочкам лишь прыгает. Где проехал Эквапыгрись, гористые места долинами становились, долины холмами покрывались, реками текли дороги, дома вырастали... И оленей стало больше. Сначала шесть, потом двенадцать. Каждую новую весну рождались новые олени. Стадо росло. Все дальше и дальше стал ездить по земле Эквапыгрись, творя новое, неведомое еще доселе. Мчался Сын Женщины на быстроногих

оленях и не переставал удивляться, как мог сразу не заметить такую красоту, понять простую истину...

Ай-Теранти любил быструю езду. Я тоже любил. Олени летят как ветер. Деревья летят. Звезды мчатся. Хорошо! Хорошо ездить на каникулы в олений чум. В чуме моя тетя. Она жена оленевода. В чуме сестра Ай-Теранти. Все пасут колхозное стадо. Стадо большое — две с лишним тысячи голов...

Олени мчатся быстро, шумно вдыхая морозный воздух. Ай-Теранти взмахивает хореем — длинным шестом, слегка сдерживая их бег, чтобы сохранить силы животных для большой дороги. Знает Ай-Теранти, что дорога наша длинна, а мороз колючий. Но все же и на колючем морозе глаза не могут налюбоваться красотой.

Летит олень. Голова низко опущена. Шея прямая. Олень низенький, приземистый, рогатый. Но когда он бежит, легко неся свое тело, изящно вскидывая копыта и устремляясь вперед, как большая птица, кажется, нет чудеснее сказки.

— Нет больше оленьей сказки, — говорил серьезно Ай-Теранти при одной из наших встреч, когда нам было чуть больше двадцати лет. Кончилось детство. Наше детство и детство Севера. Новая сказка ходит по снежному краю: люди газ открыли, нефть ищут. Пора и нам заниматься серьезными делами!

Ай-Теранти уже работал секретарем Березовского райкома комсомола. Березово в ту пору было геологической столицей тюменского Севера. Здесь осенью 1953 года и забил газовый фонтан. Отсюда во все концы расходились маршруты топографов, геофизиков, буровиков. С ними, главными людьми времени, был и Ай-Теранти. Со светлой завистью глядел я порой на него. Мне тоже хотелось приобщиться к нефтяной одиссее моего края. И не раз я отправлялся в путь-дорогу с нефтеразведчиками. И все же не находил слов о «черном золоте» и голубом огне, а

продолжал петь о тайге, думал о судьбе большой рыбы, складывал повесть «Синий ветер каслания».

Почему? Может, потому, что мне не давала покоя песнь моей тети Акулины. Она пела в ней о своей судьбе, об оленях:

С ними странствуя, сносила
Я узорные кисы.
Иссякает моя сила.
Гаснет блеск моей красы.
Кто наследник будет длинных
Средь приподнятых равнин
Этих осетровоспинных
Трех изрезанных вершин?

Шел ли я с буровиками Шаима, добывшими первую нефть в Сибири, во мне звучали слова этой песни. Ехал ли по первому зимнику Тюмень—Сургут с первым караваном машин с оборудованием для нефтепромыслов, мне казалось, что сидел я не в кабине мощного КраЗа, а ехал на обыкновенной нарте обыкновенного оленьего аргиша.

Что такое аргиш? Олений караван. Большой караван. Полозья скользят, песню дороги насвистывают. Когда движется аргиш, оживает снег, веселеет тайга. И белый речной плес, утонувший в снежном сне, просыпается на миг и удивленно глядит, как по его спине на звонких оленьих копытах несется дальше жизнь...

Но, просыпаясь, я слышал не скрип, а жужжание. Не таежным ветром пахло, а бензином.

И рядом со мной сидел не каюр в теплой малице с узорами оленьих рогов, а шофер. И не прямой хорей у него в руках, а круглая баранка.

Ночь.. Темно-синий след летит и летит. Синий снег скользит и скользит. Рыжие звезды перед глазами качаются и качаются. Когда кончится этот дорожный сон? Когда замолкнет это жужжание, пропахшее бензином? Под пение мотора мне снились олени.

Олень... Черные, как спелая смородина, живые глаза. В выразительном взгляде будто затеплилась глубокая

дума. И кто может разгадать эту думу? Розовые губы, гордая посадка головы, полная грудь, тонкие красивые ноги, поджарый круглый стан. А рога — как дерево с бархатными ветвями. А уши — как две птицы. Что они хотят слышать? Не попал ли человек в беду, не мерзнет ли он, не хочет ли мчаться быстрее? Захочет человек — и снежный вихрь клубится, стучат звонкие копыта, и нарта оленя мелькает. А застигнет в пути пурга — меж оленей человек ложится. Заметает их снег, но не замерзнет человек: рядом с рогатыми друзьями ему тепло. Олень есть — жизнь есть. Из шкуры старого оленя оленевод шьет себе малицу, из шкуры молодого олененка шьет себе мягкую шапку, из шкуры тонких ног искусные руки женщины шьют меховую обувь с причудливыми узорами. На оленьих шкурах резвятся и засыпают дети, нежными оленьими языками лакомятся северяне за праздничным столом. Хороший друг олень! Он возит, кормит, поит, одевает.

Олень! Почему ты мне снишься? Неужели сегодня на Севере лишь одни «железные олени» кочуют?!

Хороший друг олень! Разве с ним могут расстаться люди? Разве места не хватит всем? Должно быть, и машинам есть где мчаться, обгоняя свет и ветер, и кротким оленям — рогатым друзьям северянина — есть где пастись: просторы тайги и тундры безбрежны. Разве тысячи центнеров мяса, произведенного оленеводами тюменского Севера, бывают лишними? Разве геологи, совершившие на этой земле свой подвиг, питались одними консервами? Разве десятки тысяч оленей, пасущихся на пастбищах, не были полезны геологам? Не всегда в тайге были и дороги. И первопроходцы Севера мчались на тонконогих оленях, постигая шаг за шагом свою мечту и цель.

Хороший друг олень!.. Так я шел в ту пору. И песня моя, казалось, не попадала в ритм времени. Тюменский край превращался во всесоюзную стройку, новую базу добычи нефти и газа страны. Трудными были эти годы

для нефтедобытчиков. Люди не только брали первые тонны нефти, но и строили себе жилье. С ними, молодыми первостроителями, был и Ай-Теранти, он работал уже в окружке комсомола.

При встрече говорил мне:

— Хороший друг олень, да только сможет ли он везти железные трубы? А трубы эти нужны для строительства нефтепровода Усть-Балык—Омск, газопровода Надым—Центр. Не одна тысяча километров труб. Нет! Только «железные олени» смогут это поднять! И бесперебойное снабжение строителей, нефтяников, буровиков продуктами питания, оборудованием, жильем осуществить можно лишь с помощью машин, поездов. Видишь, как на огромных просторах нашего Севера строятся железные дороги...

Большие дела «закрутил» Ай-Теранти. А я пел про оленей...

Между тем из деревни нашего детства пришла весть, что колхозное стадо ликвидировано. Мол, нерентабельно оно. Да и молодежь не шла в оленеводы. Поважнее, поинтереснее, дескать, есть дела. А тетя прислала мне красивые кисы с чудными узорами, сообщая между тем, что это последнее творение ее рук, ибо больше не будет у них оленьего меха и не из чего будет шить северную обувь...

А время шло. Ледяная земля разгоряченно дышала, снимая с себя шубу из дремучей тайги, опоясываясь стальными нитями дорог и трубопроводов. Она гудела под железными копытами нового кочевья. С радостью наряжалась в ожерелья городов, сияя счастливыми глазами новых огней...

И герои шли. Шли в пургу, в мороз, в зной. Пробираясь сквозь таежные дебри, топкие болота, полую тундру. И Ай-Теранти был вместе с ними. Он тоже был героем. А я уже пытался идти в ногу со временем.

Но однажды встреча с Ай-Теранти поразила меня. Нет, он особенно не изменился. Был он все таким же спокой-

ным, сосредоточенным. Я знал, что он закончил заочный институт, работал в окружке партии. И семья у него сложилась. И квартира со всеми удобствами. И называли его не Ай-Теранти, а Терентием Герасимовичем Харамзиным.

— Еду на Север. В Салехард. Помнишь песню твоей тети? — сказал он. — Оленей мало стало в нашем округе. Я пишу диссертацию... Индустриальное развитие Севера и сельское хозяйство, нефть и оленеводство, традиционные отрасли хозяйства и молодежь — вот некоторые вопросы темы...

Теперь мне стал понятен смысл статей, которые время от времени появлялись в газетах за подписью Харамзина.

При последней встрече я познакомился с его женой. В ее хантыйских, чуть раскосых глазах блеснула слеза. Она не хотела уезжать с насиженного места, из прекрасной трехкомнатной квартиры. Да и ехать нужно было не на теплый юг, а за тысячу километров — на Север, аж на самый Полярный круг. И еще узнал я, что согласился Ай-Теранти на должность, которая была ниже занимаемой им в Ханты-Мансийске. Зато у него там появилось больше возможностей для творчества, для успешной работы над диссертацией, которая может иметь большое практическое значение.

Так я думал об Ай-Теранти, поднимаясь по заросшей оленьей дороге в гору. Вокруг высились кедры, сосны, лиственницы... Кедры темно-зеленые, кудрявые. Сосны стройные, крепкие, не такие чахлые, как в низине. Зелень их легкая, воздушная. Лиственницы золотые, как лучи весеннего солнца. Солнце улыбалось с каждой веточки. На ветках иней. Мириадами огней искрился зеленовато-синий склон возвышенности. Чудесный вид открывался мне с горы. Тайга купалась в искристо-синем мареве. А на самом горизонте, сливаясь с небом, синели гребни Урала.

Отсюда они похожи на зубчатую спину осетра. И лишь теперь стал доходить до меня смысл песни тети Акулины:

Кай-я-йик! Кай-я-йик!
Как бегут мои олени
По спине Урала жесткой,
По хребтине осетровой!
Или бродят, словно тени,
Под закатною полоской
По земле цветной, ковровой...

На этой возвышенности даже мох был не однообразно зеленый, как внизу, — махровым цветным ковром стелился он под высокими деревьями, стоявшими поодаль друг от друга. Это ягель — интереснейшее растение, сложным переплетением веточек похожее на коралл. Главная и незаменимая пища оленей.

Эта земля когда-то была раздольем для оленей. И на эту гору я поднимался тоже по «большой оленьей дороге» — довольно широкой просеке среди молчаливого безжизненного леса. Она петляет по гриве, стараясь обходить болота с низкорослым карликовым соснячком. Кочки и стволы поваленных бурей деревьев делают ее непохожей на дорогу: ни проехать, ни пройти никакой машине. А олень пройдет, и оленевод проедет. Для них это широкая, большая дорога. По ней когда-то двигались тучные олени стада, живое и бесценное сокровище северного народа. Весной стада по этой дороге кочевали в сторону Урала, осенью спускались с гор и шли к берегам реки, где струились теплые дымки таежных селений. Одни стада шли до Сосьвы, другие дальше, к Оби. Длинна эта дорога, как жизнь.

Жизнь моей тети Акулины, ее молодость прошли в такой дороге. Она кочевала с оленями. Теперь в ее песне кочуют думы. И не только об оленях.

Кто наследник будет длинных
Средь приподнятых равнин
Этих осетровоспинных
Трех изрезанных вершин?

Поднимаясь на вершину, я заметил, как меняется лес. Внизу буквально давил душу своей угрюмой тишиной. А здесь, полный света и жизни, лес будто улыбался мне. Бежали вниз ручьи, журча и распевая между камнями. Смотришь с вершины, и кажется, что ты поднялся в горы к другой жизни.

Извечно для манси скупая, темная тайга была обиталищем разных злых божеств. А горы были светлой высотой, открытым местом, населенным добрыми существами. Каждая скала — это окаменевший предок манси, добрый дух — покровитель человека. Одна гора — покровитель охоты, другая — его брат, покровитель рыболовов, промысляющих крылатую рыбу: хариуса и тайменя. Третья гора — щедрый покровитель оленеводов, пасущих по ее склонам свои тучные стада.

Про гряды гор расскажут манси целые легенды. Будто когда-то жили здесь божества и вели борьбу за обладание человеком. Они все полегли в битве и превратились в каменные изваяния, напоминающие издали гигантских каменных людей.

Мансийские названия горных хребтов и вершин говорят о том, что Урал был колыбелью манси, о том, что отсюда начинается родина таежных людей. Название горы Мань-Пупыг-Нер означает «Малая гора богов». Рядом возвышающаяся вершина носит название Яныг-Пупыг-Нер, то есть «Большая гора богов».

Урал — это мансийский Олимп, обиталище богов и богинь, с их вечной борьбой и любовью. Здесь совершали свои подвиги и мансийские богатыри, живущие до сих пор в легендах лесного народа. А созерцая с высоты звезды, складывали свои чудесные легенды и песни.

Песни уральских манси были веселыми, отличными от унылых мелодий тех, кто жил в тайге, в комарином царстве. В тайге весело поет только комарье. Комарье не только бич человека, но и бич всего живого. От комариного роя ревмя ревет медведь, лось прячется в воду, лиса

забивается в нору... Жертовой комарья нередко становятся и люди. Нападет облако комаров и мошки на человека. Выпустят они свои хоботки — и прямо на глаза, на глаза... Сначала ослепляют. Потом укусом и щекотаньем доводят человека до обморока. И затем уже безнаказанно пьют кровь...

На Урале, на открытых горных хребтах, где и в безветрие свежесть и прохлада, комариная песня стелется слабым писком по каменистой земле. А когда ветер — то срывает этих тварей. И тогда в мире только песня ветра, да высокое небо, да яркие оленьи мхи, кажущиеся кораллами в прозрачном горном свете. И даже если туман плывет — не страшно! Пусть кругом одна непроницаемая белая завеса, пусть кажется, что ты тонешь в молочном паре; если чувствуешь под ногами землю — то и душа манси спокойна. Зато когда переждешь временное наваждение тумана, когда в молочном мареве вдруг затреплет синий платок ясного неба, а немного погодя из белого плена вырвется золотой шар солнца и заиграют горы в золотистом мареве, заискрится мир, — разве это не сказка, не песня?!

На Урале поет человек. Здесь не надо каждый день молиться духам, выпрашивая добычу. Она рядом. Счастье рядом ходит. Оно охраняется вековой душой предков — горами, каменными богами. На Урале складывается песня манси, его душа, рождаются его боги.

Урал — священный Олимп манси. И прикасаются манси к своему Олимпу лишь с помощью друзей своих — быстроногих оленей.

Тетя моя вот уже несколько лет не прикасается к Олимпу, не кочует с оленями. Колхоз, где она живет, решил ликвидировать эту отрасль своего хозяйства, как убыточную и тяжелую.

Тяжелую, убыточную... Наверно, что-то так. И действительно, пора создавать крупные специализированные хозяйства, где следует вести дело по-новому, с привлече-

нием достижений современной науки и техники. Труд оленевода нелегко — это верно! Но стоит задуматься и над тревожными нотками песни моей тети:

В чум мой с крышей, как осока,
Островежкой кто войдет?
Круглолица, ясноока
Пусть оленей бережет.
Пусть пасет моих оленей,
И тягучую, как жир,
Песнь поет, и на весенний
Разноцветный смотрит мир.
Или женская дорога
От постели до порога?
Или три высоких стула,
Три вершины, три спины
В горе сгорбятся сутуло,
Людам больше не нужны?

— Нужны и горы, и олени, и оленеводы! — как бы услышав эту грустную мелодию жизни, утверждает сын тайги Терентий Харамзин в своих многочисленных статьях, время от времени появляющихся в печати.

Однажды в журнале я прочитал его статью «Почему запущена важная отрасль». Читая ее, я слышал не только стук копыт оленей, на которых нам с ним когда-то доводилось ездить, но и что-то новое, глубинное, очень важное для жизни тайги и тундры.

«Оленеводство издавна было одной из ведущих отраслей хозяйства Ханты-Мансийского автономного округа. Однако состояние его вызывает тревогу. поголовье животных год от года уменьшается. В 1953 г., по данным окружного статуправления, здесь было около 88 тысяч оленей, сейчас их осталось немногим более 61 тысячи. Уменьшение поголовья оленей руководители хозяйств и организаций объясняют отсутствием ягельных запасов на территории округа... Ссылки на нехватку пастбищ вряд ли можно признать убедительными». В другой статье он, оперируя фактами, утверждал: «Настала необходимость изучить кормовую проблему для оленеводства в районах

Среднего Приобья, где добывается нефть. На базе оленепоголовья в этих районах возможно создать специализированные оленеводческие совхозы для поставки дешевого и высококачественного оленьего мяса нефтяникам, строителям, энергетикам.

Есть необходимость расширить и совершенствовать научно-исследовательскую работу по северному оленеводству.

Решение этих вопросов даст возможность оленеводство вести на научной основе...»

«На научной основе...» Это не просто слова. И появились они в статье не для красного словца, а взяты из диссертации, над которой работает Терентий Харамзин, мой друг Ай-Теранти, и вызваны думами о близком, сокровенном, жизненном.

Помню, как мы ездили в оленье стадо. К нашим родственникам. Давно это было. Лет тридцать назад. И теперь это кажется цветным сном или легендой.

Скрипят полозья. Цокают копыта. Поет снег. Доносятся крики детей, веселый лай собак. Восклицанья и смех женщин.

— Ого-го! О-го-го! — однообразная песнь пастуха, погоняющего стадо в определенном направлении. Мы едем, кочуем вместе с оленеводами, которые сняли сегодня чум и переезжают на новое стойбище.

На новой поляне, окаймленной высоким лесом, поставят оленеводы чум. У нового лесного озера появится стойбище. В новом стойбище потечет привычная жизнь оленевода.

И мы с Ай-Теранти живем этой жизнью древней. И нам эта жизнь кажется сном, таким же бедным, смутным, расплывчатым, как эти снега, небеса, и таким же суровым, беспокойным, как снежные бури, налетающие внезапно с ревом и свистом.

Впереди на нарте, запряженной тремя оленями, едет Никита, муж моей тети. Он бригадир колхозного стада.

Сзади скользят еще много нарт. Все они соединены в один санный поезд — аргиш.

Никита не гонит оленей, как обычно, а часто оглядывается назад. Усталые олени идут вяло: им сегодня тяжело. Вторые нарты гружены вещами, третьи — провиантом, на четвертых — шкуры чума, вдоль и поперек перевязанные веревками из оленьих сухожилий.

А дальше едут женщины, дети, старики и мы, ученики школы-интерната. Мы приехали на школьные каникулы. И нам все здесь интересно. И мы стараемся сидеть на нартах, как настоящие оленеводы, взмахивая хореем на передового оленя, покрикивая и понукая его.

Низкое зимнее солнце, окруженное двумя золотыми кругами, пересекающимися по сторонам его, сияло загадочно ярко. Пламенные лучи двух мощных солнц и главного, центрального, светила струились в морозном воздухе, зажигая алмазы, рубины, изумруды на заснеженных елях и кедрах, которые стояли вдоль таежной оленьей дороги, как могучие богатыри. Казалось, каждая крупинка снега горела своим цветом. И эти цвета казались маленькими зимними цветиками, как в сказке, выросшими в этот ясный день на снежной одежде тайги. Хотя местность была и не особенно холмистой, но наши нарты качало, как лодку на волнах: под снегом корни деревьев, рывины, кочки. Густая и высокая тайга сменялась тундровыми зарослями кустарников ольхи и криволесьем. Здесь хвойные деревца и белые березки, причудливо изогнутые, с неловко растопыренными пальцами-ветками изувеченных сучьев, вызывали жалость. Хотелось отдать им свои теплые малицы из оленьего меха...

Первая нарта остановилась у причудливо изогнутых березок. Спрыгнув на землю, поставив в снег хорей, Никита подошел к передовому оленю. Олень, приподняв голову, устало взглянул на хозяина.

— Устал? — сказал Никита. — Облегчить тебя, что ли?

Взяв висевший у пояса нож, он надрезал оленю хвост. Заструились алые капли крови.

— Что-то, брат мой, стал слабоват. Не застоялась ли кровь твоя? Не спустить ли кровь из копыт?

Старый испытанный олень смотрел на хозяина грустными глазами.

— Лучше бы Торум отозвал тебя к себе, что ли, а то самому резать тебя не хочется. Сколько мы с тобой каслали.

Рогатый друг Никиты издал хрюкающий звук, будто и на самом деле понимал хозяина.

— Ладно, не плачь. Гуляй сам по себе. В стаде будь вожаком. А в упряжке время твое прошло...

Нарты подъезжали. Останавливались. Аргиш подтягивался. Слышался скрип оленьих копыт, поглощавший голоса людей и звуки тайги.

Подъехала нарта моей тети. Она ехала на женской ездовой нарте. Женские ездовые нарты особые. Они были выше мужских и закрыты с трех сторон высокими спинками. Это чтобы дети не упали во время быстрой езды. А высокие копылья предохраняют их на переправах через таежные речки. Очень хотела моя тетя детей. Но так и не дождалась их. А на женской ездовой нарте поездила вдоволь...

Помню... Подъехала тогда к нам, радостная, улыбкавая. Сияя живыми, блестящими глазами, она спрашивала меня:

— Ну как езда на оленях? Нравится тебе наш аргиш, наше большое каслание?

И я в ответ радостно кивал ей. Как же могло мне не нравиться. И олени, и собаки, и сказочный лес, и сказочные три солнца на сказочном зимнем небе!..

У кромки белой поляны, на которой остановились олени упряжки, стоял кедр. На развесистой кедровой ветке резвились две белочки. Скрип полозьев нарт и появление оленеводов не испугало их. И только когда я

вскрикнул от удивления, они мгновенно застыли, как маленькие всадники в пушистой шубе. Словно удивились: откуда мы такие взялись?

«На ветке дерева всадник в пушистой шубе скачет» — так говорит мансийская загадка о белке. Перед моими глазами ожила загадка.

И посреди заснеженной поляны люди делали тоже что-то загадочное. Оленеводы втыкали в снег по кругу длинные тонкие шести на некотором расстоянии друг от друга. Наверху шести крестообразно связывали вместе. Внизу образовалось кругловатое основание шатра. Затем стали покрывать эти шести шкурами, сшитыми вместе. Сначала покрыли шкурами и мехом внутрь. Снаружи тоже шкуры. Только мехом вверх. И на заснеженной поляне ожила загадка — чум, конусообразный шатер из оленьих шкур.

Недолго строили это жилище. Час, а может, даже полчаса. Снаружи и изнутри шкуры чума засыпали снегом, чтоб холод не проходил. Для предохранения от сырости и стужи пол устлали коврами, сплетенными из прутьев березы. На ковры накинули оленьи шкуры. А вокруг стен чума уложили подушки из утиного пуха. Входят в чум через отверстие, завешанное тоже оленьей шкурой. Место, противоположное входу, — священное. Оно служит хранилищем лучших вещей и съестных припасов.

Посреди чума уже весело потрескивает огонь. Дым уходит вверх — там, где связаны жерди, было оставлено отверстие для дыма. Над огнем уже чайник. Чайник висит на продымленном круге, укрепленном наверху.

— Посреди снежного моря пляшет красная лисица. Что это такое?

— Огонь, — скажет каждый манси и ханты.

Горит огонь в чуме — и не страшны ни вой ветра, ни стон мороза. Чум — самое теплое, лучшее жилище для оленевода. И никакое другое не заменит его. Это поймут потом.

— Ты видел сказку? — спросила меня опять тетя, когда мы снова вышли на улицу.

— Я сказки только слышал, а видеть не видел.

— Сейчас ты видишь живую сказку. Смотри на эти три солнца и на этот закат. Такое только в нашем оленьем каслании бывает. А ты не хочешь с нами жить, каслать. Все учишься...

Она когда-то нянчила меня. Для меня была не только нянькой, старшей сестрой казалась... И она теперь просила каслать с ней, кочевать по тайге. Ведь кочевье — каслание оленеводов — длится не день, не месяц, а круглый год...

Солнце садилось на деревья. Вечерело. Ложные солнца расплылись в багровые столбы. А большое золотое светило, находясь между ними, медленно скрывалось в лучистом венце за верхушками деревьев. Скоро вместо солнца, скатившегося за сумрачно-белый лес, появился розовый столб, который постепенно разлился по небу розовой зарей, предвещавшей ясный морозный день...

Между тем освеживали заколотого оленя. И в чуме начался праздник.

Праздник... Это и переезд на новую стоянку. Это и поставить чум на новой поляне. Это и оленьи гонки, быстрая езда на крылатах друзьях. Это и зима.

Зима для оленевода, оказывается, тоже праздник. Если спросить у него, какое время года лучше, он наверняка так и ответит — зима. Зимой нет комаров, гнуса, мух. В хорошей одежде не страшны ни зимняя пурга, ни мороз, ни ветер. Зимой — снег. Олени далеко не уходят. Караулить их особо не надо. Зимой у оленевода много свободного времени: отдыхай, сказки сказывай, загадки загадывай, ездь друг к другу в гости, принимай гостей. Зима — праздник, потому что вечера длинные, ночи длинные.

Ночь наступает. Серебряный месяц на дерево садится. Два серебристых дерева встанут по сторонам месяца, а

третий поперек месяца ляжет, как серебристый хорей. И опять — сказка. Зимняя сказка. Оленья сказка.

Хорошо, когда зима — граздник. Олений праздник... Вот таким мне запомнился тот зимний день.

Сначала мне все показалось холодным, странным, диким, словно я из другого мира... Потом все потеплело, стало близким, даже чем-то родным. Кажется, жил я тысячу лет этой жизнью, кажется, и совсем не жил я. И не хочется всего этого видеть, как в детстве не хотелось видеть волка, и хочется, как во сне, очень хочется. И все это было не во сне и не в сказке, а всего около трех десятков лет назад, когда мы с Ай-Теранти прикоснулись к древнему занятию наших предков — к оленеводству.

Может, те неясные противоречивые ощущения толкнули меня потом написать повесть «Синий ветер каслания»? Может, в тех разговорах — исток будущей диссертации моего друга Ай-Теранти?

Тогда он был секретарем райкома комсомола. Имел среднее образование, закончил десятилетку. В общем, не было у него еще профессии.

Урал. Тайга. Оленевод, рыбак, охотник... Раньше таежнику, конечно же, не приходилось ломать голову над выбором профессии. Еще в звонком детстве тайга манила в свою таинственную лесную чащу, где порхали крылатые игрушки, скакали белки по ветвям, бродили медведи — было с кем помериться ловкостью и удалью. А уж когда юношеские руки, ноги наливались силой, узкие таежные тропы сами ложились под ноги, не надо было слишком думать, по какой идти. Всюду тайга. А в ней все, что нужно для жизни: вкусное мясо, пушистый и красивый мех, радость удачи на промысле. Радость удачи охотника! Может, это главное, из-за чего он долгие месяцы пропадает в урмане. А вернется охотник — глаза у всех сияют: и у маленьких, и у больших. Просят показать мех, умсляют рассказать, что и как... Для того, наверное, на Севере длинные зимние ночи, чтобы охот-

нику было время поведать про свои нехитрые лесные приключения. А что на этих вечерах не успеет выложить — на Медвежьем празднике покажет в огненных плясках, расскажет в песнях, присказках и сказках.

Если неудачна охотничья тропа, можно испытать себя на рыбном промысле. Река такая же кормилица, как и тайга. Большую рыбу не всякий поймает. Но мечтать о ней может каждый, потому что рыба в речке плавает, а речка рядом. Не надо долго гадать, по какой тропе от деревни спуститься к звонкой и веселой воде.

Если охотником и рыбаком не хочешь стать, можно завести оленей. У оленевода длинная, вечная дорога.

Жизнь оленевода — вечное каслание. Синие ветры поют ему свои песни. А у каслания есть своя радость и сказка.

Три дороги стелились перед таежником, когда он вступал в жизнь: охота, рыболовство, оленеводство. Но так было когда-то.

А ныне? Столько дорог распахнулось перед хантыйским пареньком Ай-Теранти! Закружилась у юноши голова, затуманилась. Да так, что не разберешь дорогу — ни широкую, ни длинную, ни узкую, ни короткую.

Ай-Теранти поступил просто: вернулся в родную деревню Теги. В кармане — аттестат об окончании Березовской средней школы. В чемоданчике — недочитанные книги о путешествиях в дальние страны.

В своей деревне Ай-Теранти заметили. Колхозники попросили его стать заведующим сельским клубом. Потом молодежь района избрала его комсомольским вожаком, секретарем райкома ВЛКСМ. И все эти годы он продолжал учиться — заочно окончил институт.

Работал директором опытной сельскохозяйственной станции, сейчас он инструктор Ямало-Ненецкого окружкома КПСС. Продолжает учебу. Аспирант Омского сельскохозяйственного института. Пишет диссертацию на волнующую не только его тему.

«В целях привлечения молодежи в оленеводство большие выгоды сулит организация вахтового метода по принципу работы геологов, лесозаготовителей на севере Тюменской области, — пишет он. — Требуется внимательного изучения вопрос организации промежуточных баз на местах калашни оленеводов. На таких базах можно построить клуб для демонстрации кинофильмов, баню, магазины, организовать забойный пункт с холодильным хозяйством, подготовить место для посадки самолетов. Это реальная, назревшая задача. И вполне разрешимая для нашего отраслевого хозяйства...»

Харамзин размышляет, думает, исследует причины отставания оленеводства от других отраслей хозяйства. И главная причина — нехватка пастухов. Развитие промышленности втягивает молодежь в свою сферу. Там и больше платят, и определенные удобства, и романтика.

А материально-техническая оснащенность оленеводства осталась, как и прежде, на низком уровне. Хотя на отдельных пастбищах есть какие-то нововведения (строятся проволочные изгороди, оленеводы получают мотонарты, портативные радиостанции, малогабаритные электростанции), однако уровень обеспеченности хозяйства основными фондами не отвечает нуждам дня.

Другой важной причиной, как утверждают многие специалисты, является то, что развитием оленеводства оперативно никто не руководит.

И я думал об оленеводстве и оленеводах. Ведь и я немало поехал по Северу. Видел, всюду не хватает пастухов. Многие из них — люди в возрасте за пятьдесят лет. Молодые бригадиры — редкость. А ведь оленеводство — работа трудная.

В глазах молодежи отрасль архаичная. Особенно когда рядом нефтяники, газовики, строители новых городов, авиаторы, шоферы... Рядом с ними песня «А олени — лучше» вызывает улыбку. И дети, естественно, чураются

традиционных занятий отцов, рассматривая их как мало-квалифицированное дело.

Молодую смену отталкивает и ряд других неудобств в работе и быте. Взять хотя бы одежду. Традиционные унты и малицы из оленьего меха прекрасны зимой, но неудобны и тяжелы летом и весной. А промышленность ничего другого не предложила. А ведь из оленьего меха могли бы шить и более современную одежду и обувь, не копируя традиционные образцы, а развивая их, совершенствуя. И не только как сувениры.

А устарел ли чум? Пока, кажется, никто не придумал более мудрого, легкого жилища, которому не страшны ни мороз, ни ветер. Он не перевернется, как балок, от свирепого ветра, не полетит, как легкая палатка. И все же слышал, что молодые мечтают о хорошем, современном жилье для оленевода. Оно видится им легкой, разборной, теплой и просторной палаткой, чтобы сподручно было возить вслед за кочующим стадом зимой и летом.

Кажется, ученые над нею работают. А молодые оленеводы ждут не дождутся.

Не помешали бы пастухам и миниатюрные газовые приборы, легкие баллончики к ним... Да мало ли что можно сделать для поднятия престижа древней отрасли...

Вот и Харамзин пишет: «В хозяйствах Ненецкого автономного округа широко используется новое транспортное средство — снегоход «Буран». Практика работы оленеводства сегодня показывает, что для разъездов и перевозок грузов в каждом стаде содержится 10—14 процентов тягловой силы. Расчеты показывают, что уменьшение этого количества хотя бы наполовину и увеличение за счет этого важенка позволило бы получить в области дополнительно около 250 тонн мяса. Внедрение снегоходов в хозяйствах Тюменской области позволит не только облегчить труд оленеводов, но и улучшить условия работы по совершенствованию структуры стада...»

Олень — удивительное животное, незаменимое в условиях Севера средство передвижения. Это источник питания человека. Языки оленьи — деликатес, мясо — вкусное и высококалорийное, молоко густое, значительно жирнее коровьего. Из оленьих шкур человек издревле шил одежду и строил жилище.

Есть ли другой вид скотоводства — более универсальный в потребительском отношении, чем оленеводство? А при правильном ведении хозяйства оно будет, наверное, и самым рентабельным.

Ясно одно: оленеводство — уникальное культурно-историческое явление. Его родина — Сибирь. Творцы его — народы Севера. Ни в Америке, ни в Европе, ни в другой части Азии до недавнего времени не было оленеводства. Но дикие олени там были. Есть оленеведческие хозяйства на Аляске, но они появились там в конце прошлого века, когда туда завезли с Чукотки домашних оленей.

Народам Севера предстоит большая работа: по-новому организовать традиционную отрасль своего хозяйства, с использованием новейших достижений науки и техники. На просторах Севера эта работа уже началась. Возглавляют ее ученые-оленеводы — дети и внуки неграмотных пастухов. Ученый-оленевод — новый человек тайги и тундры. Но это теперь уже один из самых уважаемых людей Севера. На тюменском Севере есть такой человек — Ай-Теранти, Терентий Герасимович Харамзин... Послушайте еще его слово:

«В дальнейшем улучшении социальных условий оленеводов важную роль сыграет внедрение сменно-звеньевой формы организации труда в оленеводстве. В условиях тюменского Севера повсеместное внедрение сменно-звеньевой организации труда в оленеводстве предусматривается путем строительства промежуточных баз-факторий, как это сделано, например, в совхозе «Байдарацкий» Приуральского района. На фактории «Глухарина» строится

база с комплексом всех сфер соуживания и жильем. В комплекс войдут медпункт, дом для специалистов, пункт связи и квартира для радиста, электростанция на 30 кВт, котельная, клуб, библиотека, кинозал, склад для товаров, чайная, общежитие, детские ясли, мастерская по обработке кожевенного сырья. Для оленеводов будут построены двухквартирные дома. На путях кочевий стад будут установлены домики для дежурных пастухов. Для передвижения к местам пастбы оленей предусматривается использовать вездеходы».

Я с удовольствием читал статьи Харамзина.

Интересны не только цифры, факты, экономические выкладки, но и анализ, поиски причин отставания в отдельных совхозах, пути его преодоления, дума о рациональном использовании земли, техническом оснащении оленеводства и его рентабельности. Это писал экономист. Но в то же время это был голос оленевода, знающего древнюю отрасль хозяйства не понаслышке. Харамзин, как работник окружкома партии, прежде всего человек дела, государственный человек. И подходит к решению этих проблем с государственных позиций.

Сейчас на советском Севере более 2,5 миллиона оленей. Это составляет 80 процентов мирового поголовья. Поголовье оленей в ближайшие годы можно увеличить еще на миллион. Это вполне реальная, выполнимая задача, если на всем пространстве Советского Союза перевести оленеводство в новое русло ведения хозяйства с бережным отношением ко всему традиционному, старому. Не ломать вековой уклад ведения оленеводческого хозяйства, а изменять его осторожно, бережно, умно применять достижения науки и техники. Нужно помнить, что олень — живое и трепетное создание природы, прирученное людьми.

В начале весны в разных районах Крайнего Севера отмечают национальные праздники, связанные с оконча-

нием зимнего охотничьего сезона, с перегонкой оленей на летние пастбища. В красный, синий, зеленый и желтый цвета расписаны легкие, скользящие нарты. Упряжь расшита бисером, декорирована костяными гравированными пластинами, красными и синими шерстяными кисточками, металлическими бляхами, меховыми помпонами. В центре этого праздника всегда оленьи бега — гонки на оленьих упряжках...

Над тайгой солнце. Снег искрится серебром. Вот поднят красный флажок. Старт!.. Снежный дымок вьется за оленьими упряжками, которые ринулись вперед, стараясь обогнать друг друга. Считанные минуты — и финиш. И малицу победителя украшает чемпионская лента.

Интереснее всего бывает смотреть на состязания женщин. Кажется, их олени не чувствуют веса нарт и мчатся быстрее. Иногда секундомеры показывают лучшее время, чем у мужчин. А чемпионская лента на расшитой орнаментом шубе женщин тускнеет. Красиво шьют себе мастерицы.

Интересное зрелище — гонка оленей на амдере — оленьей шкуре. Нелегко устоять на лыжах за оленьей упряжкой. Это дело мужественных и сильных. Правда, удача в этом деле зависит не только от силы, но и от качества лыж. Они тоже подбиты шкурами.

Ни один праздник не обходится без прыжков через нарты. И, наверное, немаловажное значение имеет, в какой обуви прыгает прыгун: в мягких, расшитых узорами кисах или в валенках.

Гордостью оленевода считается крепкий и длинный аркан, называемый на тюменском Севере тынзяном. А умение точно кидать в цель и на дальность — это главное достоинство и мастерство оленевода. В стаде тысячи оленей. А поймать надо самого лучшего, обученного, годного для большой дороги. Олень — не ручное животное. Редко на нем ездят. Вот и надо уметь ловить его быстро

в тысячеголовом стаде. И кто быстрее и точнее умеет кидать тынзян, тот быстрее собирается в дорогу...

И бросание топора, и прыжки через нарты, и бег на охотничьих лыжах, и оленье гонки — все виды национального спорта на этом празднике смотрелись бы тускло, если бы не оригинальная северная одежда.

Красочности этого зрелища в значительной степени способствуют расшитые бисером парадные костюмы, унты, пояса с накладными гравированными серебряными пластинами и бляхами, сверкающими на ярком весеннем солнце.

Представьте себе, что в гонках участвовали бы люди в обыкновенной одежде, в магазинных пальто, стеганках и валенках... Потеряли бы оленье бега всю свою прелесть!

К сожалению, подобной одежды даже у оленеводов становится все меньше и меньше. Не приведет ли это к исчезновению древней моды, этой бесценной красоты? Не оттого ли печаль в песне моей тети Акулины:

Словно горная тропинка,
Словно быстрая река...
Мягкий мех расшит.
Как спинка яркого бурундука.
Кай-я-йик! Кай-я-йик!
Край мой осетровоспинный.
Мой Урал, небесный стул,
Я умру, кто вид пустынный
Оживит, чтоб не уснул?
Как звезда, сорвусь, растаю.
Что останется? Простор!
Нет ему конца и краю.
Голубые цепи гор.
Женщин новых поколений
Я прошу тропой моей
Проводить своих оленей,
Звезды в синих небесах,
Блеск в глазах,
Огни селений и узоры на кисах.
Без узора блекнут вещи.

Без оленей пропадет
Красота таежных жепщин,
Сникнет северный народ.
Кай-я-йик! Кай-я-йик!
Пусть несутся напрямик
По земле своей олени.
Пусть летят мои слова,
Обгоняя тучек тени,
В даль, нам видную едва!..
Жив народ мой — я жива!

Опять думаю об Ай-Теранти. Не дает покоя мне этот человек. Кто он такой? Почему его судьба меня тревожит? Нет-нет да и опять поинтересуюсь им. И узнаю: он совсем другой. Ко вчерашнему прибавил что-то совершенно новое, едва уловимое, но новое. Но, идя к новому, он слышит, чует голос тайги и тундры.

Где сегодня Ай-Теранти? Мчится ли он под Полярной звездой на оленьей упряжке, сидит ли у ласкового огня в чуме, беседуя с оленеводами, или за рабочим столом своего кабинета пишет последние строчки диссертации — знаю: он живет полнокровной жизнью советского человека. Он всегда в поиске. Разумеется, у него есть свои сложности и трудности, поражения и победы. Но на то и дорога жизни, чтобы преодолевать препятствия, складывать песню жизни.

Нет, оленья сказка не оборвалась. Звезды пляшут на рогах оленей и на Кольском полуострове, и в ненецкой тундре, и в ханты-мансийской тайге, и на сказочных просторах Эвенкии, Таймыра, Чукотки... Под Полярной звездой, как и прежде, мчатся олени.

Я рад, что одну из упряжек ведет уверенно друг моего детства Ай-Теранти, новый каюр, ученый-оленеvod...

ОГНЕДОБЫТЧИК

Тот, кто твои соблюдает законы,
Круг мой Полярный,

И в этом упрям,
И бережет, как охотник патроны,
То, что завещано предками нам, —
Тот избежит слепоты и болезни,
Холода, подлости злого врага,
И удостоится круг его жизни
Славы, как будто тепла очага.

Нашу землю в старину называли почему-то землей «святого огня», а еще — краем Золотой Бабы.

Особенно много легенд о Золотой Бабе. Скандинавская сага повествует так:

«В 1023 году ватага викингов совершила поход в таинственную страну Биармию. Ее вел знаменитый разбойник Торир-Собака. Здесь жили язычники. Они поклонялись таинственной богине. Одна девушка «растаяла» от ласк пришельца и показала тайные тропы, ведущие к святыне. Перед изумленным викингом предстала золотая статуя ослепительной красоты. Обнаженная женщина держала в руках серебряную чашу. Она была полна монетами, смешанными с землей. Шею богини украшало драгоценное ожерелье. Его сорвал викинг, которого охватила дрожь алчности. Они бы унесли и тяжелую статую. Да люди той земли не позволили... Пришельцы отступили. Богиню бережно укрыли могучие таежные леса».

О Золотой Бабе повествует и Софийская летопись 1136 года, и карты России XVI века, изданные в Западной

Европе, о ней пишут и современные следопыты — журналисты и писатели.

Ханты-Мансийскую землю издавна называли краем Золотой Бабы. А нашли здесь не таинственную богиню, а нефть и газ.

Анатолий Саратин — добытчик «святого огня». Как и многие манси, работает в Игримгазе. Он старший дизелист Игримской электростанции. И товарищи Анатолия Саратина — дети манси и хантов — овладели сложными машинами и стали носить новое имя — рабочий.

Рабочий... Каков он? Чем живет? Что его волнует?

Анатолия Саратина я вижу не впервые. Когда-то мы жили в одной деревне. Его родители ходили на зверя, промыслили рыбу.

Кем мечтал быть тогда Толя Саратин? Может, учителем? Врачом? Или, может, капитаном? Белым лебедем плавал тогда по Сосьве-реке пароход «Петр Шлеев». Вся деревня обычно высыпала на берег, заслышав его веселые гудки. Встречали его, как счастье, провожали, как самого верного и надежного друга...

Анатолий Саратин стал судовым механиком. Водил суда и по полноводной Оби, и по Сосьве с ее песчаными перекатами, и по узким таежным речкам, где не всякая лодка пройдет.

Не мечтал только, наверное, Саратин работать на электростанции. И это не случайно.

Деревня, по которой мы бегали босоногими мальчишками, радовалась керосиновой лампе как новому чуду.

На глазах меняется земля. И теперь у нового манси — рабочего Анатолия Саратина — осталось от старого лишь почтительное отношение к родной земле. И сам работает отлично, и молодежь учит. Земляки, односельчане не раз избирали его депутатом в местные Советы. Как член Ханты-Мансийского окружкома партии, он, рабочий человек, принимает активное участие в разрешении хозяйственных и культурных проблем края.

В квартире Саратина пахнет свежей краской. На кухне синим пламенем горит газ.

Довольна квартирой жена.

Ее серовато-темные глаза озорно поблескивают, на щеках — румянец.

Я вижу ее впервые. И, естественно, интересуюсь, откуда она.

— Это дочь Елизорова Василия Михайловича. Знаешь его? — говорит Саратин.

— Нет.

— Ну как не знаешь? А про Манайл-Ваську слышал? Это же он.

Действительно, про Манайл-Ваську я слышал много. Еще с детства. Он работал председателем колхоза в соседнем селении.

— Хочешь послушать песни? — налаживая магнитофон, говорит Саратин. — Недавно записал.

И «русская квартира» Саратиных вдруг заполняется мансийским миром. Сначала это кажется давней-давней сказкой, почти легендой. Немолодой, но еще довольно бодрый голос выводит знакомую мелодию. И плывут слова певучие, обыкновенные, мансийские...

Я почувствовал, что эта мелодия близка мне до сердечной боли. И вот я снова качаюсь в волшебной колыбели, плыву на легкой лодочке-калданке; снег хрустит под лыжами, обитыми ворсистым мехом выдры, и добрыми великанами стоят рядом кедры, и санквалтап звенит глуховато-звонкими струнами-жилами...

И я почувствовал себя богатым человеком: меня волновал язык Ленина так же, как и язык моей мансийской матери. Язык моего лесного народа не хотел отпускать меня от своего древнего волшебства так же, как язык Пушкина поднимал меня к волшебству поэзии.

В доме Саратиных звучала то мансийская речь, то русская. И это мне казалось естественным.

Много на ханты-мансийском Севере отрадных перемен. Искренне радовался я, когда заместитель директора подсобного хозяйства Игримгаза водил меня по теплицам, где из-под зеленых листьев выглядывали огурцы, помидоры...

В подсобном хозяйстве работает более ста человек. Из них больше половины — манси и ханты. В сельских домах появился газ.

Новые люди, новые профессии и обычаи пришли на Север с открытием его подземных сокровищ.

Возникает и немало новых проблем.

Саратину, рабочему человеку, огнедобытчику, приходится не только зажигать свет, но и много думать. Вот что случилось однажды.

Сначала все было обычным. Летел вертолет. Внизу, чередуясь застывшими болотами, плыла тайга. Тайга белая. Болота белые. Внизу плескалось снежное море. Большой снег. Местами снег разворочен. Не зверь прошел. Человек оставил следы. Колея зимника. Нитка газопровода. Компрессорная станция. Буровая вышка. Газовый факел... Обычный пейзаж современного тюменского Севера.

Вертолет летел низко. Причудливо смотрелись сверху деревья, кусты, следы зверей на снегу. По снегу бешено мчался зверь. Большой зверь темно-бурой окраски. Он бежал неровно. Шарахался из стороны в сторону, делая неуверенные прыжки. Спотыкался, натыкался на деревья, падал и снова бежал.

— Смотрите, лесной собрат мой опять убивает брата! — кричал Кино-шаман, как называли Ваську, манси лет сорока двух, за то, что он когда-то работал киномехаником.

Он то припадал к иллюминатору, то махал руками, что-то горячо объясняя соседям. Железно гудел вертолет. До слуха соседей долетали лишь отдельные слова:

— Я из лосиного рода. Росомаха убивает лося, духа моих предков. Остановите вертолет!

Внизу и правда мчался лось. Широкая спина. Рога как крылья. А на длинной шее его сидел мохнатый чернобурый зверь. Он то скалил острые зубы на парящий над мчавшимся лосем вертолет, то короткими блестящими лапами царапал глаза таежному красавцу.

— Вот вам и экзотика! — сверкая желтовато-черными глазами, говорил Кино-шаман. — Снимайте! Где еще такое найдете? Только в нашей тайге.

Последние слова были обращены к кинооператору и режиссеру, которые уже давно занимались своим делом.

Кинематографисты снимали фильм о тюменских нефтяниках. И, чтобы придать картине немного экзотики, они попросили местных манси разыграть «Медвежье игрище». Но мало кто из манси, живущих в поселке газовиков, смог бы это осуществить. Газ. Большая стройка. Игрище железа и огня. А медвежьи пляски стали казаться легендой, почти небылью. Но кто-то вспомнил, что есть глухая деревушка, где этот древний обычай нет-нет да и даст о себе знать. Со всех концов мансийской земли туда ездят старые люди. Поминают духов предков, старинные песни поют, медвежьи пляски пляшут... А в тайге, среди дремучих деревьев, будто бы до сих пор стоит капище — священная избушка на четырех столбах-ножках, в которой когда-то манси-язычники хранили не только своих идолов — изображения лесных духов, но и шкурки зверей, монеты серебряные и золотые, чаши с причудливыми узорами... Сказывали о старичке, который не только «всю старину помнит», но может кое-что и показать. С надеждой на экзотику летели в глухую деревушку.

Священную пляску, игрище людей и духов устроили по древнему обычаю в «Большом игровом доме».

Дом был не такой уж и большой, это была обыкновенная рубленая изба. Изба состояла из одной довольно об-

ширной комнаты, где было полно людей. Люди сидели на деревянных кроватях, стоявших вдоль двух стен, на скамейках и просто на полу, устланном циновками, плетеными из камыша. В кирпичной печи, в одном из углов дома, рядом с дверью, весело пылал огонь. Раньше на этом месте, должно быть, стоял чувал — полупечь, полукостер, волшебный камелек древних манси, где так весело, открыто играло пламя... Теперь резвую игру огня спрятали в гладкий кирпич, замуровали в камень. Недалеко от этой печи стояла газовая плита. Над слабым синим пламенем что-то варилось. Летом, когда тепло, печь, видно, совсем не затапливали. Новый дешевый огонь земли уже служил людям даже в этом глухом уголке мансийского края, где каким-то чудом сохранилось еще священное капище и идолы, которым были так рады кинорежиссер с оператором. Они, конечно, жалели, что в избе не сохранился чувал — древний живописный очаг манси. Но все же были, в общем, довольны, что в этой избе кое-какая старина сохранилась.

В переднем углу, за потемневшей занавеской, полочка сделана. За ней сундучок. Как откроешь сундучок — на собольей шкуре увидишь небольшого домашнего идола. Шкурки лисиц, соболей, горностаев в этом сундучке. По стенкам висят шелковые платки, лоскутки материи, шкурки и другие приношения людей, которые еще нет-нет да и приедут в ту таежную деревушку, которая в легендах именуется почему-то «священным городом».

Нет здесь никакого города. Всего несколько приземистых домиков стоит на пологом низком берегу реки. Противоположный берег обрывистый. Издали он кажется могучим конем, по грудь стоящим в сияющей речной воде. Широка спина у того коня. Бок у него весь пятнистый. А грива густая, голубовато-зеленая. Высоко в небо он ее взметнул. Будто рвет поводья и летит в бой.

Об этом местечке много сказаний. Одно таинственнее другого. Все они повествуют о богатыре Ялпусойке, кото-

рый одержал здесь над каким-то чужеземцем победу. Все сказания начинаются так:

«В священном городе, стоящем на берегу, который так похож на мчащегося коня с могучей гривой, с боками, похожими на осенний лес...»

Над обрывистым берегом высятся кедры. Может быть, им не одна сотня лет. Были они, наверно, свидетелями битвы.

Сказания повествуют, что манси и ханты здесь победили. Но крови пролито было так много, что люди на этом месте постелили «берестяной ковер». Сшили древние огромный ковер из бересты весенней березы и постелили на том месте, где был бой и одержана победа. Назвали это место священным.

Много веков, видно, прошло с тех пор, когда произошел этот бой: над берестяным ковром вырос большой слой земли. Летом на песчаном обрыве можно увидеть край бересты...

С кем был бой? Может, это воины хана Кучума? Они ходили на Север и требовали ясак. Шкурки соболей, лисиц, белок требовали. Грабили, убивали...

А может быть, были другие?

Для защиты от врагов у древних имелись сабли, шлемы, копья, даже кольчуги.

Еще в недавние времена через каждые семь лет устраивали здесь игрища. Со всех концов манси и ханты съезжались сюда на оленях, на лошадях с бубенцами, колокольчиками. Возле священной избушки — кумирни, что стоит на одной ножке, они приносили в жертву оленей, жеребят. Ели вареное мясо и вспоминали предков. В этой кумирне хранились сабли, шкурки зверей и маски — белые бороды семи великанов. Этих великанов зовут «учи». Они злые, как людоеды.

Когда соберется весь народ, семь человек надевают эти маски и с первыми сумерками с криком, со стуком

сабель идут в дом, где собрались люди. Начинается единоборство между великанами и богатырями. Семь дней, семь ночей продолжается пляска. В этой пляске оживают события минувших дней. А в них горе и радость человека, победы и поражения. Семь дней и ночей славят люди своих предков, своих героев...

Вот и сегодня вся деревня собралась в «Большом доме».

Саратин пристальным взглядом пробежал по лицам. В них не отражалось ни страха, ни почтения к медвежьей голове. Наоборот.

— Ха-ха-ха! — смеется кто-то.

— Какие песни в кузове? Разве ныне время сказок? Ха-ха-ха! Ненормальный мужичишка!..

— Э, зачем же так!.. — роняет серьезный мужской голос. — Лучше бы отгадали, кто это?

— Кто это? Известно кто: берестяной нос. Истинное лицо свое прячет, — значит, что-то у него не так.

— Вы смотрите не на нос и не на лицо. А взгляните глубже. Попробуйте, что несет он в сердце, в душе.

— В душу не заглянешь, сердце в руки не возьмешь. А вот кузов посмотреть можно. Может, и вправду несет он стоящие песни и сказки.

— Может, вместо огня души, вместо искрящихся песен и сказок он в этом Берестяном кузове с крылатыми узорами несет новый огонь земли?

— Да, я несу новый огонь. Да, я скачу на сказочном коне, — ответил Березовый кузов. — На сказочном коне я проскакал через века, через горы, через моря, неся вам огонь души.

И Берестяной кузов разыграл перед всеми сказку:

— Однажды мой конь остановился. «Что за земля впереди?» — спрашиваю я. «Не знаю», — отвечает конь. Смотрю: море. На берегу огонь горит. Искры вверх летят.

Подъехал ближе. Вижу, лежит Женщина. Спит. При дыхании у нее из ноздрей искры вылетают. Только

хотел я Женщину тронуть посохом, как та в тот же миг скрылась. Под землю провалилась. Только голова ее мелькнула. Я — следом за ней. Женщина глубже к земле уходит. Наконец догнал ее. Схватились. Долго ли боролись, коротко ли, наконец упали наземь. Женщина обессилела. И я устал. Силы у нас оказались равными.

— Довольно, милый! Кончим бороться, — молвила ласковым голосом Женщина. — Ты меня не можешь победить, и я с тобой справиться не могу.

Отпустили друг друга, попрощались и разошлись в разные стороны.

«Неужели у Женщины столько же силы, что и у Мужчины?! Неужели так будет на земле и вечно?!» — думаю я. А конь опять несется среди бегущих облаков и по земле лежащей скачет.

В одном месте вижу, по всей земле огонь полыхает. Подъехал ближе. Оказывается, это не земля, а море огненное.

Подойдет ближе зверь — задыхается, падает.

Попытается птица перелететь это море — крылья ее опалаются, в огненных волнах она тонет.

Вредное море. Страшное море!

«Вернуться назад — не выполнишь задуманное. Землю свою до конца не посмотришь, имя свое не оправдаешь. Нет, назад нельзя», — решаю я.

— Как проехать сквозь огненное море? — спрашиваю я опять мудрого коня.

— Залезай ко мне в ноздри. В одной найдешь магазины. Купи там три аршина белого полотна. В другой ноздре увидишь рестораны. Выпей там три чарки вина. Вылезай обратно. Оберни себя тремя аршинами полотна. Ложись ко мне на спину и ни о чем не думай.

Сделал так, как учил меня конь. Помчались дальше. Лежу на широкой спине и ни о чем не думаю. Долго ли мчались, коротко ли, наконец конь остановился и спрашивает:

— Ну как, жив?

— Жив!

Слез с коня. Полотно на нем все обгорело.

— Огненное море позади, — говорит конь. — Впереди другие моря, другие тайны.

— Что это за Женщина?! Что это за огненное море?! — размышляю вслух. — Неужели этот огонь нельзя полезным сделать?

— О! — говорит волшебный конь. — Настанет новая Эра, будут новые люди. Тогда и раскроются все тайны.

— Наступила ли та новая Эра, спрашиваю я вас? — обращается он ко всем.

— Наверное, уже наступает, — отвечает кто-то.

— Чем оказалось огненное море?

— Нефтью и газом.

— А Женщина?

— Это наша Сорни-най. Богиня золотого огня. Хранительница сокровищ Севера. Смотрела, смотрела она на труд геологов, полный самоотверженности и героизма, и умилилась, решив отдать свои сокровища.

— Огненное море, через которое не могут перелетать птицы, разве это может быть только в сказке?

— Нет, не только в сказке может полыхать огненное море. Оно и землю может превратить в полыхающий океан, если люди будут неразумными. И звери задохнутся, и птицы утонут в огненных волнах. Обладатель таких сокровищ должен быть только мудрым. Обладатель золотого огня должен помнить, что там,

Где резвился конь,
Быстроногий конь,
Тонконогий конь,
Конь-сгонь,
Там живой травы
Изумрудный глаз
Под копытом его погас.

И зеленых рук,
И поющих рук
Не протянут деревья дню,
Лишь трухлявый пенёк
Да корявый сук
Не подвластны тьме коню.
Необъезжен конь —
То несёт, то встанет на дыбы.
Дикий глаз косит,
И из-под копыт
Брызжут комья черной судьбы,
Дай узду коню,
Дай очаг огню,
Усмири языкастый огонь,
Чтоб огонь-угар,
Чтоб огонь-пожар
Не заржал, словно рыжий конь.
А когда заржет,
То не греет — жжет,
Волчьим глазом горит в золе.
Хоть черна зола,
Не чернее зла,
Коль огонь — война на земле.
Однорукий меч
Будет сталью жечь,
Одноглазый прицел жесток...
Не горячий чай.
А горящий край —
Черной ненависти кипяток.
Где резвился конь,
Быстроногий конь,
Тонконогий конь,
Конь-огонь,
Не звенит листва,
Не поют слова,
Не растёт даже трын-трава!

- Э-э! Да это не сам ли Ангалсуп?!
- Вроде на него похоже.
- Недавно видел его Саратин, как он на художественном смотре выступал. Артист, ничего не скажешь! Старинную былинку исполнял, а будто про сегодняшний день пел.

— Пропагандист он!

— А как же иначе? Заведующий клубом... Заслуженный работник культуры...

— Эхма! Это я и есть! — сорвав с лица березовую маску, воскликнул Ангалсуп. Он кланялся во все стороны, сияя широкой добродушной улыбкой. Седоватые волосы его не старили, нет. Наоборот, они, кажется, сделали его если не красивее, то мудрее...

Саратин знал Ангалсупа. Не раз встречался с ним на окружных совещаниях. Видел его и на сцене Дома культуры. Но никогда не думал встретить его на шаманской пляске, как называют игрища, которые время от времени проходят здесь, в этой деревушке.

Если бы не настойчивые киношники, которых не корми, а дай экзотику, не быть бы на этом таежном игрище и Саратину.

Снимая с плеч кузов, Ангалсуп, раскачиваясь в танце, кланяясь, напевал:

Кузов мой берестяной
С крылатыми узорами!
Кузов мой, полный песнями,
Кузов мой, полный сказками,
Я несу тебя к людям!

Люди, благодарные не только за песню, встретили эти слова бурными аплодисментами, как в большом советском клубе...

Перед глазами снова плескалась сказка.

Саратин сидел, прислонившись к шершавому стволу огромного кедра, и не мигая смотрел на костер. Красное пламя плясало на большой поляне среди развесистых старых елей, с которых длинными прядями свисал пепельный лишайник. Деревья стоят, как идолы, вокруг костра. Отблески пламени играют на стволах, и от этого они серебристо-алые, точно обливаются кровью. Жуткое,

таинственное затишье, окутавшее сумрачные ветви, разрушает треск огня.

Рождение огня! Торум — Высший Дух — трением дерева об дерево вынянчил пламя. И над стынущей землей зажег огонь. На высоком небосводе среди холодных звезд он заискрился живым огоньком, излучая трепетное, не звездное тепло. Искру огненную он положил в серебряную люльку в золотом мешочке, и поручил дочери своей растить пламя. Но дочь его, легкомысленная, как все богини, катая серебряную зыбку на краю тучи, уронила искру. Красненьким клубком она скатилась с неба и, упав на землю, пустилась в дикий пляс, превращаясь в пламя. Побежав к пихтачу, спалила его дотла. Прикоснувшись к прядям пепельного лишайника, вмиг превратила его в огонь. И бор еловый запылал, корчась в жгучем огне. Все на пути сжигал разбушевавшийся пожар. Гнезда птиц горели, норы зверей покрывались золой. Гибли деревья, звери, птицы. Даже рыба задыхалась от дыма, который плыл над поймами рек. Даже реки загорались...

А люди мерзли. В их очагах еще не было огня. И в землянке было темно. Люди молились Высшему Духу, прося его переправить пламя к очагам, лишенным огня. Услышав настойчивую мольбу, Торум спустил на землю сына своего, Медведя, чтобы он научил людей пользоваться огнем. Встретившись с людьми, Медведь сказал:

— Вы видели злую игру огненной стихии. И я боюсь вам его доверять... Но если вы, люди, будете мудрыми, огонь может быть добрым, ласковым, дарящим радость. А вы, я знаю, жаждете радости. Но радость дается лишь достойным. Если есть среди вас достойный, мыслящий муж, пусть он отправляется в дорогу. По ужасным следам пожара пусть идет. И на разохшемся пне, под корнями двух гнилушек, он найдет сияющую искру. И взяв огонь, как маленького ребенка, пусть кладет его на берзовую плашку. И другой такой же плашкой гладит, на-

тирает, баюкает искру, как волшебного ребенка. Из той искры выйдет и пламя. На куске сухой бересты пусть несет он его к очагам, лишенным тепла. В домах людских, лишенных света, пусть горит он в золотистом устье жаркой печки. Только помните еще одно: добытчик огня должен быть мудрым его хранителем.

Саратин подложил дрова в костер. Отблески пламени заплясали на его широком лице с чуть заметными скулами.

Саратин думал об огне и человеке. Вспомнил он, как в дедушкиной избушке однажды потух огонь в чувале. Крохотное окошечко с позеленевшим стеклом сразу стало ледянисто-черным, и по полу, покрытому циновками, пошел черный холод.

Дедушка торопливо хлопотал, чтобы развести поскорее огонь, отыскивая не потухшие еще угли. Он умело разложил дрова, приготовил бересту. Охая, ворчливо ругая последнюю спичку поднамокшего последнего коробка, долго-долго дул на почерневшие угли. Но спасительное пламя в чувале не заиграло. Потом он из «священного» угла достал кремень и кресало. И долго-долго чиркал по нему стальной ручкой. Но веселое пламя все равно не заиграло. Тяжело дыша, дедушка присел на нары, обращаясь к внуку:

— Глаза мои потухли, ноги ослабли. Святой огонь не хочет загореться от моих уставших рук. Может, ты будешь огонь?

Саратин взял в руки кремень и торопливо начал чиркать стальной ручкой.

Увидев торопливость и суету внука, дедушка сказал:

— Торопиться не надо! Огонь любит рождаться в уверенных руках. Святой огонь любит мудрое слово. Ты чиркай стальной ручкой по камню. А я помогу тебе словом:

О, Золотой огонь,
Священный Дух Вселенной,

Раскинь во все стороны
Пламенные ресницы,
Прикоснись к нашему очагу,
Оживи избушку игрой света и тепла.

Но как ни чиркал, как ни старался Саратин, а огонь не загорелся, лишь слабые искры мерцали между кремнем и кресалом.

— О, заискрился дух огня! — воскликнул дедушка. — Добрый знак. Из искры пламя вырастет, если еще скажем слово.

А мороз уже стоял в избушке. То ли он вошел из двери, то ли из трубы чувала, Саратин не знал. Взглянув вверх, сквозь широкое отверстие трубы, Саратин увидел звезды. Они с темного неба глядели огненными глазами.

— Дедушка, а какой огонь в звездах загорается? — перестав чиркать, спросил мальчик. — Как думаешь, есть тепло от звездного огня?

— О звездном огне поговорим потом, — сказал дедушка и дальше продолжал:

О, дух огня — пожиратель дерева,
Даритель тепла!
Как золотой олень,
Скачущий на поленьях,
Запляши в нашем чувале,
Одари нас радостью.

В это мгновение, как по волшебству, искра огня, которую высек Саратин, побежала по бересте золотыми шашками. Припав к очагу, мальчик стал дуть во всю мощь своих легких. И береста затрещала, загораясь ярким пламенем.

— О, ты огнедобытчик! — воскликнул дедушка.

Пламя сначала робко целовало сухие, смолистые поленья, потом, обняв одно-другое, сразу вспыхнуло, пуская густой черный дым в широкую трубу, запах которого так приятно щекотал ноздри.

Умело раскладывая дрова, дедушка обращался к разгоравшемуся огню:

О, дух Дерева!
Скачи, скачи золотым оленем
И наисильнейшим жаром своим
Одари, согревая не только тело,
Но и сердце человека...

Мальчик, протянув к огню озябшие руки, и присев на низенькую скамеечку рядом с дедушкой у самого огня, стал отогреваться. А дедушка продолжал, обращаясь к огню:

О, дух Тепла!
Золотой наш олень!
Обереги нас от хулений!
Да пусть зажигают тебя
Добрые руки человека!
Да пресеки ты холод
Веселой игрой тепла!
Да горит ты ради света людского!
Да возликуем мы, славя доблесть твою!
Да будет богат наш дом
Человечьим теплом!

Избушка осветилась ярким огнем.

Блики его скользили по чистому дощатому полу, по нарам, покрытым тростниковыми циновками, по черным бревенчатым стенам, на которых висели ружья, шкурки белок и горностаев, разная домашняя утварь.

Все вокруг ожило, повеселело.

— Ты, я вижу, восхищаешься блистанием огня, его веселой игрой в чувале, — заговорил снова дедушка, обычно молчаливый и сумрачный. — Но помни, глаза твои зажгутся ужасом, если он загуляет по живым деревьям леса, по земле зеленой. Тогда он преступник и несправимый должник, и человек, разжегший это пламя, тоже...

Ты сегодня — добрый огнедобытчик! Но помни, добытчик огня должен быть мудрым его хранителем.

Саратин бросил дрова в костер. Искры огня одна за другой вместе с дымом поднимаются к сумрачной вершине ели и там, в белом сумраке, умирают, описывая круглые линии. Костер тихо горит в заснеженном воздухе, когда почти не чувствуется присутствия мороза.

Он глядел на сияющие искры, описывающие круги в полете, и что-то отрадное, теплое, вместе с тем тревожное вливалось в его душу, перед глазами вставали картины минувшего.

В потрескивании смолистых сучьев ему слышится лепет весенних птиц и задорный смех ребятшек, друзей детства, голоса новых людей, с которыми Саратин осваивал богатства Севера, став добытчиком огня.

Паскаль говорил: «Самая важная вещь в жизни — выбор ремесла, и выбор этот зависит от случая».

Как найти, нащупать этот случай? Как долог к нему путь? Возможно, важная вещь — выбор ремесла. Но только ли от случая зависит он? Наверно, сама жизнь может подсказать истинно правильный выбор.

Как-то к песчаному берегу таежной деревушки пристала моторная лодка. Моторист, видя, с каким вниманием наблюдает Саратин, подозвал его и попросил помочь. Он доверил даже ключ, и мальчик сам откручивал гайки. Скоро моторист нашел причину остановки мотора, починил его и снова тронулся в путь.

Моторист проверял искру. Саратин видел искру своими глазами. Главное, что заметил Саратин, от этой искры, от этого огня мотор приходит в движение, и лодка летит по плесу, не то что под веслами. Саратин знает, как устают руки, даже когда плывешь на самой маленькой лодочке — калданке. И всю его жизнь будут ныть руки от тяжести того весла. И всю жизнь ему будет сниться мотор и летящая по воде лодка.

Может, тогда и зародилась мечта Саратина стать водителем огненной лодки. Пароход по-мансийски — огненная лодка...

Огненная лодка — большая лодка. Много народу возит она. Огненная лодка — сильная лодка. Огонь — большая сила.

Большой силой захотел завладеть Саратин. Решил стать капитаном огненной лодки. Но капитаном парохода Саратин не стал, зато получил звание механика. Был капитаном катера. Многие годы возил геологов, которые открыли тюменскую нефть и газ. И сам он в какой-то мере тоже причастен к этому открытию, в своем роде разведчик и первопроходец.

А когда в поселке газовиков построили электростанцию на газовых дизелях, Саратин перешел туда, став добытчиком огня, как завещал дедушка.

На вечерующем небе летели глухарь и вертолет — два хозяина северного неба. У глухаря — крылья. У вертолета — крылья. Каждый летит своей дорогой... У каждого свое ремесло.

Только дорога глухаря кончится на той стороне таежной речки, а вертолет полетит по трассе газопровода. А трасса эта на тысячи километров. Длинная у вертолета дорога, как и дорога человека.

И у Саратина была своя дорога, свое приобретение ремесла. От лука к ружью, от весла к мотору и рулю катера, от техники геологов до тончайших приборов современной электростанции. Сначала он присматривался к машинам. Потом присутствовал на всяких сборках, разборках, ремонтах, наладке и доводке техники.

Подержать в ладонях гайку, пощупать, постигнуть ее назначение. Без этой гайки машина зачихает, заглохнет. Без одной-единственной гайки! Как все устроено!

Саратин дотошно перебирает до винтика сначала лодочный мотор, потом станок, и вот постепенно у него накапливается второе зрение. Железо становится «прозрачным».

Его можно, оказывается, увидеть и сквозь чехлы и кожаные, можно на расстоянии определить болезнь мотора.

И у железа есть душа, характер, даже история...

Цех электростанции, в котором Саратин работал, — это огромное сооружение. Будто гигантский станок, герметично закрытый, как кабина космического корабля. Внутри происходит таинственное действие, невидимое глазу, не подвластное человеческому разуму и автоматам. Там газ — голубой дух земли — превращается в электричество.

Как бы не трудно было поначалу с освоением техники, Саратин в конце концов достиг определенных успехов. Он научился постепенно разбираться во многих механизмах. А вот с людьми было посложнее. То ли чрезмерно увлекся машинами, то ли шум, вызванный открытиями тюменской нефти и газа, так приковал его внимание, что многие вещи остались как-то на время в стороне. Как бы то ни было, он смотрел теперь на жизнь своих соратников как бы со стороны, узнавая и не узнавая...

Да жизнь его теперь стала другой. Не в избушке живет семья Саратина, в большой квартире из четырех комнат. В квартире паровое отопление, газ, ванна, электричество... Тот чувал, оригинальнейшее изобретение манси, полукостер, полупечь, слепленная из глины, тот очаг с открытым огнем, который согревал избушку дедушки, сегодня Саратину кажется давней сказкой...

Кинематографисты снимают фильм у капища.

Кинооператор припал к дверце капища. Кинокамера стрекотала веселым кузнечиком. Что выхватил любопытный взор кинообъектива из хаоса допотопных, странных вещей? Сломанные ножи, которые валялись в углу, или

стрелы, наконечники которых съедены ржавчиной, так же как ножи? Или черные гладкие деревянные сабли, которыми бьются на игрищах, изображая борьбу великанов-богатырей из далекой сказочной жизни манси?

Или жадный взор кинообъектива скользит по стенкам амбарчика, где развешаны шкурки бобров, соболей, лисиц, белок, росомах? Или кинообъектив, жаждущий экзотики, запечатлевает там шерсть, которая летит с этих шкурок при первом прикосновении как моль, как пыль веков? Кто-то уже успел вытащить из амбарчика берестяные маски. Кто-то уже напялил на свою маленькую голову высокие шапки великанов. Развевались конские хвосты, задевая высокие ветви священных деревьев.

Толпа загикала, заухала, пустилась в дикий пляс. Тайга кричала раздирающим душу голосом. Каждый старался перекричать, переплясать другого. Каждый лез в объектив...

— Блестяще! Неповторимо! Гениально! — продолжал восхищаться режиссер.

— Саратин, вы тоже, пожалуйста, наденьте шапку великана, попляшите! — бросил он торопливо, будто боялся что-то упустить, не взять, не успеть...

Саратин не пошевелился. Он будто ослобенел, стоял как идол. Холодным, непонимающим взглядом смотрел он в упор на режиссера.

— Вот это поза! Скорей, скорей снимайте!.. — крикнул режиссер.

Оператор был уже тут. Кинокамера жужжала...

Саратин чуть не выругался по-русски, как часто случалось на работе в цехе, когда что-нибудь не ладилось. Да воздержался. Хотелось плюнуть, да все же рядом капище, святое место предков. Вместо этого сказал просто:

— Вы уж лучше бы снимали в цехе. У нас ребята в счет новой пятилетки работают.

— И в цехе снимем. И ребят ваших. А пока надо здесь потрудиться. Экзотика! Неподражаемо! Блестяще!..

Режиссер явно чувствовал себя если не создателем произведения искусства, то, во всяком случае, бережным собирателем остатков языческой древности, магом, который мог остановить мгновение, само быстротекущее время, запечатлеть его на пленку, вновь подарить его людям.

Время, вперед! Оно неуловимо и неудержимо мчится, производя доброе, злое, вечное, мгновенное. Режиссер пытается его остановить хотя бы на миг. Но удастся ли ему?

Саратин присел к спасительному огню. Здесь была тишина. Лес молчал. Огонь говорил. Саратин думал о времени, о людях, о завтрашнем дне.

На днях Саратину предстояла поездка в Ханты-Мансийск, на пленум окружка партии. Не выступить ли ему на пленуме? А говорить есть о чем...

Добыча нефти и газа внесла в жизнь таяжников много нового, неожиданного. Необычайно широким оказался рабочий шаг нефтяного края. Бурное, штурмовое тюменское время. Время беспокойное, без долгих привалов на отдых. Для Саратина оно были годами вдохновенной, целеустремленной работы.

И все же этот необыкновенный для северян ритм и скорости кое-кого (наподобие Кино-шамана) выбили из колеи.

Может, северянину не под силу господствовать над техникой?

Может, он, как психологически, так и биологически, не успевает за стремительным движением техники? Его организм, нервы не готовы еще вынести то, что создано мыслью?

Много Саратин думал о воспитании любви к родным местам. Проблема ли это для северян? Саратин видел, что многие его сверстники, которые вместе с геологами принимали участие в открытии месторождений, строили города, нефтепромыслы и трубопроводы, рано или поздно бросали эту работу и возвращались в родные места, начи-

нали вновь заниматься «делом предков», становились рыбаками и охотниками, хотя заработки здесь во много раз меньше. Что это? Неспособность приспособиться к условиям промышленного производства? Или зов предков?

Деньги... Рабочий на Севере — человек денежный. Получает немалую зарплату. Но для северян, видимо, рубль не играет главную роль, когда заходит речь о том, хочет ли северянин работать на газопромысле или на строительстве трубопровода. Интерес, содержательность труда и его обязательная связь с природой — вот, наверное, самое важное для северянина.

Волнует Саратина и судьба старинных красивых деревушек, расположенных в уютных живописных местах, где рыба плещется, и глухари токуют по весне, и лось выходит к воде, и медведь собирает черемуху. А какие там луга, покосы!..

В таких живописных местах можно организовать не только бригады рыбаков и охотников, но и зоны отдыха, профилактории, пионерские лагеря...

И еще подумалось Саратину: никогда не надо спешить ломать традиционную жизнь, сложившуюся веками. А то и получается вроде Кино-шамана, который от жизни предков ушел и новую жизнь понял как кино, как камлание киномеханика. Сломать легко, построить трудно, вернуть невозможно...

Да, хорошо, что в поселке, в котором живет Саратин, немало городских удобств: водопровод, газ, паровое отопление, телевизор, музыкальная школа, детские комбинаты.

И у Саратина была трехкомнатная квартира в большом двухэтажном доме. Казалось, было уютно, свежо. И детям места хватало. И жена была довольна. Иногда Васильевна, его, Саратина, жена и друг, выросшая тоже в обыкновенном мансийском доме, разоткровенничавшись, радовалась удобствам современной квартиры.

И все же это была «русская квартира», на втором этаже, высоко над землей. Манси — человек земной. К

земле его тянет. На земле он чувствует трепет жизни, как дерево, как трава, как любая живность. К тому же отец Васильевны, Елизоров Василий Михайлович, Манайл-Васька, как звали когда-то манси славного на Оби человека, председателя колхоза, не хотел ехать из своей деревни в поселок к дочери, внукам. «Высоко, — говорит, — живете... а я человек земной». А сыновьям так нужен был дедушка. Саратин видел, как они преображаются, когда запоет дедушка свои любимые мансийские песни, порой сложенные им самим же, а как запоет, «русская квартира» сразу наполняется мансийским миром.

Думал Саратин и о текучести кадров. Не раз спрашивал у себя, у руководителей, почему в геологии, газовой промышленности, в авиации мало манси, ханты, ненцев. Ответ почти всегда одинаков: «Не идут».

Но Саратин сам видел, как в близких колхозах и совхозах, занимающихся исконными промыслами, молодые манси и ханты буквально «дерутся» за места, где применяются новейшие методы труда, механизмы.

Он часто слышал разговоры о повсеместной профориентации в школах-интернатах. Но многое ли сделано на практике? А ведь технические кружки могли бы вести специалисты промышленности, газовики, строители. Да и сам он готов встретиться с учениками, поговорить о своей специальности... Но его никто не звал, а самому как-то неудобно. И все же надо решать эту проблему. И решать таким, как он, Саратин, рабочим людям, государственным людям (а он так себя и чувствовал). Надо, наконец, изжить пассивность руководителей, мнение, что проблема решится само собой, что рано или поздно жители тайги и тундры сами придут на предприятия Большого Огня ледяной земли.

Под высоким кедром, священным деревом предков, на священном кострище горел голубой огонь. Голубой огонь горит в топках рыбоконсервного комбината, горит в огромных печах кирпичного завода. Горит в пекарне, в

столовых, в квартирах рабочих поселков, в избах рыбаков и охотников даже самых дальних деревень. Но то огонь не из дров, а из духа земли — газа. Голубой огонь горит и на мощных электростанциях, на газовых двигателях, где работает Саратин старшим дизелистом, рождая новый свет — электричество. Да, сегодня его поселок весь залит электрическим светом. Сплошное море огней над большой рекой, над тайгой. В его лучах померк звездный огонь неба. Голубой огонь Севера мчится по трубопроводам на Урал, в Центр, даже за рубеж, отсюда, от поселка, где живет Саратин, чтобы согреть, осветить жизнь людей других краев, нуждающихся в животворном тепле. Творцом того тепла, огнедобытчиком чувствовал сегодня себя Саратин.

Сидя под высоким кедром, глядя на огонь, весело играющий на заброшенном священном кострище предков, Саратин думал о сегодняшнем дне. Да, он обязательно должен выступить на пленуме. Должен сказать свое слово. Мансийское слово. Рабочее слово. Веское слово огнедобытчика.

НА КРЫЛАТОЙ ЛОДКЕ

Ты — северянин, коль полна отваги
В злую метель и полярную ночь
И не печешься о собственном благе,
Главное дело — другому помочь.
Знай, что природа Полярного круга —
Ради других и страданья, и жизнь.
Слово за друга и сердце за друга —
Истины этой, как солнца, держись.

Под болотами находится 44,3 процента, под реками и озерами — 6,6 процента и только 3 процента площади округа занимают сельскохозяйственные угодья.

Почти неуловимы очертания равнины. Высота отдельных холмов и водоразделов не превышает 200 метров над уровнем моря. И только в западной, Приуральской полосе, увалы достигают 250—300 метров.

На территории округа находится часть Северного и Приполярного Урала. Он состоит из нескольких параллельных кряжей. Ширина Урала колеблется в пределах 50—100 километров. На Приполярном Урале расположены самые высокие вершины всего Урала: Народная — 1894 метра, Карпинского — 1878 метров...

— А это что за море? — спрашивает меня Михаил Николаевич.

— Это Обь, — отвечаю я.

Он удивленно смотрит на меня, точно я смеюсь над ним. И снова наклоняется к иллюминатору...

Я уже кое-что знал о Сафиуллине. Окончил он Уфимский нефтяной институт. Прошел все «классы» и ступени профессии буровика. Два года проработал на Кубе главным консультантом по бурению месторождений далекого острова. Потом Тюмень...

А я опять привожу факты из географии:

Обь — великая сибирская река. На 1 200 километров протянулась она в пределах Ханты-Мансийского национального округа. И течет спокойно, со скоростью около одного метра в секунду. В половодье разливается как море. Пойма Оби — 30—40 километров, а порой достигает и 60 километров. Весной и летом долго бывает залита водой.

Особенно величественна картина слияния Иртыша с Обью. Там и глаза тонут в воде, и синее небо тонет в воде, и солнце, как рыба, попавшая в сеть, плещется в синей воде... Море — и только! Порой не видно даже берегов.

Наш вертолет словно не летит, а плывет по сини: на небе уже ни облачка.

— Удивительно, сколько солнца! — восклицает Сафиуллин. — Север и солнце. Как-то не вяжется. Внизу, наверно, холодно.

Сосед в шерстяном свитере, пиджаке. Видно, приготовился к встрече с суровым Севером.

— А там купаются? — вглядываясь вниз, спрашивает он.

— Да, — киваю я.

— В ледяной воде?!

...Самая северная точка Ханты-Мансийского округа лежит на $65^{\circ} 30'$ с. ш. (севернее Архангельска на 100 километров), южная — на 58-й параллели (на 220 километров южнее Ленинграда). Относительно жаркое лето (до плюс 35 градусов в июле) и сильные морозы зимой (абсолютная минимальная температура минус 59 градусов в Березове в 1893 году), поздние весенние и ранние

осенние заморозки, быстрый переход от суровой зимы к лету — таковы характерные черты климата округа.

Средняя температура самого теплого месяца — июля колеблется в пределах плюс 15,5—18,7 градуса, средняя температура января — минус 20—23 градуса.

Обь и Иртыш, берущие начало далеко на юге, протекая под палящим степным солнцем, несут на Северного тепла и повышают температуру воздушных масс в долинах рек. Теплая вода и 35 градусов тепла... Разве этого недостаточно для купания?!

Михаил Николаевич не отрывает глаз от земли.

— А где же олени?

— Олени на Урале. К зиме спустятся с гор. Оленеводы каслают.

— Каслают? Что это такое? Шамянят?

— Нет, каслают — это значит кочуют.

...Олени, мои олени! Вы, как снежинки крылатые, летите. Но самолет — крылатый олень — быстрее вас мчится, кони, мои кони! Вы, как искры крылатые, летите, и вас не догнать. Но самолет — крылатый конь — быстрее вас. Интересно, сколько нужно было лун, чтобы проехать край мой с юга на север? Ведь ни мало ни много, а с седого Урала до Енисея протянулся округ наш на 1 300 километров. Много лун надо было. Много солнц нужно было. А сегодня за несколько часов можно долететь до Москвы. Хотя от Ханты-Мансийска — центра национального округа — до Москвы 2 759 километров. И порою бываем даже недовольны такой скоростью. Хочется быстрее...

С высоты птичьего полета смотрю на родную землю. Внизу зеленая тайга, речки, озера, пойма Сосьвы и Оби. Веселой рыбкой забьется сердце: внизу старая мансийская деревня. Сюда я не раз приезжал на летние каникулы. Здесь мой отец работал председателем колхоза. Забыть ли мне этот теплый песчаный берег, смолистый

запах кедров и серебряную гладь воды? Выйдешь, бывало, утром, налево взглянешь: вода блестит — там озеро; направо взглянешь: опять вода — там Сосьва. На узкой песчаной косе выстроились дома. И кедровые деревья стоят. А шишки на кедровых ветках с кулак. На берегу рыбаки тянут невода — в них нежная сосвинская селедка...

Когда-то Михаил Николаевич расспрашивал меня. Теперь роли переменились. Сафиуллин стал лауреатом Государственной премии СССР. Но для меня он, как и прежде, главный буровик Севера. Я обращаюсь к нему с традиционными вопросами, интересуюсь самочувствием, здоровьем, трудовыми успехами моих давних друзей буровиков, многие из которых стали Героями Социалистического Труда.

На смуглом, сухощавом лице Михаила Николаевича прежняя теплота, мягкость. Веет обаянием и от его серых широко раскрытых башкирских глаз. Мне каждый раз он кажется, внешне конечно, больше похожим на спокойного, рассудительного сельского учителя, нежели на руководителя такого сложного и большого коллектива, как буровики Западной Сибири.

Но именно в таком человеке мне видится настоящий деловой человек нашего времени — внимательный, мыслящий широко, масштабно.

Мужеству нашему не удивляйся,
Если в лицо нам — пурга и мороз.
Честности северной не удивляйся —
Кости чужой не затронет и пес.
Жизненной мудрости не удивляйся:
Много сокровищ мой Север припас,
Но сколько в них ты, мой друг, ни копайся,
Мудрость — сокровище главное в нас.

Разведаны запасы нефти и газа тюменского Севера. Это сделано советским человеком, обретающим счастье в постоянном созидании и борьбе с суровой природой. Много вдохновенных и прекрасных песен сложено о человеке-

творце, герое нашего времени. А сколько еще впереди таких песен! Ведь именно трудом этих людей — Судь то на Самотлоре, БАМе или на полях Казахстана и Черномоземья — создается наше настоящее, наше будущее.

— Что это там летит? Лебедь, что ли? — спрашивает меня старый манси, сидящий напротив.

Я взглянул в иллюминатор и увидел обыкновенный самолет. Он летел в сини белой ночи, оставляя за собой серебряный след.

— Слышал ли ты лебяжью песню? Лебедь — птица редкая, как манси. И поет он редко, как манси. Лишь под конец жизни поет лебедь. Кто услышит лебединую песню, у того магический слух. В лебединой песне — заповедь жизни. Если ты услышишь лебединую песнь, остановись, подумай о жизни.

Вглядываюсь в лица моих попутчиков. Знакомлюсь. Учительница, врач, рабочие и служащие газопромыслового управления. Люди разных национальностей. Летим на одном вертолете — будто дружной семьей плывем в одной лодке.

Внизу — море тайги. Петляют речушки и ручьи, сверкая желто-белыми песчаными косами, простираются ржаво-бурые массивы болот со множеством водоемов и негустой пророслью сосенок и карликовых березок.

Весьма своеобразен ландшафт Крайнего Севера. Общая площадь той части земного шара, природные условия которой можно отнести к северным, более 17 миллионов квадратных километров, а проживает на ней 8,9 миллиона человек, в том числе в Советском Союзе на 9,3 миллиона квадратных километров — 6,5 миллиона человек. На долю Севера приходится почти 13 процентов суши земного шара и лишь 0,4 процента населения. Но на этой территории крупные залежи ценных ископаемых, огромные запасы гидроэнергии, леса.

Все это приобретает особое значение в условиях заметного уже на многих освоенных территориях дефицита

ряда природных ресурсов, быстро растущей заселенности обжитых районов земли. Без богатств, взятых из северных кладовых, особенно без северной нефти и газа, уже нельзя выполнять и планы наших пятилеток.

Освоение Севера — проблема первоочередная.

Эту установку партии претворяют в жизнь и такие простые советские люди, как мои попутчики по полету.

Вот рядом со мною сидит совсем молодой человек — Шевцов Анатолий. Восемнадцать лет. Только что окончил Тюменское техническое училище, специальность — дизелист-моторист буровых установок. В нефтеразведочной экспедиции познал он начало трудовой деятельности. Сейчас летит в Березовскую нефтеразведочную экспедицию.

— Там, внизу, проходит газовая река. Будем бурить новые скважины, — говорит, сияя глазами, Толя Шевцов. — С Надыма, Уренгоя течет наша газовая река...

Внизу — газопровод. Его трасса больше похожа на тракт. Чернеют трубы. Болота. Лес.

— У стального коня два длинных хвоста. Что это такое? — лукаво спрашивает меня старый манси.

— Трубовоз, — отвечаю я.

По тракту ползут трубовозы и тягачи.

Волшебная вода бежит
В железных берегах.
Железные берега лежат
В зеленых мхах.
Бежит та вода
Горит та вода...
Скажи-ка, дружок,
Что за вода в железных берегах течет?
Почему ей такой
Особый почет?
Золотой рекой ее величают.
Тюменской нефтью называют.

— Эту золотую реку вот уже который год мы возводим с неба, — включается в разговор Владимир Алек-

сандрович Зайков, командир Березовского авиапредприятия, летчик.

Владимир Александрович давно живет на Севере. Годы работы на Севере — своего рода аттестат, свидетельствующий о том, что человек выдержал испытание на стойкость. И, пожалуй, прежде всего это относится к авиаторам Тюменской области.

Тюменская область с севера на юг протянулась на две тысячи километров, с запада на восток — на тысячу триста. Авиация — жизненная необходимость, единственный круглогодичный транспорт Севера. Сначала только на оленях шли по тайге и тундре геологи. Потом появились знаменитые Ан-2, затем вертолеты. Главными первооткрывателями Севера рядом с геологами были авиаторы. Авиатор сегодня — и каюр, и геологоразведчик, и добытчик огня.

Чем дальше глубокая разведка уходит от баз, тем большая часть работы приходится на долю вертолетов. Они доставляют на буровые вахты продукты, запасные части, горючее. Вертолеты помогают и при прокладке магистральных трубопроводов. Их теперь именуют уже трансконтинентальными: они подают газ и нефть не только в центральные области страны, но и за рубежи нашей Родины. «Летающие вагоны» Ми-6 доставляют трубы большого диаметра на самые труднодоступные участки.

Березову выпала роль главного «перевалочного пункта» на подступах к новым, более богатым промыслам Надыма и Уренгоя, от которых теперь тянутся нити газопроводов.

Березовский аэропорт работает круглосуточно. Авиапредприятие выполняет и перевыполняет свои ежегодно возрастающие планы.

Авиаторы тушат пожары и летают на санзадания. Работают с лесниками, охотниками, рыбаками.

Беседую с Леонидом Яковлевичем Федотовым, заместителем председателя рыболовецкого колхоза. Он живет

в хантыйском селе Полноват. Естественно, мы говорим на хантыйском языке. Леонид Яковлевич для меня человек государственный. Бригадир рыбодобычи. Коммунист.

Глаза у Леонида Яковлевича чуть раскосые, с лукавинкой. Голос негромкий, немного с иронией.

— Хорошо, что в наше село прилетают крылатые олени — вертолет, самолет. Время значительно экономится. Раньше, чтобы проехать 60 километров от Березова до Полновата на оленях, на лошадях, на лодочке, нужно было не меньше дня, а то и сутки ехать. А теперь пятнадцать минут — и ты дома. Только крылатый олень очень дорогой для колхоза. Особенно вертолет.

— Почему? — удивляюсь я.

— Рассуди, друг, по-государственному. Ми-8, например, в час обходится в 650 рублей. Даже если он привезет рыбу, и то какая цена той рыбе! А часто ведь нужно слетать по менее важному делу. Авиаторам неважно, впустую слетал или что-то привез, — вынь да положь денежку... А ведь совсем недавно здесь трудились работяги неба — Ан-2. Зимой на лыжах приземлится где угодно, летом на озере приводнится. И стоил сравнительно дешево — 110—120 рублей в час. И бензину он сжигал в десятки раз меньше.

И я думаю:

Хорошо.

Олень — хорошо.

Самолет — хорошо.

Солнце светит — хорошо.

Хорошее идет к хорошему.

Хоршее и снег не занесет,

Вода не смоег.

Хорошее не забывается,

Как и самолет Ан-2.

Хорошее не умирает,

Хорошее вновь рождается,

Как солнце,

Как олень,

Как самолет.
Хорошо,
Когда всем хорошо!

Недавно я получил одно письмо. Строитель с Севера И. Тихонов пишет:

«Приветствую Вас, дорогой поэт!

Так уж получилось, что впервые в жизни мне посчастливилось побывать в Сибири тогда, когда годы мои уже покатались под гору. Но, как говорили старые россияне, лучше поздно, чем никогда. Тем более что нам, неисправным странникам, давно уже наплевать, на ж.-дорожное расписание.

Родиной своей считаю Вологду. Хотя я и там жил только наездами. Все время основное было отдано различным новостройкам, включая и восстановление Ташкента.

Сейчас наше СМУ-5 подготавливает площадку для нового строительства. Работы впереди — море и еще целый Северный Ледовитый океан! Но!.. Куда теперь деваться «боярам-глухарям», лопасторогим, серебробоким?

За рыбной речкой Нягань
Поселок вырос Нях.
Бродила топь, как брага,
В брусничных топких мхах.
Под полог хвойной мари
Укрылись до зари
Пудовые бояре —
Красавцы глухари.
И видишь метров за сто,
Как прут к ключам, в лога
Размашисто, лопасто
Лосиные рога.
На станции, известной
Стране с недавних пор,
Заводят свой железный
Вагоны разговор.
Мы знаем все, что скоро

За Нягань и за Обь
Большой нефтяный город
Спахнет и марь, и топь.
Расправит город плечи,
А птиц и обезьян
Нам будет каждый вечер
Показывать экран.

Меня поразила здешняя осень. Отлили свое надоед-
ные, затяжные дожди, и установилось такое ярко и пла-
менно отчеканенное бабье лето, что, кажется, само небо
разинуло рот — ни облачка пятый день. Хорошо ханты-
мансийское Приобье!

Силен муксун! До пуда весом
Любимый выгулень Оби,
То стрежень режет ярим бесом,
То, как топляк, лежит в глуби.
А на сорах, по-над затиной,
В протоках тихих, как печаль,
Сентябрь, поклонник тем старинных,
Последней стаей лебединой
Свою венчает пастораль.
Поводит в чаще ухом чутким
И стонет лось — начался гон.
Вот-вот с жировок сонных утки
Сорвутся лебедям вдогон.
Гляжу на все — не наглядеться,
Дышу в тайге — не надышусь.
Мой золотой подарок детства —
Бескрайне северная Русь.

Любопытное дело. Я столько слышал о Приобье от
своих однополчан (служил вместе с ними на Брянщине),
что мне сейчас кажется, будто я прибыл в места, кото-
рые давным-давно знаю».

Думаю о личности северянина. Сегодняшнего северя-
нина, моего современника. Север любит людей сильных
духом, мастеров в истинном смысле слова. Первопроход-
цы — это не просто романтическое слово. За ним — тяже-

лейший труд. Прокладывать путь для других, строить города, добывать огонь земли в необжитом, бездорожном крае непросто. И никакие не романтики — работники нужны Северу. Люди, умножающие богатства, нужны Северу. Кто умеет любить и ценить нетронутую природу, тот сегодня нужен Северу!

Но не раз и не два мне приходилось видеть и тех, кто приходил сюда «за туманом и запахом тайги». Они не задерживаются долго на Севере. Но они есть.

Беседую с Николаем Павловичем Барышниковым, третьим секретарем Березовского райкома КПСС. Молодому секретарю предстоит большая работа.

— Добыть огонь земли нелегко. Особенно трудно высекать его на Севере, — говорит он. — В свое время москвичи, ленинградцы, киевляне проявили инициативу помочь тюменцам в ускоренном сооружении городов, дорог, объектов культуры... Теперь сами тюменцы выступили с патриотической инициативой. Хорошо бы всенародному шефству дать новый импульс. Важно, чтобы вовремя и с высоким качеством выполнялись заказы тюменцев...

В дни работы XXVI съезда КПСС с его трибуны не раз звучали слова: Тюмень, Уренгой, Западная Сибирь. О них говорили как о местах, где решаются судьбы новой пятилетки. Прочными нитями дружбы связаны эти районы с городом Ленина. Сколько ленинградцев трудится на важнейших стройках Западной Сибири и Севера! Сколько делается для этих промышленных и строительных объектов в городе на Неве!

На тюменском Севере работают газоперекачивающие агрегаты, компрессоры с маркой ленинградского производственного объединения «Невский завод» имени В. И. Ленина. При активном содействии ленинградцев возводится Новый Уренгой — город работников самого крупного в мире газового месторождения.

Беседую с Аркадием Шазновичем Тэвьяном, архитектором. Тема нашей беседы — молодые города тюменско-

го Севера — Уренгой, Надым, Сургут. Как их застраивать в одиннадцатой пятилетке, в каких квартирах будут жить добытчики газа и нефти...

— Более пятнадцати лет прошло с начала возведения первых городов на севере Тюменской области, в Приобье. Накоплен некоторый опыт, он позволит не повторять ошибок первых лет, — говорит Аркадий Шаэнович. — Наша задача — более точно учитывать в архитектуре новых городов северную природу и климатические условия. Надо создать человеку условия, при которых воздействие неблагоприятных факторов окружающей среды было бы минимальным.

Проект застройки городов тюменского Севера существенно изменился. Так, если раньше общественный центр, как в большинстве городов европейской части страны, располагался вдоль главной улицы, то теперь — в закрытом со всех сторон зданиями, плотно застроенном районе, где примыкают друг к другу магазины и кинотеатры, клубы и спортивные залы, другие общественные объекты. Здания сложной конфигурации расположены так, чтобы служить защитными экранами при господствующих ветрах. Чтобы войти в подъезд, приходится открывать последовательно четыре двери — тройной тамбур обеспечивает надежную теплоизоляцию. С лестничной площадки попадаешь в общую прихожую для двух квартир, где можно снять намокшую верхнюю одежду и повесить в сушильный шкаф, переобуться. Дальше — своя прихожая, собственно квартира. Она просторнее обычных, так же как и все другие подсобные помещения: общая площадь по сравнению с нормами увеличена на десять процентов, выше стали потолки.

На домах появились балконы. До сих пор это считалось нерациональным — из-за постоянных снеговых заносов пользоваться балконами можно примерно два месяца в году. Но проектировщики предусмотрели остекление, и жилье стало комфортабельнее. Для поддержания в новых

зданиях нормальной температуры даже при пятидесятиградусных морозах расходуется столько же топлива, сколько и в обычных домах в европейской части страны. Это достигнуто благодаря применению трехслойных стеновых панелей, тройному остеклению окон, наличию теплого чердака: сюда, а не прямо в атмосферу поступает отработанный воздух из вентиляции.

Какими будут эти города на самом деле? Смогут строители превратить в реальность добрые планы, проекты? Все зависит от нас, от людей, от отношения к делу, к работе...

Сколько времени прошло с того момента, как закончил свою работу XXVI съезд КПСС? Но как много уже сделано за этот период! И с особенным чувством уверенности в прекрасном завтра я мысленно встречаюсь с друзьями, людьми, творящими своими руками наше будущее. Мне хочется поговорить с ними о главном — о жизни, о мире, о земле.

Комсомольцы института Гипроспецгаз поехали в Уренгой и там разработали условия соревнования. Молодые ленинградцы обязались за счет хорошей организации труда выпустить проектно-сметную документацию линейной части газопровода Уренгой—Надым на три дня раньше срока. А бригада плетевозчиков Алексея Дергача приняла обязательство вывезти на трассу двадцать пять километров плетей труб вместо двадцати по плану.

Комсомольско-молодежный коллектив сварщиков-монтажников взялся сварить сто двадцать километров газопровода вместо плановых ста десяти.

В первом же рапорте о результатах соревнования ленинградских проектировщиков и северных строителей сообщалось, что на участке Уренгой—Петровск, спроектированном молодыми специалистами ленинградского института Гипроспецгаз, силами комсомольско-молодежных коллективов сварено сто двадцать два километра газопроводов.

Комсомольцы мечтают расширить содружество, подключив к шефству молодежь предприятий, изготовляющих оборудование, строительных организаций, возводящих города, комсомольцев, работающих на компрессорных станциях.

На Севере и в Ленинграде я увидел у людей много общего — понятие чести и достоинства.

Древние это понятия — честь, достоинство. Не прежде ли изобретения каменного топора обнаружил в себе человек одобряющее, трудно выразимое словом чувство отношения друг к другу?

С седых веков люди учились преодолевать препятствия, которые их разделяли. Ехали друг к другу на оленях, преодолевали великий снег, прокладывали железные дороги, наводили через реки мосты. Но наиболее трудным (наверное же, это так!) было навести мосты между сердцами народов.

Сколько же сил потребовалось, чтобы создать великую семью народов, которая каких-то шесть десятков лет назад состояла из племен разноязычных, с разными обычаями и традициями, исповедывавших разную веру, стоявших на разных ступенях общественного развития! Ведь свежи в памяти стариков времена, когда народы враждовали между собой. И вражда эта не только не гасилась, а всячески подогревалась самодержавием. Лучшие умы человечества мечтали помирить людей, народы, объединив их в дружное сообщество. И это — на диво всему человечеству — стало возможным в СССР.

Интернациональное единство советского народа находит свое яркое выражение в развитии экономики Советского Союза как единого народнохозяйственного комплекса: Ленинград, Север, БАМ, Саяно-Шушенская ГЭС...

Советский человек, воспитанный партией в духе интернационализма и патриотизма, не замыкается в той среде, где родился, рос, учился. Он всегда там, где нужнее Родине, народу. Никого не удивляет, что сегодня мы встре-

чаем узбека на стройках российского Нечерноземья, грузина — на прокладке Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, ленинградца — на Крайнем Севере, русского — в знойных песках Каракумов. Чувство семьи единой присуще каждому гражданину Страны Советов.

— Что быстрее быстрого? — спрашивает северная загадка.

— Самолет. А еще ракета, космический корабль.

— Нет, нет. Что быстрее быстрого?

— Быстрее быстрого — мысль!

Пусть быстрее быстрого будут наши добрые мысли!..

Летишь на крылатой лодке, любишь землю. И вдруг вздрагиваешь, сердце сжимается и, кажется, падает. Там, над обрывом, стоит родной кедр. Наклонив трехсотлетнюю голову, в глубоком раздумье мой кедр стоит. Давно я под его могучей кроной не был, чаще над ним летаю. Давно не сшибал с его ветвей смолистых шишек, орехи не щелкал.

— Ко мне веками ходили за смолой душистой да за орехами сладкими, — слышу его голос шелестящий. — Теперь вокруг меня с топорами ходят, норовят вырубить.

— С молитвами ко мне ходили, песнями наслаждался я, — слышу голос его шелестящий. — Высоко летаешь, сын мой, далеко летаешь, сын мой, останови железную птицу, сын мой, походи вокруг, сын мой, помолчи над моими ветвями, сын мой.

А железная лодка несет меня дальше.

— Найду, найду время! — шепчу я кедру.

Найду, найду время. И приду к тебе, как в детстве.

Найду, найду я время, похожу вокруг тебя без топора острого, но со своими словами.

Найду, найду я время, посижу под твоей могучей кроной, но не с молитвой древней, а с глубокой думой.

Пощелкаю орехи и скорлупки не разбросаю. В память о тебе уроню случайно орешек. И шепну: «Расти, мой сын, расти!..»

Летишь на крылатой лодке, любишь землю. Там каждая протока шепчет сказки, навеивает сны детства. В этом озере ловил сетями сырца. А на том плесе убил первую утку.

Пори-Посал — зовут эту протоку манси. Странная река! То течет в одну сторону, то в другую. Когда на Оби большая вода, она течет к Сосьве, когда в Сосьве большая вода, течет обратно в Обь. Может быть, такие реки еще есть в мире, но для меня она единственная: на ее берегах я родился. А у этой излучины, в зеленовато-голубом бору, похоронена мать.

А на том мысе с высоким белеющим обрывом — деревня Ванзетур. Там жил мой отец. Эх, знали бы вы, какой там пологий песчаный берег и какая теплая вода!

Сосед смотрит на меня. О чем он думает?

— А где Пунга?

— Это там, в тайге, за Игримом. Недалеко...

Он вглядывается в горизонт, где синь неба сливается с дымными глазами озер, с осетровой спиной тайги.

— Недалеко! Я уже знаю ваше сибирское «недалеко»: час лети, два лети, семь лети!..

И снова его лицо у иллюминатора.

Со всех концов света к нам едут. Города, газопроводы, железные дороги ждут строителей.

Наш вертолет парит над синей тайгой. Его крылатая тень то купається в серебряных блюдцах озер, то скользит по песчаным отмелям реки, где чернеют утки и гуси, то летит по зелени леса рядом с тенью лебединой стаи. Лебеди машут белыми крыльями. Вертолет железно гудит. И я не слышу курлыканья лебедей. Но ясно вижу взмахи их могучих крыльев, на которых, по преданиям, на Север прилетает весна.

От Кольского полуострова до Чукотки — синяя весна, природа пробуждается от спячки. Я думаю о сотворении чуда, которое произошло на этом безмолвном пространстве за последние десятилетия.

БОЛЬШАЯ РЫБА

Качайся, колыбель —
Ладья святая.
Расти, моя надежда,
Зла не зная.
Хочу, чтоб стал ты рыбаком,
Мой сын.
Достоин этот промысел мужчин.
Осетр — еда богов.
Ставь осетрину
На свой рыбацкий стол —
На середину.
У рыбака заветная мечта —
Тянуть своей удачи невода.
Качайся, колыбель,
Тайга, качайся.
Судьба моя земная, не кончайся.
Умру — слезу живую урони,
Меня на землю первенцем верни.
Качайся, колыбель,
Волна, качайся.
Судьба моя земная, не кончайся.
К тебе готов вернуться осетром,
Лишь будь, мой сын, умелым рыбаком.
Качайся, колыбель моя, качайся,
Качайся на земле.
Земля, вращайся.
Живи, трудись, охотник, рыболов,
И я в тебе переживу богов.

Вода и небо. На небе ни облачка. Вода как зеркало.
На ее глади и голубое небо, и ветви деревьев, стоящих
по колено в воде.

Утки, вылетающие из-под носа нашей лодочки, возвращают меня в тишину большой воды, которая когда-то баюкала меня.

Давно я уже не ощущал такой тишины. На крылатых лодках качается моя жизнь, на шумных колесах катится.

И вдруг — тишина. Волшебная тишина. И легкая лодочка-калданка. У меня в руках легкое, как перышко, весло. У дяди Паяла такое же весло. Мы плывем на лодке, беседуем.

— Скоро наступит осень, а вода еще большая, — сказал старый манси Паял. — Раньше я любил весну. Утки прилетают. Крылато все кругом. Теперь вижу: и осень — пора хорошая. Закат. Грустно. А хорошо! Увядает все. Печально. А хорошо! И хотя слух уже не тот, как в юности, а слышишь, кажется, больше. Тишина осени, что ли, обостряет слух, не знаю. И глаза не те, что в юности. А видишь, кажется, больше. Разве зорче стал глаз? Наверное, нет. Зорче ум стал. И как-то по-особому относишься к улыбке ребенка, к доброму слову товарища, к жизни, полной забот и труда.

Наша калданка легко плывет между зибунами. На моторе тут не проедешь. Зибуны — маленькие островки, поросшие травой и мелким кустарником. Они имеют ту особенность, что уровень их всегда одинаков с уровнем воды в реке. Если вода в реке поднимается, поднимаются и они; если опускается, вместе с водой опускаются и островки. Зибуны — излюбленное место диких уток и гусей. Здесь они вьют гнезда и выводят птенцов. Здесь и ондатры шныряют. Однажды даже осторожная выдра показала свою прекрасную шкурку...

Еще с весны в пойму реки слетается все пернатое царство выводить детенышей. Здесь, в густой высокой траве, окаймленной со всех сторон желтым тальником, скрывается оно до осени от орлов, ястребов и других хищников. И человеку тут не так-то просто проехать. Если только на калданке, такой, как наша лодочка...

По утиному, гусиному, звериному миру плыли мы.

— Ты, наверное, думаешь быть вечно молодым, — продолжал Паял. — И я когда-то так думал. Но однажды, возвратившись с большой охоты, я заметил в доме некоторую перемену. Нет, ничего особенного не изменилось. Все на своих местах: жена, дети, вещи... Только мои глаза... они вдруг увидели то, чего раньше не замечали. Вот жена. Будто впервые вижу. Ее печальные глаза, улыбку, руки. Руки с набухшими венами. Дети, корова, лошадь, собаки... весь дом держится на этих мозолистых женских руках...

Взглянул еще раз на жену. Сердце сжалось. И я в этот момент испытал необычайное чувство. В нем было все: и любовь, и жалость, и смутная вина, и страх перед необратимостью жизни. Наверное, в эти мгновения я почувствовал себя впервые зрелым человеком.

— А что такое зрелость?

— Зрелость... Это когда человек начинает чувствовать причастность к солнцу, воде, земле. Когда он испытывает ответственность за все в мире.

В траве что-то зашелестело. Миг — и перед нами показался целый утиный выводок. Но, прежде чем мы смогли ими полюбоваться, они шумно побежали по воде, рассыпая серебряные брызги. Еще мгновение — и они растаяли в зелени очередного зибуна. Лишь мать продолжала лететь впереди нашей лодки: вечной материнской хитростью заманивала нас подальше от своих деток...

— Вишь, она какая мудрая? — говорит дядя Паял. И мне кажется, что глаза старого манси с добротой смотрят на меня, и на реку, и на мир.

Вдруг в воде мелькнула какая-то тень. Я взглянул вверх. Вижу, сокол летит.

Птичий хор утихает,
Когда он летит.
Утки в травах цепенеют,
Когда он летит.

Даже гуси замирают,
Когда он летит.
Крылья острые, как сабли,
А глаза, как стрелы,
А над глазами — желтый круг,
В остром клюве — острый зуб.
Серо-сизая гроза —
Соколиная атака.

— Сокол, — произнес с грустью дядя Паял, — когда-то и я был соколом.

Дядю Паяла помню с самого детства. Только забыл, когда он уходил на фронт. А вот каким он вернулся с войны, помню. Привез он костыли и много медалей, и среди них была медаль «За отвагу». Тогда я впервые услышал мужественное слово «отвага». Оно ассоциировалось со словами: Москва, Курская дуга, Орел, Мценск. Мне еще не довелось побывать в этих местах. Но все время кажется, что я тоже прошелся по ним с оружием в руках, как славный мансийский человек Паял Самбиндалов, воин, охотник, рыбак...

Теперь нашу калданку стал сопровождать какой-то куличок. Маленький, невзрачный, а кричит на всю округу...

Куда ты летишь, кулик?
Зачем ты кричишь, кулик?
Живем по законам предков:
Малюток твоих не тронем.
Куда ты летишь, кулик?
Зачем ты кричишь, кулик?
Или хочешь ты весть
Первым в деревню принести,
Что по тихой зеркальной воде
Лодка наша плывет?
Куда ты летишь, кулик?
Зачем ты кричишь, кулик?

— Беспокоится кулик. Кричит. О детях своих беспокоится. Не бойся, глупая, моего ружья. По закону предков живем: летом дичь не трогаем... А ружье? Так оно

так, для важности... Соколом хочется чувствовать себя. В любом возрасте...

И я вспомнил «Зов охотника», услышанный мной впервые на «Медвежьем празднике» в доме Паяла.

Эй, звери и зверьки!
Быстроногие, пушистые,
По деревьям ползающие,
По долинам да равнинам бегающие,
По распадкам да ложбинам бродящие,
С верховьев рек согнанные,
Равнинные и горные.
Звери и зверьки,
Поиграем с вами в игрушки,
Не проходите мимо
Моей ловушки.

Время от времени Паял останавливался у некоторых деревьев, стоящих в воде, и вытаскивал оттуда черканы-ловушки, поставленные на горностая еще зимой. В этой пустынной глуши он был как дома. Каждый ствол дерева был ему знаком, каждое дупло...

— Извини, друг, не успел убрать весной. Тяжело заболел. Ловушки остались... Грех, конечно. Ну что поделаешь — жизнь есть жизнь. Охотой мы живем. Рыбалкой мы живем. Мы, северные люди, ловцы. А знаешь, охотники, рыбаки живут по законам предков, законами природы.

Паял смотрел куда-то вдаль. В глазах его с прищуром отражалась какая-то тайная дума. Печальная, упорно сосредоточенная дума. Отгоняя комаров, дядя Паял говорил:

— Вдумаешься хорошенько в природу, приходится согласиться, что она близка к человеку. Как мать, отец. Кровное что-то есть в ней. И таинственное... Посмотри, какая благодать! Вижу, последнее время люди стали терять не только святость отношения друг к другу, но и просто широту души, вот как эти водные простеры...

Калданка наша плыла неторопливо между зибунами. Паял запел песню. Свою песню, свою думу. Он пел о нашей лодке, о воде, о солнце. И пение его тихое, какое-то надорванное. Тянет одну ноту, то понижая, то повышая голос. Потом вдруг оборвет песню на полуслове. И в глазах его тихое, чуть ли не скорбное выражение. И губы его дрожат, будто ему заплакать хочется. Но слезы только в горле. В глазах их нет. Разве может плакать старый, суровый рыбак-манси перед глазами большой воды?!

Вдруг исчезло солнце. Темные лохматые тучи принесли откуда-то внезапно, как это часто бывает на Севере. Небо и вода заволновались какими-то своими страхами. Потемнело небо, потемнела вода. Подул ветер. Заиграла рябью вода. Я вынужден был надеть куртку, кепку. А дядя Паял, как сидел раньше на корме калданки, так и не переменял позы. И старый, поношенный китель его оставался расстегнутым. И ворот рубахи расстегнут. Капли дождя, как стрелы, били нас. Над головой вспыхивали огненные молнии. Гром ревел разъяренными медведями. И лодка наша, гонимая ветром, закачалась.

Я смотрел на дядю Паяла и дивился. Весь промокший, посиневший от холодного дыхания ветра, он по-прежнему сидел на корме калданки, стараясь направить лодку в нужном нам направлении к какому-то более сухому островку. Он внимательно всматривался вперед, где синел небольшой остров с островерхими елями...

Мы пристали к острову. Вортумп — лесной остров — таково название нашего пристанища. Когда я обычно проплываю по Сосьве на теплоходе, то всегда издали гляжу на этот остров. С каким-то особым, щемящим сердце чувством. Сколько помню дядю Паяла, столько помню этот островок, возвышающийся над тальниковой поймой слившихся здесь вод Оби и Сосьвы. В половодье это единственное «сухое» место на десятки километров, где зверье — лоси, зайцы, лисицы — находит пристанище и

спасение. А еще здесь когда-то был охотничий стан моего дедушки.

Помню, стан состоял из лесной хижины, поставленной на очень низком срубе, с бревенчатой крышей, засыпанной сверху землей. Посреди крыши — отверстие для дыма. В центре хижины — костер. Недалеко от того жилья возвышался сумьях — избушка для хранения мяса, рыбы, шкур. Не только мыши, но и россомахи и медведи не могли взобраться на нее, потому что стоял сумьях на двух ногах — на гладко обструганных толстых столбах елей, срезанных на высоте трех метров от корня...

Помню, хижина состояла из одной большой комнаты с земляным полом. Возле стен по земле были разостланы доски. На них спали. Старые олени нарты, лыжи, прислоненные к стене, железные заржавевшие капканы, олени рога, берестяные туески, несколько толстых обрубков для сидения...

Всего этого мне больше не пришлось увидеть. На берегу теперь валялись пустые консервные банки, бутылки. Кто-то попытался срубить даже одну из елей. Но не смог. Видно, толстой, могучей оказалась ель. Стоит, к счастью...

Мглистое, пасмурное, грозное небо вдруг вновь распахнулось. Над водой, надо всей поймой вспыхнуло солнце. И две радуги, яркие, живые, круглые, стали рядом. Хотя этих рек не видно с острова Вортумп, но я знаю, это воды, кругом воды слившихся воедино рек Сосьвы и Оби.

Солнце опять сияло. И вода сияла светом полудня. А радуги стояли полные света, красок, многоцветия жизни...

На острове мы были недолго. Попили чаю — и снова в лодку. Лодка наша стояла у крохотного ручейка, вытекавшего точно из-под земли. Берег у ручейка был светлым, песчаным. На дне его видны камешки.

Всмотревшись попристальнее, в глубине ручейка я вдруг увидел тени рыб. Одни из них были маленькие, другие побольше. В одних я без труда узнал красноперых чебачков. Других не мог распознать. Последние упорно держались у песчаного берега с камешками. И каждый раз, когда над водою проносилась какая-нибудь мушка, стрекоза, они с замечательной ловкостью схватывали их и скрывались в глубину, оставив на глади воды чуть заметный кружок.

— Что это за рыба? — спрашиваю я дядю Паяла.

— Хариус. Водится она обычно в нашей таежной речке. Спустилась, наверное, на лето. Мало ее здесь в Сосьве, не то что сырок. — И я узнаю кое-что о хариусе, редкой рыбе, которую манси называют «товлын-хул» — «крылатая рыба».

По многим своим признакам хариус близок к лососевым. Объединяет их и любовь к рекам с чистой прозрачной водой и быстрым течением. Но хариуса легко отличить по огромному спинному плавнику, который у самцов в прижатом состоянии достигает хвостового. Спина его обычно серовато-зеленая с черными пятнышками, бока — светло-серые, брюхо — серебристо-белое.

Благодаря мощному спинному плавнику хариус без труда преодолевает высокие пороги: выскакивает из воды иногда на полтора-два метра.

Нерест обычно приходится на июнь. Для этого рыбы выбирают ровные плесы с умеренным течением. Икру откладывают на крупный песок, гальку, камни.

Хариус питается исключительно животной пищей. Основное «меню» — личинки и насекомые: деснянки, поденки, комары, а также рачки-бокоплавки и моллюски.

Иногда можно наблюдать интересное зрелище. Хариус выпрыгивает из воды, играя на солнце широким плавником, и на лету ловко хватает мошек и комаров.

— Комаров и мошек не будет, и рыбы не будет. Такой закон есть в природе. Знай.

Мы плывем смотреть сети.

— Вот тут моя сеть стоит. — Старик подворачивает к кустам камышей и прижимается к высокому шесту. Поплавков я не вижу, все затонули. Дядя Паял отвязывает от шеста тетиву. Сеть тяжело держать в руках.

От изумления я цепенею. В каждом метре полотна набилось множество сырков, крупных, сияющих живым серебром.

Есть что-то странное в характере старого манси. Добродушным назвать его нельзя. Но он как-то особенно чувствительно-справедлив. Над водой кружится чайка. То одна, то другая падает стрелой на зеркальную гладь воды — и снова в небе парят. Парят с добычей в клювах — с живой трепещущей рыбой...

— Смотри, рыба как играет! Давно ей пора в верховья Сосьвы, а она еще здесь.

О рыбе я думаю. Без рыбы нельзя жить манси. «Рыбы не будет, манси не будет. Рыба будет — жизнь будет». Так старые манси сказывали. В последние годы в нашей Сосьве появилось много рыбы. То ли другие реки, впадающие в Обь, стали грязнее, то ли большая вода помогла, то ли рыбоводы развернули деятельность, не знаю. Рыбы много. Хорошо!

Но вот что огорчительно. Привезут, бывало, рыбаки на плашкоут сырка. Приемщики смотрят, какая рыба. Если муксун — сдавай, щекур — сдавай. О сосьвинской селедке, нашей золотой рыбке, и говорить нечего — с руками, ногами отхватят. А сырка не хотят брать. И плашкоут будто полон. Некуда, мол. И льда, и соли не хватает. А то просто прямо скажут: «Сырок — черная рыба». Бывали случаи, когда рыбаки тоннами закапывали эту рыбу в землю.

В энциклопедии о сырке написано так: «Сырок... Так называют в Сибири пелядь, рыбу из рода сигов... Длина до 50 см, весит до 2 кг. Водится в бассейнах рек Северного Ледовитого океана. Акклиматизирован в озерах евро-

пейской части СССР. Объект промысла и рыбоводства».

— Ты мне скажи, с каких это пор сырка, нежнейшую рыбу, стали называть «черной рыбой»? — заговорил снова дядя Паял.

За разговором время летит быстро. И плесы, кажется, становятся короче. Скоро мы подъехали к берегу Сосьвы, на «сележный песок», где рыбаки сосьвинскую селедку ловили.

Рыбаки вытащили невод. Черной рыбы в мотне было много: щуки, чебаки, окуни, язи. Среди них и нежные нельмушки, слабо шевеля хвостами, беспомощно раскрывали рты. Пятнистый налим лежал неподвижным полешком, вода длинными слизистыми усами. Змейкой извивалась узконосая стерлядка. Полосатый окунь пучил янтарные глаза. Крупные ерши, широко раскрыв рот, сердито топорщили колючие плавники. Среди этой пузатой мелочи трепетало живое серебро Северной Сосьвы — сосьвинская селедка.

Сосьвинская сельдь... В науке ее называют тугунком. Ценнейшая сига́вая рыба. Будто маленький муксун, самый нежный в мире муксун. Не напрасно же манси называли ее золотой рыбкой!

Тугунок — сосьвинская сельдь — встречается во многих притоках Оби. Но больше всего ее в Северной Сосьве. В других приуральских притоках Оби значительно меньше, и даже вкус этой рыбы здесь чуть другой.

Сосьвинская сельдь живет мало — до трех-четырёх лет — и становится половозрелой в полуторагодовом возрасте. В это время она наиболее вкусна. На Северной Сосьве промысел ее начинается, когда рыба выходит из соров и поднимается вверх по реке к местам нереста и зимовки. Ловят ее закидными неводами длиной 120 метров. Наиболее высокие уловы были в 1933—1939 годах. Тогда они составляли до четырех тысяч центнеров ежегодно. В последние же годы промысел пошел на убыль.

Чем объясняется снижение уловов? Уменьшением запасов этой рыбы? Слабой интенсивностью промысла? Или другими причинами, вызванными развитием нефтяной и газовой промышленности?

Развитие промышленности, конечно же, сказывается на рыбных запасах Сосьвы. Через Березовский район проходят крупнейшие газовые магистрали, берущие начало на месторождениях Заполярья. По ним течет тепло Уренгоя, Медвежьего, Надыма... Начато строительство трансконтинентального газопровода Уренгой—Ужгород, энергия которого пойдет в ФРГ и другие страны Европы...

Трансконтинентальные газопроводы пересекают многие реки, в том числе и Северную Сосьву. И осенью, когда вода спадает, рыба не может их перейти из-за шума электрического поля, не может доплыть до своих «зимовальных ям», до места нереста... И идет она теперь в Ляпин, приток Сосьвы. Но в Ляпине находятся места зимовки сырка (пеляди), муксуна, сига. Этим рыбам пришлось потесниться и благородно уступить часть «своих мест» сосьвинской сельди.

Наверное, строителям трубопроводов надо было поискать другое инженерное решение. Например, поднять трубы выше или, наоборот, опустить глубже в землю. Ведь сосьвинская сельдь нужна всем: и строителям, и газовикам, и нефтяникам, и коренным жителям Севера.

Снижение уловов объясняется и слабой интенсивностью промысла. В 1935—1939 годах на Северной Сосьве при промысле тугуна применялось 120—130 неводных звеньев. В послевоенные годы этому улову почему-то не стали уделять достаточного внимания, количество неводных звеньев уменьшилось во много раз. Местное население остается в стороне от промысла. Руководители рыбокомбината предпочитают приглашать на лов рыбы городских жителей... Но много ли поймают «сезонники»? Весной приедут, осенью уедут.

— Рыбы много. Приходится работать день и ночь.

Плашкоутов у рыбокомбината не хватает. Стараемся принимать рыбу у «своих», — не скрывая, заявляют они.

— Кто свои? — интересуюсь я.

— Закрепленные за нами рыбаки рыбокомбината и Березовского коопзверопромхоза.

— А остальные как?

— А как хотят. Наше какое дело. Пусть начальство думает.

«Свои» были тут же. В бригаде их пять человек. За две последние недели сдали три тонны рыбы. Сосьвинской селедки только пятьсот килограммов. Остальное — «черная рыба» — сырок. Бригада эта приехала на месяц. По договору. Все работают на Большой земле в городах.

«Неопытные ловцы», — думаю я. Оправдывают ли они дорогу, которую оплачивает рыбокомбинат? Стоит ли эта затея таких больших затрат государству? Не численность людей в этом деле нужна, а мастерство.

Помню, дядю Паяла когда-то называли мастером улова сосьвинской селедки. Еще задолго до путины приглашали его в Березово, на рыбокомбинат. С ним советовались. Он помогал насаживать невода, учил молодежь. А во время путины не знал передышки: рыболовный поселок у деревни Малеевки превращался в своего рода лабораторию. Здесь начинался первый улов. И по вылову судили о количестве и качестве золотой рыбки в данный сезон. Гордился дядя Паял высоким званием мастера. И хотя давно уже на пенсии, считал себя «служащим мастером». И руководство комбината тогда считало так же. Не случайно к столетию В. И. Ленина вручили главному мастеру Юбилейную ленинскую медаль. И гордится дядя Паял ею не меньше, чем боевой медалью «За отвагу».

— Часто по радио слышу, да и по телевидению (а в просторном доме Паяла Самбиндалова и радиоприемник, и телевизор есть), — сетует дядя Паял, — будто рыбы у нас мало стало. Неправда это. В нашей реке рыбы столь-

ко же, что и до войны было. Но всегда ли хорошо, по-хозяйски относимся к нашим богатствам? Думаю, что не всегда. Взять, к примеру, проблемы сдачи рыбы. Никогда не было такой проблемы. В Чуанели ледник был. Правда, простой, в землю вкопанный, из обыкновенных бревен и земель заложенный. И лед брали тут же, из реки, ручным способом. Тяжело, конечно. Но зато летом, в пору путины, не было проблемы с приемом рыбы. Тут же ее, свеженькую, на лед, на мороз, на обработку. А теперь, пока везут рыбу до Березова (ведь это полсотни километров, скорость катеров не увеличили), рыба портится. И потому у сосвинской селедки теперь вкус другой стал. А все из-за того, что ликвидировали обыкновенные ледники. Говорят, хотели построить современные холодильники с аммиачными и прочими установками...

Важно и то, что за последние годы в связи с изменением технологии обработки рыбы на всех предприятиях Сибирского управления рыбной промышленности количество людей, занятых на этих операциях, сократилось. Раньше выпускали разнообразный ассортимент продукции. Кроме консервов и мороженой рыбы, вырабатывалось много копченой, вяленой, пряной, балычной, малосольной рыбы. Сейчас же ассортимент продукции сузился: в основном консервы и мороженая рыба. И все из-за того, что предприятиям это выгоднее: меньше требуется рабочей силы, да и продукция такая обходится значительно дешевле. Но ведь копченая, пряная и малосольная рыба пользуется большим спросом у населения. Значит, с этим надо считаться, искать новые пути организации такого производства.

— В лесных озерах сколько рыбы?..

— Много развелось, ловить некому, так и пропадает, — сокрушается дядя Паял. — Видать, в городах ее полно стало, вот и забыли глухие озера.

А я невольно вспоминаю прилавки городских магазинов...

Сейчас лесные озера находятся в забвении, постепенно зарастают, засоряются. Рыбы в них становится все больше и больше. Рыба задыхается от перенаселения. И, если не организовать вылов, может вспыхнуть в глухих озерах эпизоотия — страшная губительная болезнь...

Наша лодка плывет легко. Слышу легкий шорох. Гляжу: лягушка смотрит из воды, выпучив глаза. Плавно разводя передними лапками и дрыгнув задними, всплыла вверх. Точно краля. Бульк! И стрельнула под воду. За мальками. Лягушка — враг рыбы... Но главный ли? Веками они все же уживались. Как человек-промысловик с рыбой...

— Хищник хищнику рознь, — начинает рассуждать дядя Паял. — Главная наша беда вот такая, я думаю: все теперь хотят богато жить, легко зарабатывать. Большими, легкими деньгами запахло на Севере. Конечно, газ, нефть — это очень важно. А разве рыбак не нужен? Класс рыбаков тоже нужен.

Мы с дядей Паялом стояли на высоком мысе Чуанель. По-мансийски он звучит чуть по-другому — Щуя-нёл, что означает «седой мыс». С этого высокого мыса открывается вид на просторы поймы Сосьвы и Оби, воды которых встречаются впервые на противоположном берегу, недалеко от поселка Ванзетур, где теперь живут мои родственники. Противоположный берег виднеется неясно, как в тумане. Если посмотреть наискось, поверхность воды сливается с горизонтом. Это летом, в большую воду. Осенью на месте этого «моря» останется небольшая протока. Это «море», называемое Логинским сором, сейчас играет седыми барашками волн. Не потому ли манси назвали его Седое озеро? Поседел мыс, обезлюдел. Мы идем с дядей Паялом по Чуанелю, как по кладбищу. Поле, выкорчеванное когда-то с таким трудом, теперь заросло бурьяном. Бревна, сиротливо выглядывающие из-под бур-

ной травы, напоминают о жизни, которая недавно ликовала на этом живописном мысе.

На пойменных лугах, что примыкают к реке, слышится кряканье уток. Выпь вопит. На противоположном берегу через протоку кукует кукушка. По луговым кочкам бегают лысухи. На зеленом берегу лужайки целая стая турухтанов. Одни из них гоняются за водяными жуками, другие ловят мушек, третьи то ли дерутся, то ли играют, нанося удары длинными клювами.

С низменного берега реки то и дело зигзагами поднимается какая-то незнакомая мне птица, а затем падает с высоты, распустив хвост, и производит звук, похожий на бляение барашка.

Когда-то здесь, вон на том зеленом островке, я впервые увидел барашка. Теперь там никто не пасет скот. И на этом берегу, на высоком живописном мысе, если не считать ворона, который свил гнездо на кедре, тоже никто не живет...

— Старое дерево знает много и горя, и радости, — вздохнул дядя Паял. — Вот еще какая боль мучит меня, — начал снова дядя Паял. — Земля пустеет, оголяется. Помнишь, каким красивым селением был Чуанель. На высоком берегу стояли дома. На большую воду глядели дома. Веселые дымки согревали наше холодное северное небо. Русские люди жили там. Переселенцы с Печоры. Хорошие люди. Трудовые, как мы, северяне. А протяжные русские песни! Наши широкие плесы оживали. А теперь все замерло. Ни одного дымка. И высокий мыс среди большой реки замер, одичал. Взглянешь — полоснет по сердцу. Грустно. И зачем это люди придумали укрупнение поселков? Земля мертвеет, теряет душу, песню. А сколько травы здесь теперь пропадает! Скот ведь здесь гулял. А рыбы неловленной, птицы нестреляной... Нехорошие слова «неперспективное селение». Для нашего Севера они не подходят. Большая наша Сосьва, длинная. На семьсот километров протянулась. Когда-то за

каждым плесом дымок мансийской деревушки веселил глаз. Теперь все пусто.

Конечно, и в «большой деревне» есть свои удобства: тут и школа, и медпункт, и магазин, и клуб, и управление совхоза. Руководителям удобно. Далеко ездить не надо: люди рядом. И детям хорошо: школа рядом, родители рядом. И все же много ли выиграли люди, оставив свои дома в живописных рыбных, звериных местах? Цену покинутому дому узнаешь потом. Земля дичает, но и человек дичает... Раньше наш северный человек ходил по лесу, сейчас он больше по поселку слоняется. Раньше он за зверем охотился, теперь у магазина больше простаивает... Э-эх! Смеюсь, конечно. Но что-то в этом есть и от правды.

Деревушку, где живет дядя Паял, русские называют Малеевкой, манси по-своему — Квайк-я. На карте ее нет. Но есть она в моем сердце, памяти. Помню ее с первых шагов. Здесь я слушал первые сказки воды, леса, дедушки. Это деревня моего дедушки.

Бывало, встанешь утром, а завтрак уже на дереве сидит краснобровым глухарем. Глухаря не хочешь — тут же в зеленотравых зарослях плещутся дикие утки. Уток не хочешь — посмотри ловушки: в них, если нет нельмы или муксуна, сырок-то уж обязательно серебрится. Рыбы не хочешь — попей парного молока: на зеленой лужайке привольно разгуливают коровы, пощипывая сочную траву. Умели древние манси выбирать место для жилья. Теперь же надо бежать в магазин, стоять в очереди.

— Так я думаю, — продолжал между тем дядя Паял. — Мы вот вдвоем со старушкой своей остались. Сыновья и дочери ушли от нас. В людных местах живут. Много зарабатывают. А нам грустно. Хорошо, что в отпуск приезжают. Летом, когда большая рыба играет. А то бы совсем плохо.

И все же жалко. Семь домов было — остался один наш дом. Чую, сыновья мои не будут здесь жить. Сов-

сем замрет, одичает наш берег, берег рыбистой Сосьвы. Боюсь и за нашу таежную речку. Знаешь, а я ведь сохранил не только токовища глухарей, но и «священную» избушку твоего дедушки. Так что духи предков твоих не тронуты. Ты наследник дедушки. Может, ты разумнее других? Может, ты сюда приедешь и продолжится здесь жизнь? Э-эх! Ничего не понимаю, как такие рыбистые, звериные места можно оголять, менять на другую, шумную жизнь? Знаю, никто из моих сыновей не будет жить на этом тихом берегу. И последний наш дом в этой тихой деревушке покосится, огонек погаснет навсегда. Знаю, все теперь к большим поселкам, городам льнут. И ты ведь далеко уехал. Но я много жил. Мудрость копил годами. Твою душу читаю, как книгу белую. Знаю. Ты пишешь книги, играешь со словом. Помнишь ли ты, как дедушка относился к слову?

— Как не помнить? Слово и в небо поднимет, и на землю уронит, кажется, говорил он.

— Оленя хватают за рога, человека ловят на слове. Самое сладкое и горькое в мире — слово. Видел — не скрывай, не видел — не болтай. Раз скажи, два подумай. Не кричи на ветер, голос зря не дери. Знай. Доброе слово и оленя на путь выводит. Правдивое слово все препятствия свалит. Помни. От хорошего слова миру светло.

На спокойной глади воды плеснула большая рыба.

Паял поднял голову. На лице его зацвела таежным цветом торжественная радость человека, постигшего смысл мгновения, а может, и всей жизни.

— Вечер располагает к думам, — вздохнул он, — день несет заботы, работу. Кедру цена по шишкам и орехам, человеку — по труду. Человека греет не шуба, а работа.

Труд — зеркало человека.

Без воды нет жизни, без труда — услады.

Дело доблестного — труд.

Трудись на совесть — народ похвалит.

Работа. Труд. Вот что главное в жизни.

Солнце уже село. Но его лучи обагрjali ярким пламенем края облаков. Казалось, облака были обшиты красной каймой с розовым отливом.

— Слышал, что в Игриме, да и на Пунге газ кончился. Выкачали его за каких-то десять лет. А вот рыбы в реке, соболя в тайге, да и сама тайга — богатства особые, самовозобновляющиеся. Каждый год снова река родит рыбу, а лес — зверя. Бесконечно будет так, если относиться к этим дарам по-хозяйски.

Грусть сквозила во взгляде дяди Паяла, когда мы прощались. Большая грусть. И его слова, как напутствие, звучат во мне:

— Кто не ценит малое, тот не ценит и большое. Кедру цена по орехам, человеку — по труду. Трудись на совесть — народ похвалит. Где народ — там и герои. Богата страна — богат и ты...

Да, богата наша земля! И нефть, и газ, и лес, и рыба, и пушнина! Всего, кажется, вдоволь. Но именно богатствам нужен хозяин, который скажет вовремя: «Не транжирь! Умей не только изменять, но и сохранять!» Не консерватор ли Паял? А может, он настоящий хозяин. Ведь печется-то не о себе. Он требует разумной бережливости, внимания к природным богатствам, хозяйского отношения ко всему на земле.

Взгляни-ка, друг, в мою родную сторону.
Ее угодья издавна щедры.
Раскинула, как скатерть, свой простор она,
Расставила на скатерти дары.
Нефтяники, строители, отбросьте
Хотя б на время прочие дела!
Напоминаю вам, что мы не гости —
Хозяева у щедрого стола.
Чтоб этот стол не оскудел навеки,
Не вымирали рыбы и зверьки,
Чтоб в некий день не запылали реки,
Самой природе вечной вопреки,
Давайте думать все, пока не поздно!
Земля одна, и нет второй земли.

Над ней сегодня снова небо звездно,
Готовы к стартам чудо-корабли.
Тебе привет мой, звездная эпоха!
Но говорю уверенно вполне:
Того, что землю берегли мы плохо,
Нам дети не простят и на Луне!

Помню, тогда мы подъезжали к Малеевке белой ночью.
Дом Паяла стоит под разлапистыми ветвями кедра.

Стоит кедровый бор. Молчаливо стоит, точно думает
какую-то таинственную думу. Кажется, бесстрастна и
покойна дума кедрового бора. Растет по-своему, живет
кедровый бор. Весной кедры украшают ветви зелеными
иглами. Летом ветви тяжелеют от смолистых шишек.
Осенью вместе с пожелтевшими иглами падают шишки
со зрелыми орехами.

В какой-то невидимой тайне протекает жизнь кедрового бора. Кто поймет, кто расскажет? В тайне живет кедровый бор, в тайне рождает новую жизнь и живет по-своему, по таинственным таежным законам. Разгадать его законы и не нарушить естества, продолжить жизнь, созидавая светлое утро завтрашнего дня, — наша человеческая задача...

Слышите, слышите, слышите, люди,
Не разорвите извечные кольца!
С небом, с водою, с вами что будет,
Если последняя рыба плеснется,
Сгинет в трясущейся атомной мгле
На гулкой и грешной земле?
Вспыхнет последняя рыба большая —
Это рыбак на последней лодчонке,
Вместе с последней звездой догорая,
Вскрикнет — и связь оборвет навсегда.
С тобой, золотая вода...
Но, за волной волну пригибая,
Держишь, рыбак, ты весло свое крепко —
И не сорвется звезда голубая
С сильных ладоней двадцатого века!

СОДЕРЖАНИЕ

Большая вода	3
У времени своя песня	14
Тобольский орнамент	22
Былина о сумрачном времени	35
Взгляд с Самаровской горы	49
Первый учитель	61
Отчего зажигаются звезды	79
От загадки к искусству	88
Первооткрыватели Самоглора	99
Север — хранитель огня	114
Сияние Севера	122
Мчатся олени	139
Огнедобытчик	164
На крылатой лодке	188
Большая рыба	204

Шесталов Юван
Ш 51 Большая рыба: Слово. Дело. Песня. — М.: Профиздат, 1982. — 224 с.

70 к.

В новой книге известного мансийского писателя рассказывается о большой любви автора к родному краю, о трудовых буднях советских рыбоводов, которые, как рачительные хозяева, стремятся увеличить продуктивность внутренних водоемов, создают рыбопроизводные заводы, поставив свое хозяйство на строго научную основу.

Эта книга — увлекательный рассказ о великом многообразии природы, о поэзии, связанной с животворной водой. Герои повести — славные труженики тюменского Севера.

Ш $\frac{4702370000-362}{081(02)-82}$ 77-82

ББК 84Ма

С2

ИБ № 1222

Шесталов Юван Николаевич
(Юван Шесталов)

БОЛЬШАЯ РЫБА

Зав. редакцией *В. Е. Вучетич*
Редактор *В. Ф. Трусова*
Художник *Р. М. Мусихина*
Художественный редактор *А. П. Ерасов*
Технический редактор *В. Д. Шульдешова*
Корректор *З. А. Бетева*

Сдано в набор 26.01.82. Подп. в печать 13.05.82. А06560. Формат 70×108^{1/32}. Бумага тип. № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,80. Уч.-изд. л. 10,20. Тираж 100 000 экз. Заказ 148. Цена 70 к.

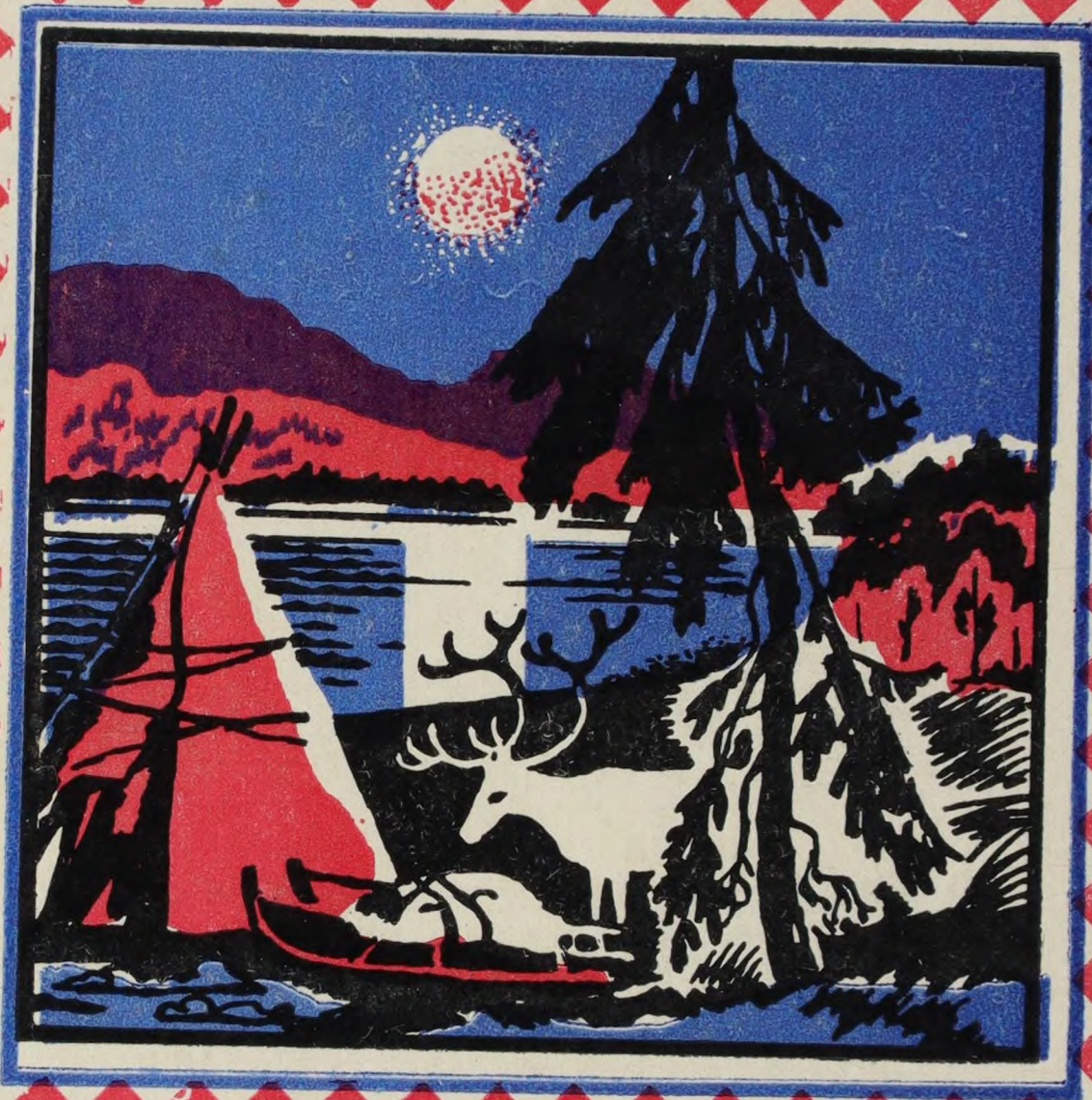
Ордена Трудового Красного Знамени издательство ВЦСПС Профиздат, 101000, Москва, ул. Кирова, 13. 1-я типография Профиздата, Москва, Крутицкий вал, 18

7

96222004
Окружная библиотека

70 к.

ПРОФИЗДАТ
1982

РНФ

Государственная библиотека Югры